

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВ

Дневник
советского детектива

Проверка связи

18+

Евгений Долматов

Дневник советского детектива

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69512968

SelfPub; 2024

Аннотация

Про печально знаменитые «девяностые» написано много книг и снято еще больше кинофильмов. В них все – о криминальной обстановке в Москве и Санкт-Петербурге, а вот остальные города описаны мало. Алексей Беляев, оперативный сотрудник уголовного розыска, рассказывает о интересных и необычных эпизодах службы. Автор придерживается строгого, почти документального описания расследуемых преступлений. В основе рассказов – реальные уголовные дела и отказные материалы, составленные по заявлениям граждан. Если в «девяностые» и «нулевые» работа милиции представлена в основном в негативном ключе, то в советскую эпоху, наоборот, чересчур отлакирована. Автор показывает золотую середину реальной служебной действительности. Книга посвящается милиционерам, которые в те непростые времена сохранили честь и достоинство, не предали интересы службы, не оказывали услуг криминалитету и не выполняли преступных приказов продажного руководства.

Содержание

Последний причал	6
Часть 1. Биржа труда	7
Часть 2. Стажер с жезлом и широко открытыми глазами	13
Проездом из Заречного	21
Шапочное знакомство	33
Клетка для барона	43
Часть 1. Академий не кончавшие	44
Часть 2. Случай в парке, или Проверка на прочность	48
Часть 3. Жажда жулья	62
Часть 4. Предварительные ласки	65
Часть 5. Пакт о ненападении	72
Дело чести	87
Часть 1. Уроки «химии»	88
Часть 2. На обратной стороне Луны	93
Часть 3. Проверка информации методом «Тоби Ёко Гери»	97
Дедуктивный метод	110
Угол атаки	119
Часть 1. Мысли о главном	120
Часть 2. Саблезубый клиент	130
Часть 3. Многомировая интерпретация	139

Эверетта	
Девчата	149
Часть 1. Вояж до гримерной	150
Часть 2. Директива для детектива	161
Часть 3. Метод акупунктуры	172
Золотая Катя	195
Часть 1. Санкция на обыск	195
Часть 2. Беспечный ездок	202
Часть 3. Зубр промахнулся	207
Стокгольмский синдром	214
Примечания	235

Евгений Долматов

Дневник советского детектива

Дневник
советского детектива

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЧАЛ

Последний причал

Впереди идет ОУР,
Вечно зол и вечно хмур.
Милицейский фольклор

«Мы полагаем, а Бог располагает» – видимо, этим правилом руководствовалось Провидение, когда заставило Беляева переступить порог артемовской милиции и оказаться в чутких руках сотрудницы кадровой службы, привлекательной молодой женщины с хорошей фигурой.

Спустя много лет для него самого остается загадкой, как он, недавно отучившийся на судоводителя и получивший диплом штурмана, оказался в этом приземистом одноэтажном здании ГОВД. И как же он благодарен этому провидцу за такое неожиданное сложение жизненных пазлов.

Часть 1. Биржа труда

В Советском Союзе в отличие от загнивающего Запада безработицы не было, но безработные были. Это те, кто никак не мог воспринять благую весть о том, что труд сделал из обезьяны человека. Для такой прослойки населения заботливая рука Родины предусмотрела статью 209 УК РСФСР (тунеядство) и приобщила непонятливых к этой непреложной истине в течение трехсот шестидесяти пяти дней в исправительно-трудовых учреждениях закрытого типа.

Вопросы занятости населения и наличия вакансий на предприятиях находились в ведении городских бюро по трудоустройству. В Артеме эта служба занимала два небольших кабинета на первом этаже горисполкома.

Молодой штурман Беляев узнал о существовании одного заведения совсем недавно и не потому, что ему вдруг понравилась выбранная морская стезя. Просто внезапно он в полной мере ощутил себя молодым да ранним родителем двух детей со всеми вытекающими из этого последствиями.

Эту жизнеутверждающую весть он получил по прибытии в порт приписки своего судна. Совсем недавно его танкер из серии «малышей» пришвартовался к причалу нефтебазы в Находке после пятимесячного рейса в «полярке», где третий помощник капитана Беляев был проинформирован молодой женой, прибывшей его встречать, что в рейс она его больше

не отпустит и что пора решать вопрос с квартирой – жизнь в частном доме у родителей становится слишком обременительной для них.

Впечатлившись услышанным, молодой мореплаватель, осознав всю меру, степень и глубину своей ответственности, решил поискать работу в Артеме, не увольняясь пока из пароходства. Ему предстояло совершить жизненный разворот на сто восемьдесят градусов, и сделать это было возможно, только сохраняя холодным рассудок и трезвомыслие.

Предстояло обучиться новой профессии, зарекомендовать себя на новом поприще, получить жилье, и будет тогда счастье. Задача, конечно, была из разряда фантастики. Но спустя полтора года звезды сложились так, что все вышеперечисленное с Беляевым случилось на раз-два.

– Ну и какая же ваша основная специальность? – отставив в сторону кружку с чаем, поинтересовалась у Алексея чиновница бюро по трудоустройству, порог которого он переступил в поисках будущей работы.

– Я – судоводитель, окончил мореходное училище, сейчас работаю на танкере третьим помощником капитана, – без особой надежды на успех ответил Алексей.

– Ну, в нашем городе плавать негде... Даже не знаю, что вам и предложить, – изрекла мадам Безнадега.

– Я где-то слышал, что можно переучиться на летного штурмана и работать в авиации. В Артеме большой аэропорт, – как вариант предложил Беляев. Совсем недавно во-

прос этой перекавалификации он обсуждал с друзьями.

– Мне об этом ничего не известно, но вот в том же аэропорту есть должность инспектора по кадрам, девяносто рублей зарплата, основное занятие – печатать на машинке, – предложила чиновница.

– Печатать на машинке я, конечно, могу. Спасибо, но у меня на иждивении двое детей и жена, на эти деньги прожить не получится, – ответил Алексей. Его средняя зарплата в пароходстве составляла сто тридцать рублей.

Возникшая невольно пауза затянулась, сторонам определенно нечего было сказать друг другу.

– Ладно, я пойду... Спасибо за прием. До свидания, – соискатель направился на выход.

– Послушайте, а может, вам в милицию попробовать? – произнесла вслед уходящему Беляеву инспектор по трудоустройству.

– В милицию? – ответил ей вопросом на вопрос ошарашенный Алексей и по инерции, больше для приличия, спросил: – А где она находится?

– Да вот же, внизу. Вы мимо нее сейчас будете проходить, – мадам кивком показала в окно, где виднелось невзрачное одноэтажное строение.

Первое, что воображение нарисовало Беляеву при слове «милиция», – это конвой в длинных до пола шинелях с винтовками за плечами и почему-то в буденовках. Это было смешно, нелепо и ужасно одновременно.

Второе, что пришло в голову, – реакция друзей, когда они узнают, что он вдруг стал милиционером, подумают, что это какой-то розыгрыш.

И третья мысль, что этого не может быть, потому что не может быть никогда. Все его неполные пять лет обучения в мореходке, весь близкий круг общения сформировал в нем крайне негативное мнение о милиции. Конечно, он не был отъявленным хулиганом, но законы улиц Владивостока в часы увольнений заставляли порой участвовать в боях без правил, как групповых, так и одиночных, после которых они с друзьями оказывались в отделении. И вот теперь он идет туда уже не в качестве задержанного, а устраиваться на работу... Это было дико и нелогично.

Однако генетический код, состоящий из упрямства, любопытства и здоровой доли авантюризма, сделал свое дело – он все-таки зашел в ГОВД и имел беседу с приятной молодой сотрудницей кадров Сафоновой.

После непродолжительного знакомства и просмотра документов Беляева она рассказала о должностях, существующих в милиции, а также о тех, на которых имеются вакансии. Он слушал инспектора кадров, как во сне, и с трудом представлял, кем в принципе он мог бы здесь работать. Беседа проходила по давно отработанной схеме: звучали обычные вопросы, на которые давались такие же обычные ответы. Когда прозвучала вакансия в отделе уголовного розыска, Алексей был несколько огорошен. Из книг и фильмов ему каза-

лось, что там работают люди с особыми качествами и специальной подготовкой, которой обучают в учебных заведениях. А здесь все просто, из моряков в сыщики.

– А что вы удивляетесь? У нас несколько лет работал сыщиком тоже моряк и тоже помощник капитана. Очень хорошо, кстати, работал. У нас и в других службах есть люди с морским образованием, – рассказывала Сафонова.

– Я ведь в основном из-за жилья ухажу из пароходства, дадут ли в милиции квартиру и как скоро? – спросил Беляев.

– Как себя зарекомендуете. У нас квартиры дают в первую очередь в уголовном розыске и участковым. Все будет зависеть от вас. Вы же офицер запаса, месяца три-четыре поработаете младшим инспектором, затем на офицерскую должность, – разворачивала заманчивые перспективы сотрудница кадров. – Кроме того, у нас есть своя медсанчасть и льготное медобслуживание.

Алексею было также поведано о раннем выходе на пенсию, большом отпуске и бесплатном проезде к местам отдыха. Устоять перед всем этим было невозможно, и он решил попробовать. Ведь если не пойдет, то уволиться можно всегда.

После собеседования из ГОВД он вышел уже по-другому заряженным. Было понятно, что судьба уготовила крутой жизненный разворот, переходящий в американские горки. Впереди ждала большая учеба без отрыва от производства в некоем виртуальном правоприменительном универ-

ситете жизни, основным предметом изучения в котором являлись люди, их сообщества, привычки и повадки, способы добывания пищи, выживания, маскировки поступков и манипулирования другими людьми. Со временем Беляев начал понимать, что, помимо изучения других людей, университет внимательно изучает и его самого и этот процесс длится непрерывно на протяжении всей службы, составляя психоэмоциональный и профпригодный портрет обучаемого.

На дворе стоял октябрь 1979 года. Почти до декабря длились процессы увольнения, оформления, различных проверок, пока перед самым Новым годом Алексей не вышел на работу в ГОВД. Ему было заявлено, что праздники можно провести дома, а сразу после них его ждут на новом месте.

Часть 2. Стажер с жезлом и широко открытыми глазами

Закончились новогодние праздники, на вахту заступил новый, 1980 год, и отделение уголовного розыска Артемовского ГОВД пополнилось новой штатной единицей – младшим инспектором Алексеем Беляевым. Начинаящий детектив приступил к работе, не имея ни удостоверения, ни права на ношение оружия, но зато облаченный в форменный китель штурмана со споротыми погонами и меховой черной полушубок с плеча тестя – на приличную гражданскую одежду за полтора года каботажного плавания заработать не удалось. Так, наверное, приходили записываться в народное ополчение в далеком «сорок первом».

На первых порах его закрепили за группой по борьбе с угонами автотранспорта. В его обязанности входило внимательно слушать старших и выполнять их распоряжения. Пару недель он, напряженный, просидел в кабинете у окна, периодически закуривая и выезжая с кем-нибудь из инспекторов. В основном его брали на несложные задержания подозреваемых и приводы свидетелей по нераскрытым преступлениям.

Неожиданным открытием для новичка стал факт отсутствия транспорта у сотрудников розыска в зимний период от слова почти совсем.

В связи с этим негативным обстоятельством вспоминается один духоподъемный фильм, где главный герой, наставник, покручивая седой ус, говорит молодому ученику: «Вот погоди, сынок, дай только срок, победим (ну а далее по ранжиру на выбор: контру, кулаков, японцев, немцев, всех капиталистов-империалистов) и тогда заживем...»

Между тем на дворе стоял 1980-й год: все войны позади, все враги повержены, а у милиции до сих пор нет нормального транспорта, от которого зависела скорость реагирования и раскрытия преступлений.

Беззастенчивое вранье, льющееся с голубых экранов и книжных страниц, очень выпукло стало проявляться в первые же недели работы на новом поприще.

Поначалу Алексей не мог понять, как справляются оперативники в условиях ежедневного аврала сыплющихся нескончаемой лентой преступлений с задержаниями и доставкой в Отдел разнокалиберных злодеев. Мало того что злыдня надо установить, обнаружить и задержать, так еще и доставить, и разговорить.

А если он активно сопротивляется, в грязи, в крови? Перевозить такую публику в общественном транспорте или на попутке – тот еще цирк. И ведь возили, ведь доставляли, шокируя пассажиров городских автобусов.

Можно с уверенностью предположить, что эта «досадная» проблема решилаась сама собой только с массовым появлением личного транспорта у сотрудников милиции, одновременно

менно со всеми гражданами, уже в новой стране, когда авто перестало быть премиальным дефицитом.

Впрочем, на все это Алексею скоро стало наплевать, как и на дряхлое здание, разваливавшуюся мебель в кабинетах еще с военных времен, ибо «на войне как на войне». А ветхий антураж и почти полевые условия придавали службе этакий фон чрезвычайной нужности дела, которым занимается оперсостав при круглосуточной готовности к выезду. Было в этом что-то от октября 1917 года, когда умирялась вставшая на дыбы страна, разгорались на необъятных просторах крестьянские восстания, а в городах процветала уголовщина. Работа в атмосфере конвейерной ленты захватила его с головой и не давала толком ее поднять и оглянуться вокруг почти двенадцать лет кряду.

Был дан старт гонке на выживание и долготерпение, гонки не киношной, а настоящей, захватывающей, опасной и любимой одновременно.

Как-то само собой обнаружилось и решение транспортной проблемы. Оказалось все просто – это был жезл, обыкновенная деревянная или пластиковая палка, выкрашенная в черно-белый цвет. Его использование регламентировалось постоянно звучащей из уст руководителей установкой: «Весь транспорт города в вашем распоряжении». Заминка была только с такси, на этот вопрос начальник разводил руками и изрекал:

– А это уже как договоритесь.

Следующим открытием для вчерашнего судоводителя стал тот факт, что, судя по количеству совершаемых злодеяний, фиксируемых в городской сводке происшествий и преступлений в городе Артеме и его поселках, идет необъявленная гражданская война. «Война без особых причин», – как позднее спел Цой.

Жители городка с вдохновением и без оногo убивали друг друга, наносили стреляные, колото-резаные и рубленые раны, проламывали черепа, ломали конечности, ребра, отбивали внутренние органы, грабили, разбойничали, воровали, мошенничали, насиловали и хулиганили.

Степень накала этих нескончаемых сражений можно было с легкостью определить в любом городе страны по трем реперным точкам – это дежурные части милиции, морги, травмпункты и приемные покои больниц. Эти учреждения, в силу необходимости, как чуткие локаторы, ведут прием, учет и по возможности нивелируют последствия непрерывных сражений. Это была другая планета, притаившаяся в тени большой Земли, неведомая в силу закрытости статистики для большинства населения.

Перед Беляевым судьба открыла дверь в чертоги этого коллективного сумасшествия, в кровавый, извилистый лабиринт с аттракционами в виде человеческих трагедий, ежедневного риска с непредсказуемым исходом, интриг и предательств по службе, измен близких людей.

Но жизнь, как и тельняшка, состоит не только из черных

полос, они, к счастью, чередуются со светлыми. И весь вышеперечисленный негатив меркнет перед той, почти семейной, атмосферой боевого братства и взаимовыручки, царившей в отделении уголовного розыска, перед удовлетворением, которое испытываешь, когда удается победить хитрое, наглое и сильное Зло. Ближний круг друзей-оперативников, образовавшийся вокруг Алексея, состоял из ребят, его ровесников, так же, как и он, «горевших» на работе, но умевших и душевно отдохнуть после нее. Его кабинет под номером 21 часто служил местом концентрации этого веселого контингента. Главные качества, которые привлекали Беляева в соратниках, были просты – он не должен быть стукачом, трусом и «халявщиком» по жизни и по работе. Впрочем, такие же требования предъявлялись и к нему самому. Незримой нитью среди их разговоров и действий присутствовало повышенное чувство справедливости.

Это была их банда, банда Добра, банда со знаком плюс. Она возникла в противовес многочисленным бандам с отрицательным зарядом, которые несли жителям города слезы и горе. И в отличие от своих противников команда Добра действовала не ради наживы и корысти, а всего лишь за скромное государственное вознаграждение, как могла, выполняла свою роль городских санитаров. При соприкосновении двух разнонаправленных зарядов получалось короткое замыкание и разряд, после которого воздух в обществе становился чище, повышался его коллективный иммунитет.

– Алексей, собирайся, едем проверить информацию по Гнилому, у него должен быть обрез, будем задерживать, – капитан Сильченко был краток. – Готовность пять минут.

– Понял, – отвечал Беляев, – экипируюсь подручными средствами? Ствола мне пока не дали.

– А что возьмешь?

– Да вот изъяли тут недавно у конокрадов, а они почему-то не идут за вещицей, – усмехнулся Алексей и, выдвинув ящик стола, достал ракетницу со вставкой под патрон шестнадцатого калибра.

– Тяжела кольчужка, неудобна в деле, – резюмировал Сильченко, держа в руках изъятый огнестрел. – Давай-ка я тебе другой задарю.

Он открыл свой сейф и протянул младшему оперу самодельный наган под мелкокалиберный патрон, тот был гораздо легче и компактнее ракетницы.

– Пока владей, до получения табельного ПМ¹, а там видно будет. Все, выходим. Машина готова.

Беляев быстро надел кожаную куртку, засунул трофейный наган за поясной ремень, и трое оперов, сев в гражданский «Москвич» знакомого внештатника, уехали в ночь на задержание владельца обреза.

С семьей и режимом работы тоже наступила полная ясность, она могла наблюдать молодого родителя по воскресеньям, в будние дни он приходил с работы за полночь и уходил, еще пока все спали, суббота также была наполовину ра-

бочей. С начислением зарплаты было еще проще, она совершенно не зависела ни от количества времени, проведенного на работе, ни от показателей и была годами, на удивление, стабильной, не склонной к повышению суммой.

Так происходило становление и крещение молодого сыщика.

Первые тридцать дней у него не было даже удостоверения, не говоря уже о большем. Старшие товарищи, признав в Беляеве своего, уже доверяли ему выезжать на попутном транспорте в дальние адреса и доставлять подозреваемых в Отдел. Алексей брал полосатый жезл, выходил на главную городскую магистраль, идущую вблизи ГОВД, останавливал автотранспорт, чаще грузовой, и ехал в попутном направлении до нужного адреса, дальше пешком.

Провидение хранило его – никто за это время ни разу не потребовал у него предъявить удостоверение.

Спустя ровно месяц в отделе кадров Беляеву вручили долгожданный документ, и теперь уже на законных основаниях новобранец выпорхнул на городские просторы.

Начинался февраль восьмидесятого, Алексея вновь отправили куда-то на задворки. И, как обычно, остановив очередной грузовой ЗИЛ, он приготовился к длительной поездке, но бдительный водитель впервые спросил у него документы. На что полноправный теперь уже младший опер с чувством глубокого удовлетворения достал красные корочки и представился по всей форме. После чего запрыгнул в каби-

ну, и машина тронулась в путь длиной в непростые двенадцать лет.

Дневник
советского детектива

ПРОЕЗДОМ ИЗ ЗАРЕЧНОГО

Проездом из Заречного

«Заречное – село в Уссурийском городском округе Приморского края, расположенное в двадцати четырех километрах от города Уссурийска. Является местом расположения второй краевой психиатрической больницы».

Для уха Беляева название сего населенного пункта впервые прозвучало в восьмидесятих годах прошлого тысячелетия.

Начинался февраль 1981 года. Наступил один из двух законных выходных дней. Отгремели новогодние праздники, оставив свой стандартный кровавый след в виде огнестрелов, колото-резаных ран, черепно-мозговых травм, гематом на лицах и телах отдельных неумных граждан. Городские улицы тщательно выметены леденящим ветром, который из-за бесснежья казался особенно колючим. Февраль будто бы наводил генеральную уборку за хмельным январем, настраивая горожан на рабочий ритм. На улицах было малоллюдно, большинство жителей, сделав домашние дела, заняли свои места в теплых жилищах перед телевизорами в ожидании очередной серии фильма «Семнадцать мгновений весны».

Беляев почти бегом, как на задержании, влетел в здание Отдела прямо с морозно-негостеприимной улицы, потирая замерзшие уши, кивнул дежурному и прошел в свой кабинет под номером 21. Снимать пальто не стал, потому как темпе-

ратура воздуха в нем мало отличалась от уличной из-за отсутствия отопления. Вернее, сопутствующие ему элементы в виде труб и батарей имелись, но бездействовали по особо секретным причинам, о которых личному составу уголовного розыска знать не полагалось. Сняв шапку и немного отогревшись, Беляев достал из сейфа документы и приготовился к погружению в дела оперативного учета. Скоро должны были подойти и остальные ребята, коллеги по группе.

Его рабочее место находилось вплотную к окну, выходявшему прямо на обычно многолюдную улицу. Беляев обычно сидел к нему спиной, а в минуты перекура мог созерцать броуновское движение² горожан, развернувшись к окну вполоборота. И сейчас Алексей, приняв это же положение, больше для проформы, но с малой толикой надежды положил ладонь на безупречно ледяную батарею. Увы, чуда не случилось. Оставалось надеяться на повышение уличной температуры, которое автоматически потянет за собой и повышение кабинетной.

Но что это? На абсолютно безлюдной, продуваемой февральским ветром улице показалось «Нечто». Объект двигался быстрым шагом занятого человека, спешащего по неотложным делам. Если бы пришлось составлять ориентировку на его розыск, она могла бы выглядеть так: «Рост – один метр девяносто сантиметров, плотного телосложения, круглолицый, волосы волнистые средней длины, русые. Без головного убора. Одет в расклешенные брюки темного цвета, расстег-

нутую на груди светлую рубашку с закатанными рукавами, поверх рубашки носит настенный плюшевый ковер с изображением двух рогатых оленей в период гона, ковер завязан на широкой груди узлом». Это первое, что пришло в голову. Человечище уверенно прошагало перед окном и скрылось из поля зрения инспектора. Поисковые инстинкты правоохранителя пришли в движение.

«Дежурной части будет сподручнее его остановить. Он же движется в их сторону», – подумал Беляев и, подняв телефонную трубку, попросил дежурного задержать НЛО. Что и было неукоснительно исполнено.

– Алексей, задержанный находится в кабинете у Куликова, пройди к нему, пообщайся, если считаешь нужным. Но, похоже, это не наш клиент, а психиатров. Будем звонить в медицину, пусть забирают, а пока побудет у нас, – вскоре проинформировал его дежурный.

В кабинете у старшего инспектора угрозыска Куликова присутствовали трое – сам Куликов, Гришанин и непосредственный виновник торжества.

Задержанный сидел на стуле, слегка подпирая своей могучей спиной небольшой участок стены. На фоне по-зимнему одетых инспекторов он выглядел, мягко говоря, необычно. Теперь появилась возможность как следует разглядеть его. Это был молодой человек, на вид лет двадцати пяти, высокого роста, круглое лицо было красно от мороза, впрочем, как и руки с кулаками, похожими на футбольные мя-

чики. Он действительно был одет легко, и этот летний ансамбль дополнялся накинутым на плечи плюшевым настенным ковром с изображением брачующихся оленей, который небрежно был завязан на груди. На ногах – летние сандалии. Как обычно бывает в таких случаях, между оперативниками установилась невидимая телепатическая связь, позволявшая понимать друг друга с полуслова-полувзгляда.

«Что он поясняет?» – спросил Беляев у Куликова, кивнув на задержанного.

«Еще не успели толком опросить, только что привели», – отвечал Куликов, пожимая плечами.

– Ты кто? – спросил Беляев у незнакомца.

– Я – Бог, – ответил тот.

Инспекторы переглянулись с плохо скрываемой усмешкой и включились в игру, предложенную объектом их оперативного интереса.

– Бог, как тебя зовут? – продолжал Алексей.

– Вовка, Бог Вовка я, – представился тот.

– Где же твой дом, Вовка? – уточнил Беляев. – Где постоянно проживаешь?

– Проживаю на стационаре, в Заречном, на больнице, – не задумываясь, отвечал «пришелец».

– Так ты больной, получается, – задумчиво протянул Алексей. – И какой диагноз тебе определили врачи?

– Параноидная шизофрения с галлюцинаторным синдромом на почве наркомании, – как хорошо выученный урок без

запинки отчеканил Вовка название заболевания.

Сыщики посмотрели на него с нескрываемым удивлением. Больной чувствовал это и все больше входил в роль компетентного собеседника.

– А что в бега ударился? Что побудило тебя нарушить режим? Тебе же лекарства надо принимать регулярно, – продолжал опрос Беляев. Ему было важно хотя бы примерно установить, где и сколько времени находился в Артеме беглец и что успел наворотить.

– Да я не хотел убежать, так получилось. В общем, я сидел на окне в палате и занимался онанизмом, а мимо проходила медсестра и увидела меня за этим занятием. Мне стало стыдно, я застеснялся и на следующий день сбежал, – выдал незамысловатую историю Вовка.

– А зачем с наркотиками связался? Погубишь здоровье по своей же вине, станешь слабым, старым и никому не нужным, – включил морализатора Алексей.

– Что-о-о?... – Вовка обвел инспекторов возмущенно-туманным взглядом. – Я сильный, очень сильный, я знаете, как могу?

Опера насторожились в ожидании чего-то рукопашного: вязать сумасшедших им пока не приходилось. А тот, сжав кулаки и напрягшись всем телом, чуть привстал со стула. Простояв в такой позе секунд пятнадцать, плюхнулся обратно.

– Вот. Поняли, как я могу? Я сильный, – произнес он.

– Да, Вовка, ты сильный, мы в этом убедились, – несколько разрядил обстановку Куликов. – А вот скажи, если на нашу страну вдруг враги нападут, китайцы например, они от нас недалеко тут, а у нас молодежь наркотиками балуется, получается, некому воевать будет, так? – продолжили они ранее начатую тему.

– Наркоманы все как один пойдут в бой, я отвечаю, можете не сомневаться, – успокоил Вовка своих собеседников. – Я вам больше скажу, никакой войны с Китаем не будет, грядет другая война, междоусобная, и будет она проходить в каждом городе и в каждом поселке. Между самих наших людей вражда пойдет. Друг друга уничтожать будут. Немного осталось до этих дней, лет восемь-десять, – вешал провидец.

«Эка невидаль, люди и сейчас один другого калечат и убивают, как на конвейере», – переглянулись инспекторы, чувствуя между собой телепатические токи.

– Да! Мы уже начинаем бояться, – резюмировал Беляев с невеселой усмешкой. – А какая будет причина тех событий, что подтолкнет людей к взаимному истреблению?

– Желание выжить для себя и своих близких, недоверие и страх голода, на руках будет много оружия, – отвечал Вовка.

– Откуда же оно возьмется у людей? И какое оружие, самодельное, лук и стрелы? – пытался раскатать задержанного Алексей.

– Нет, – вполне здраво отвечал прорицатель, – армейское оружие в основном, в меньшей степени ваше, милицейское.

«С армейцами это бывает и сейчас», – переглянулись опера.

«А вот с нашим сталкиваться не приходилось... Хотя стоп! Гуляет же оперативная информация, что у «Третьей смены»³ на руках ПМ ходит и вроде этот ствол отобран у замначальника угрозыска Хромова несколько лет назад при конфликте с пьяной толпой в ресторане», – подумалось Беляеву.

Забегая вперед, добавлю, через несколько лет станет известно, что вся история с Хромовым окажется имитацией правды, а сам ветеран Хромов – предателем, и вороненая тень этого события тоже не пройдет мимо Беляева.

Ну а пока оперативник переваривал все сказанное задержанным.

– Все в «елку», – размышлял Беляев. – Кто он, этот быстროногий гигант с оленями на груди? Примитивный «нарк» с поехавшей крышей или грамотный имитатор, за поведением которого кроется что-то серьезное? Судя по биографиям многих великих, у них тоже не все в порядке было и с образом жизни, и с образом мыслей. Так что может и этот из их числа, из просветленных.

В любом случае времени на разгадку феномена и его предсказаний попросту не было, пришлось довольствоваться удобным объяснением, что все сказанное – бред сумасшедшего. В пользу этого говорила и информация из медицины – данное лицо действительно стояло на учете, разыскивалось

и подлежало водворению в больничные палаты.

А между тем никаких видимых и явных оснований для его умозаключений на тот период в кажущейся монолитной стране не просматривалось даже близко. Ее насквозь пронизывало «единство Партии и Народа», две телевизионные программы с куратором Лапиным на страже, стандартный набор ручных лояльных СМИ и система образования с заданным перечнем учебников.

Дозированного объема информации об окружающем мире хватало для большинства населения, чтобы чувствовать себя относительно комфортно в союзном аквариуме с границами на замке, и позволяло мириться с «отдельными недостатками». Правда, аквариум этот в узких местах «протекал» – из-за рассказов моряков дальнего плавания, гастролирующих артистов, книг диссидентов, фильмов и песен «оттуда». Это в какой-то мере будоражило сознание советского человека, но повседневность, быт и некоторые преимущества жизни в Союзе надежно удерживали крышку слабо бурлившего котла. Впрочем, определить степень надежности и бурления подавляющему большинству населения было невозможно, небезопасно, да и не нужно. Ведь известно, что правда губительна для государственных устоев так же, как чистый кислород для человеческого организма, если в нем отсутствуют азот и другие компоненты дыхательно-воздушной смеси.

Но если бы отдельному гражданину удалось все-таки за-

глянуть под крышку котла, ему бы открылась адская мешанина событий: реки крови в период становления страны Советов, Эвересты лжи, лицемерия и несбывшихся обещаний ее отцов-основателей, три голодомора, череда восстаний и массовых беспорядков уже в послевоенное время, переходящая все границы криминальная обстановка с самым большим в мире числом заключенных и техногенные катастрофы с человеческими жертвами. На дне котла наблюдатель бы увидел химеру под вывеской «Советская экономика» с уродцем Госпланом в центре. Он предстал бы ему в виде осьминога с бесчисленным и абсурдным количеством щупалец, пронизывающих всю страну от границ до самых до окраин, еще пока плавающим на мелководье в луже самотлорской нефти. Эта сверхмилитаризованная химера, на семьдесят процентов окрашенная в цвета хаки, обслуживала в основном главного монстра – ВПК⁴ – выдающего на-гора танки по цене школ, ракеты по цене детских садов, прожорливые грузовики по цене коттеджей для многострадальных жителей Союза, давно заслуживших спокойную обеспеченную жизнь вместо безумных экспериментов над здравым смыслом...

Пока шли разговоры, дежурный по ГОВД связался с психбольницей, установил личность прорицателя и сообщил об этом инспекторам:

– Звонил врачам, это их пациент, попросили держать у нас, его данные установлены, в Артеме мог быть у своих род-

ственников, нужно будет проехать по адресу.

Больной вновь предстал перед окошком дежурной части и был передан под присмотр дежурного Муринова в ожидание приезда врачей.

Для него этот период был одним из тех самых непредсказуемых и невнятных с точки зрения закона моментов в течение дежурных суток. Не секрет, что милиции во все времена приходилось вынужденно выполнять несвойственные ей функции, зачастую требующие специфических знаний, навыков и полномочий, которых у нее не могло быть априори. Перечень таковых мог быть бесконечен: от решения вопросов гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций до наказания граждан, вешающих белье на балконах со стороны проезжей части.

Вот и теперь перед дежурным предстал вроде бы больной человек с медицинским диагнозом, а ни «Скорая помощь», ни городская больница брать его к себе категорически не желали. В то же время его нельзя было поместить в камеру для временных задержанных или применить к нему спецсредства в случае обострения помешательства или появления угрозы для окружающих.

«Я – псих, у меня справка есть» – не пустые слова из местного фольклора, а имеющие под собой юридическое основание.

У дежурного была только возможность оставить его в холле при входе в ГОВД и следить за ним через окошко. За-

частую посторонний наблюдатель мог видеть в «предбаннике» таких вот разнокалиберных личностей странной наружности, бормочущих какие-то мантры и совершающих телодвижения, сопряженные с их богатым внутренним миром, в ожидании приезда медицинской бригады из Заречного.

На этом пути-дорожки Беляева и Вовки разошлись, чтобы никогда уже не пересечься. Но вспомнить о глашатае и убедиться в достоверности его предсказаний Алексею довелось в указанные сроки, уже в новой, вставшей на дыбы стране.

Изменилось все: идеология, знамена, лозунги, фильмы и книги, психология людей, мотивы их поступков. Как и предсказывал Бог Вовка, наступили голодные времена, появилось много оружия. А и без того зашкаливающая криминальная обстановка стала местами напоминать полноценные военные действия.

Судя же по решениям, принимаемым руководством страны, можно было предположить, что им тоже срочно нужна психиатрическая помощь с обязательной изоляцией от общества и так любимых ими трибун.

Позднее и отдельные слои граждан этой новой страны станут напоминать пациентов психбольницы, а все государство медленно, но верно превращаться в одно большое медицинское учреждение в селе под названием Заречное.

Дневник
советского детектива

ШАПОЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

Шапочное знакомство

Наступала осень далекого теперь уже 1981 года. И нужно сказать, что осень у нас в Приморье делится на два противоположных по температурным значениям периода. Первый – в сентябре-октябре, бархатный сезон, золотая осень, когда дневная температура редко опускается ниже пятнадцати-восемнадцати градусов тепла. Во втором, ноябрьском, природа предлагает наконец-то подумать о зимних, холодных временах. Так что во второй половине ноября легкий свежесвыпавший снег – обычное дело. Приходит пора доставать из гардеробных глубин меховые изделия.

Справедливости ради и вопреки отдельным голосам о поголовной бедности и нищете советских людей надо отметить, что встретить на улице самую обычную советскую женщину и не увидеть на ней меховую шапку, как правило норковую, было невозможно.

Лейтенант милиции, инспектор угрозыска Алексей Беляев холодным ноябрьским вечером сидел у себя в кабинете в промежутке между чередой выездов. Он находился на суточном дежурстве, а значит, любой более-менее серьезный криминальный эпизод должен быть им отработан путем выезда на место происшествия или в составе следственно-оперативной группы, или в индивидуальном порядке. Сольный режим по будням включался после ухода потенциальных чле-

нов СОГ на теплые квартиры, часов эдак с восемнадцати-девятнадцати, а по выходным и праздничным дням длился круглосуточно.

В разгаре был сезон шапок, для которого характерны грабежи и разбои. С каждым днем он набирал обороты и приобретал характер сезонной эпидемии. Грабеж квалифицировался тогда, когда преступник просто срывал шапку с головы и убегал, если же при этом он высказывал угрозы, применял нож или кулаки, то грабитель автоматически превращался в разбойника.

Необходимо пояснить, что весь год у сыскарей разделен на сезоны. Сезон рывков шапок приходится на позднюю осень и зиму, весной его сменяет сезон угона всего и вся, от мопедов-велосипедов до лошадей. В ногу с ним шагает сезон «подснежников», когда стаявший снег обнажает зимние людские игрища в виде брошенных замерзших младенцев или уже взрослых человеческих особей. Пренеприятнейшее, нужно сказать, явление, так как следы и улики, а значит, и шансы на раскрытие тают с каждым весенним солнечным деньком. Летняя же пора предрасполагает к изнасилованиям и утопленникам. Лишь квартирные и карманные кражи, нанесение разного рода телесных повреждений имеют круглогодичную направленность.

Это была уже вторая осень после того, как судьба определила Алексея в сыскное дело, а потому он, как и весь личный состав городского УГРО, был готов к подобному развитию

событий. И мало сказать – готов. Для усиления этой готовности начальником розыска было проведено целое совещание, по итогам которого сформировали группу по борьбе с этим отвратительным антиобщественным проявлением – экспроприацией меховых изделий с голов граждан. Старший группы капитан Сильченко согласно ценным руководящим указаниям тоже созвал планерку и даже раздобыл скоросшиватель, размашисто написав на нем кричащее название: «Рывки шапок». Работа закипела, наверх ушли соответствующие доклады, а Сильченко растворился на оперативных просторах, оставив Беляева осмысливать происходящее.

Капитан Владимир Сильченко, поджарый мужчина под два метра ростом, был гораздо старше и опытнее Беляева. Срочную службу проходил в отряде спецназа «Холулай», чем очень гордился, упоминая об этом факте биографии при каждом удобном случае. После армии, окончив специальную школу милиции по линии уголовного розыска, начал службу во Фрунзенском РОВД Владивостока, затем по семейным или каким-то еще обстоятельствам оказался в Артеме и продолжил карьеру в должности заместителя начальника угрозыска. Несмотря на впечатляющие внешние данные и образование, начальник УР Тельман Полесов своего заместителя откровенно не жаловал и как работника не ценил. И не только потому, что чувствовал в нем претендента на свою должность, а из-за фантастической способности Сильченко имитировать служебную деятельность и выдавать красивые

доклады вместо конкретных результатов.

Это были настоящие антиподы. Полесов – человек среднего роста, с немного косящими к переносице глазами-бурбачками, был типичным пролетарием, с завода пришедшим в милицию, трудолюбивой рабочей лошадкой без милицейского образования, лишь с аттестатом десятилетки в кармане. Но, несмотря на это, за его плечами – многолетний и успешный стаж работы опера и сотни раскрытых преступлений, счет которым давно был потерян. Как любой болеющий за дело руководитель, Полесов прежде всего старался принимать в коллектив и поддерживать людей себе под стать, таких же «пахарей», выдающих результаты. Его невозможно было сбить с толку красивыми докладами и оценками в милицейских дипломах.

Вот в такой среде и происходило зарождение будущей группы по борьбе с кражами из квартир, которую в недалеком будущем предстояло возглавить Беляеву.

Но вернемся же к меховым изделиям. Не такими уж безобидными, с точки зрения криминальной статистики, были эти грабежи. Иногда они перетекали в разбой с применением кулаков или ножей, а их массовость и сложность в раскрытии сильно влияла на процент раскрываемости, эту священную корову милицейских учетов.

Второй год – это прилично по стажу работы в розыске, где каждый день порой можно считать за неделю по событийной и информационной насыщенности. Руководство уже доверя-

ло Алексею самостоятельные дежурства по городу. За неполные сутки им были отработаны: пара свежих квартирных краж, ориентировка из Хабаровского края с проверкой адреса и последующим задержанием разыскиваемого за убийство, опрос задержанных за прошлые преступления и еще много малозаметной работы по бумагам.

И вот наступил вечер... Отдел опустел, следователи и эксперты разошлись по домам, попросив дежурного при необходимости звонить и присылать за ними автомашину, если таковую получится разыскать. Алексей, расположившись в кабинете, собирался посвятить какое-то время документам из сейфа, а если получится, то и зайти в гости к всемогущему Морфею, хотя бы на полчаса. Стартовой площадкой для этого путешествия служило импровизированное ложе из четырех шатающихся бэушных стульев, а роль подушки выполняло снятое со стула сиденье, поставленное под углом в сорок пять градусов. Под ним привычно размещался бессменный и немногословный напарник со знаменитой фамилией Макаров.

Морфей встретил Беляева радушно и почти мгновенно. В этой небольшой тридцатиминутной серии снился Беляеву какой-то новый, но все тот же родной Отдел, только был он гораздо больше настоящего, аж четырехэтажным. С первой попытки зайти в него Алексей не смог. Подсознание надиктовывало какие-то странные непривычные слова: «антитеррор», «турникет», «мобильник»... Из этого вещего интригу-

ющего путешествия его вернул в реальность резкий звонок телефона.

– Беляев, по твою душу, – прозвучал в трубке голос дежурного. – Женщина, рывок шапки.

«Началось!» – произнес про себя Алексей и быстрым шагом направился к дежурной части.

Данное подразделение представляло собой помещение размерами примерно четыре на пять метров, отделенное от входящих в ГОВД фанерной перегородкой, состоящей наполовину, в верхней ее части, из прозрачного пластика. От нее и до входной главной двери в Горотдел было около шести-восьми метров помещения холла. На одном уровне с его полом, сразу же за входной дверью, находилась одна из центральных оживленных городских улиц.

Дверь Отдела была открыта круглосуточно и не помнила никаких замков и запоров. Любой гражданин мог свободно зайти в помещение ГОВД и увидеть сидящего за пластиковым окном дежурного. Дальше налево уже шли кабинеты различных служб и подразделений.

В этот поздний час возле окна с надписью «Дежурная часть» стояла взволнованная женщина средних лет с покрасневшим от мороза и бега лицом. Внешне она напоминала активисток-общественниц, которые в карман за словом не полезут, доведут поставленные партией цели до конца, а если потребуется, то и «отключат газ». В правой руке заявительница крепко сжимала мужскую вязаную шапку.

– Срочно! Собаку! – эти две фразы она произносила с определенной частотой и нажимом, размахивая «трофеем». «Очередная жертва голубого экрана... «Знатоков» на-смотрелась», – подумал Беляев.

В начинавшейся детективной истории понятия «собака» и «срочно» сочетаться никак не могли, даже если бы команду дал сам министр МВД. Единственный служебный пес Акбар нес ратную службу в конвойном взводе и был профнепригоден для розыскной работы в силу своей охранной генетики. Основным его ремеслом было время от времени озадачивать задержанных в КПЗ⁵ своими размерами и лаем. Его бессменный куратор сержант Галустян работал посменно и просто физически не мог выезжать на происшествия в круглосуточном режиме.

Ну да оставим для любителей сериалов эти кадры с Джульбарсами, тем более что в реальной жизни есть универсальное средство под названием «инспектор уголовного розыска», который всегда все может и всем должен. Он может осмотреть место происшествия (вместо следователя), собрать улики и вещдоки (вместо эксперта-криминалиста), задержать и доставить в отдел подозреваемых (вместо мифической группы захвата), там же по-горячему опросить и «поколоть» их. А отработать пути отхода злодея с места преступления сам Бог велел. Именно все это сейчас и предстояло бы делать Беляеву в сольном исполнении, если бы Создатель не распорядился иначе.

У потерпевшей на голове отсутствовала норковая шапка, которую, с ее слов, сорвал грабитель, после чего скрылся в темноте переулка.

Однако злодей не знал, на чью шапку он покусился. Быстрота реакции и жажда справедливости воспитывались в советских людях еще со школьной скамьи и продолжали свое развитие во взрослой жизни. Правда, с годами это понятие каждый начинал трактовать по-разному, в зависимости от оттенков своего Эго.

Кто бы мог подумать, что эта привычка в будущей нереальной стране с названием Российская Федерация вновь, как острым клинком, будет разделять население на «красных» и «белых», «сторонников режима» и «либералов». И вновь, как и несколько десятилетий назад, те и другие медленно, но верно будут пытаться стаскивать страну в пучину очередной междоусобицы...

Нормы ГТО и активная жизненная позиция активистки сделали возмездие для гопника неотвратимым, ибо лучший способ обороны – это нападение. Потерпевшая мгновенно превратилась из жертвы в нападающего и в контратакующем стиле, «на противоходе», сорвала с головы злодея шапку, пропитанную криминальными замыслами, потом и ДНК правонарушителя. Вещественное доказательство заботливой женской рукой было благополучно доставлено в отдел для преследования и обнаружения злоумышленника. Таким образом, пусть и неравноценный, но обмен состоял-

ся, подумал инспектор.

Он уже мысленно, «на автомате», набросал план первоначальных действий и маршрут, адреса лиц, стоящих на учете в этом районе, представив, как шагать ему в эту снежную темень вдвоем со своим бессменным напарником Макаровым, стучаться в негостеприимные и опасные двери притонов, задавать дежурные вопросы и искать меховое имущество этой гражданки.

Как вдруг его взгляд упал за спину стоящей к нему впол оборота женщины... и воистину Небеса в эту минуту сжа- лились над ними обоими, жертвой грабежа и сыщиком, преследующими в эту минуту единую цель – найти похищенное.

– Уточните, пожалуйста, какого цвета была у вас шапка? – спросил Алексей у потерпевшей. Спросил больше для про- формы, ведь почти все норковые шапки советских женщин были темно-коричневого цвета. Услышав ответ, показал потерпевшей пропажу, удобно расположившуюся у нее меж- ду лопаток. Головной убор держался на импровизированном охранном устройстве, тонком, но прочном шнурке, обвивав- шем женскую шейку и пришитом к краям головного убора.

Это нехитрое «противоугонное» народное изобретение в ту пору позволило сохранить множество женских шапок от жадных рук грабителей, так как в условиях «развитого со- циализма» преступность еще до конца не была искоренена, точнее, и не собиралась искореняться. А еще точнее, был ее форменный разгул.

Недоумение на лице несостоявшейся жертвы грабежа сменилось радостной улыбкой и неподдельным восторгом. В таких случаях говорят: «Все выдохнули». В подаче и регистрации заявления по данному факту необходимость полностью отпала, а значит количество «темных» преступлений не увеличилась.

Далее были слова благодарности и столь редкая атмосфера единения милиции и народа, которую найти можно в основном изображенной на плакатах.

Что еще нужно сыскарю, чтобы встретить опустившуюся на город непростую ночь очередных дежурных суток...

Дневник
советского детектива

КЛЕТКА ДЛЯ БАРОНА

Клетка для барона

– Но для кого я это делал?

Для себя? Для брата? Для свата?

Глеб Жеглов.

Фильм братьев Вайнеров

«Эра милосердия»

Часть 1. Академий не кончавшие

Итак, осенью 1981 года Беляев оказался во главе совсем молодого формирования с громким названием «Группа по борьбе с кражами из квартир». Значительную долю клиентуры этого подразделения исторически составляли лица цыганской национальности.

С той поры профессиональная повседневность плотно связала Беляева с этим неунывающим этносом, сделала его известным в их среде. Надо сказать, что порой попадались дела, участниками которых становились настоящие виртуозы мошеннического ремесла, и сюжеты для этих невыдуманных историй не смог бы придумать даже самый талантливый сценарист.

Спустя десятилетия, уже на гражданке, встречаясь с фигурантами цыганских дел и проделок на городских улицах, он ловил себя на мысли, что не испытывает неприязни, а тем более ненависти к ним, скорее, наоборот. Ромалы⁶ отвечали ему тем же. Со стороны можно было подумать, что встретились давно знакомые товарищи по совместному несчастью. Такие отношения сложились не на пустом месте, а имели в основе заключенный между Беляевым и цыганской диаспорой устный договор, в котором регулировались правила сосуществования на территории города и окружающих поселков. Надо признать, обе стороны в течение всей службы

Беляева в угрозыске неукоснительно соблюдали данное ими слово.

Улыбки, лучи симпатии озаряли воспоминания о прошедших локальных конфликтах на стыках двух цивилизаций.

Цивилизации средневековой с тысячелетней историей противостояла цивилизация, называющая себя время от времени то коммунистической, то социалистической. Там, где их границы соприкасались, то и дело возникали конфликты, для разрешения которых нужна была пограничная стража, или, проще говоря, посредник в виде милиции. В роли таких посредников какое-то время пришлось выступать и Беляеву со своими товарищами.

Он понимал, что их охранные практики не смогут исправить и наставить на истинный путь эти заблудшие лукавые души, а потому ставил перед собой вполне конкретные задачи – раскрыть преступление в кратчайшие сроки и вернуть представителям своей цивилизации имущество, пропавшее в ходе контакта с черноглазыми иноверцами.

Проживая практически во всех регионах строящей коммунизм страны, цыгане полностью игнорировали данный прогрессивный факт и продолжали, как и многие сотни лет до этого, жить по своим законам. Они поголовно не работали в общепринятом смысле, за редким исключением. Не обращались за медицинской помощью, тем более в органы власти и суды для разрешения житейских проблем, а их дети не ходили в школы. В исключительных случаях собирались на

свой сход, куда приезжали члены клана даже из других регионов, и принимали судьбоносные, обязательные для всех решения, вплоть до приговора виновных к высшей мере наказания. Последнее слово, как правило, было за Бароном, старейшиной и главой данного рода. Он являлся ключевой фигурой клана, руководил повседневной деятельностью табора.

Исторически сложилось так, что вышеупомянутые граждане в городе Артеме и его поселках были представлены в основном двумя общностями – крымскими и сибирскими цыганами.

Первые отличались невысоким ростом, были более смуглыми даже для цыган, обладали острыми чертами лица и считали себя мусульманами.

Вторые были более многочисленными, рослыми и в массе своей исповедовали христианство. В силу своего количества они, соответственно, и в большей степени влияли на криминальную обстановку.

Интересна линейка их подвигов на преступном поприще, меняющихся со временем и экономической ситуацией в стране. Если в начале службы Беляев застал времена, когда по фактам конокрадства в качестве главных исполнителей мелькали сами ромалы, то уже спустя пару лет они выступали в качестве заказчиков, а вороных для них угоняли обычные советские подростки с трудной судьбой.

Но прогресс неумолим, и по мере распространения автотранспорта сходилась на нет и любовь черноглазых к кон-

ной тяге по причине ее естественной убыли. В дополнение к этому заработку мужская часть племени изредка «проходила» по кражам со взломом из частных домов, грабежам, а молодая поросль набивала руку в карманных кражах. Однажды Беляеву даже довелось задержать цыгана с целым самородком приискового золота.

Основная же тяжесть пополнения семейного бюджета лежала на цыганских женщинах, для чего они пускали в ход многовековой опыт одурачивания и вхождения в доверие к жертвам. Особенно активны они становились с приходом тепла.

В то время как вся страна с переменным успехом строила социализм и наказывала за спекуляцию, цыганские кланы никогда не выходили из рыночных отношений и вполне успешно и своевременно реагировали на изменения в экономической и политической обстановке.

Так, после объявленных Горбачевым мер по борьбе с пьянством, что, безусловно, было оправдано и выстрадано спивающейся страной, стали наблюдаться перебои с продажей алкоголя. И в то же время он появился по спекулятивным ценам в цыганских торговых точках, оборудованных в их частных домах. С наступлением же Великой Смуты, именуемой перестройкой, торговля алкоголем и краденым не выдержала конкуренции с торговлей наркотиками, которая стала их основным занятием и до сей поры прочно ассоциируется с этим веселым и неутомным племенем.

Часть 2. Случай в парке, или Проверка на прочность

К началу восьмидесятых картина «подвигов» цыганок на карте города носила достаточно пестрый и разнонаправленный характер. Основная их доля приходилась на места массового скопления жителей города: рынки, парки, вокзалы, автобусные остановки. Практически еженедельно в разных районах города происходило несколько фактов изъятия денег и золотых украшений у граждан, доверчиво реагирующих на предложения погадать или дать ребенку воды. Зачастую вместо настоящего малыша использовались куклы, завернутые в тряпки.

Гадание на улицах с элементами вымогательства цыганки плавно переводили в походы по квартирам и частным домам, с детьми на руках или без оных. После этих набегов дежурная часть ГОВД была переполнена заявлениями о проникновении в жилища путем свободного доступа и пропаже личных вещей, уголовные дела по которым возбуждались и пополнили копилку нераскрытых преступлений в дополнение уже к имеющимся в группе Беляева. Экспроприировали в основном деньги и золото, которое, как правило, реализовывалось среди работников торговли и общепита. Как потенциальные места сбыта краденого в картотеке «квартирщиков» значились единственный в городе ломбард, кафе, рестораны,

комиссионные и обувные магазины. В «золотом круговороте» участвовали как местные цыганки, так и «залетные», которых притягивало транзитное расположение города.

Задержание цыганок по горячим следам эффекта не дало, хотя и потерпевшие, и свидетели прямо указывали на мошенниц. Вещдоков при них не обнаруживалось, доказательная база рушилась, и дело заканчивалось безуспешными попытками или расколоть, или запугать, а затем выдворить из Отдела, после чего они вновь брались за старое, порой и в непосредственной близости от ГОВД.

Только жесткое взятие с поличным и реальный срок могли бы дать эффект и охладить пыл зарвавшихся мошенниц. Примерно через восемь месяцев с момента создания группы «квартирщиков» такая возможность у Беляева появилась.

Было солнечное утро субботнего июньского дня. Для Алексея начиналось стандартное суточное дежурство по городу, про которое в сводках происшествий пафосно писали: «в составе следственно-оперативной группы». В составе этой самой группы также значились следователь, эксперт-криминалист, а в качестве усиления – и участковый. Но если бы сторонний наблюдатель заглянул в одноэтажное здание ГОВД, то, кроме двух дежурных за стеклом из пластика и одинокого опера в своем кабинете, он бы никого не увидел.

Минувшая пятница у Беляева и его молодого напарника Авраменко закончилась около десяти вечера, после чего сыщики позволили себе несколько рюмок чая в компании кол-

лег. Домой Алексей добрался около полуночи, а утром заступил на суточное дежурство. Такие смены выпадали на долю оперов от двух до пяти раз в месяц и сильно отвлекали от текущей работы по раскрытию «темных» преступлений.

Первая половина выходных обычно протекала спокойно. Гигантский людской муравейник нехотя пробуждался после рабочей недели, делал это неспеша, потягиваясь на трезвую голову. Затем наиболее активная часть населения шла пополнить съестными припасами свою ячейку, навестить членов рода, просто посмотреть на собратьев, подышать свежим воздухом. Но уже во второй половине дня, ближе к вечеру, на территории муравейника начинали разгораться огоньки локальных конфликтов, чтобы часам к двадцати всюю загреметь грозowymi раскатами.

Беляев находился в кабинете, приводя в порядок дела оперативно-разыскного учета и поджидая Авраменко. Несмотря на законный выходной день, все инспекторы угрозыска в отличие от других сотрудников ГОВД обязаны были приходить в Отдел к десяти утра, а уходить – как позволят текущая обстановка и главный распорядитель Полесов.

Такой режим работы нигде не был прописан, но негласно насаждался и приветствовался руководством. Если ты пришел в субботу, а потом был замечен в Отделе еще и в воскресенье, значит, ты горишь на работе и вправе рассчитывать на толику благосклонности начальства. Этот авральный ритм мог бы быть оправдан лишь одним обстоятельством – таким

же бешеным запредельным валом преступлений и необходимостью их раскрытия.

А вот и первый звонок из дежурки. Алексей взглянул на часы, была всего лишь половина десятого. «Рановато для заявителей», – подумал он. Голос дежурного был напряжен и необычно серьезен:

– Там к тебе девушка с парнем, кто-то у них золото отобрал, – и приглушенно добавил: – Это племянница первого секретаря горкома Белых.

Первый секретарь горкома КПСС был непросто весомой фигурой для их небольшого города. Он фактически венчал номенклатурную пирамиду власти, и все события, связанные с фамилией Белых, автоматически приобретали резонансный характер. Несмотря на это обстоятельство, Алексей особо не проникся, сильного пиетета не испытал и начал просто выполнять свою работу.

Порой в подобных случаях у него рождались ассоциации с медицинской практикой: вот сейчас к нему в кабинет зайдет очередной пациент, он выслушает, что того беспокоит, определит диагноз и предложит больному план лечения и профилактики на будущее.

Вскоре раздался стук в дверь и в кабинет вошли парень с девушкой, обоим на вид чуть больше двадцати лет. Из взволнованного и местами сбивчивого повествования племянницы Белых, откорректированного уточняющими вопросами оперативника, постепенно стала вырисовываться картина «за-

болевания».

Марина и Павел, так звали посетителей, находились в отношениях и, более того, собирались пожениться. Какое-то время назад Марина в одном из районов города встретила темноволосую женщину. Они разговорились о том, как готовиться к свадьбе и строить успешную семейную жизнь. При первой встрече женщина поведала девушке о нескольких надежных и проверенных временем старинных обычаях и ритуалах. И в качестве гарантии удачного исполнения желаний обозначила «сущую мелочь» – золотые украшения, которые были на Марине, должны быть переданы ей во временное пользование до момента, когда молодые обручатся. Так сережки и кольцо благополучно перекочевали в карманы темноволосой женщины. Сразу же после этого она назначила Марине еще одну встречу с тем условием, чтобы при ней опять было бы какое-то золото. Таким образом ясновидящая выстроила многоступенчатую конструкцию, завершением которой должна была быть пышная свадьба. Вся эта комбинация называлась «погадать на жениха».

Беседуя с молодыми людьми, Беляев припомнил, что на протяжении нескольких месяцев в сводках происшествий и ориентировках появлялись описания цыганок, гадающих на ржавую иглу. Цыганка разламывала яйцо и находила в нем ржавую иглу, сообщая, что ее подопечную ждало несчастье, а чтобы отвести беду, гадалке нужно было дать либо золото, либо деньги. Была серия подобных случаев, по ко-

торым установлены потерпевшие, но мошенниц установить не смогли, а преступления так и оставались нераскрытыми. Хозяйка «волшебной» иглы продолжала «гулять» в городской черте. Вспышки таких эпизодов с завидной регулярностью случались в разных районах города, оставляя на его теле неприятные оспины воспоминаний о бессилии сыщиков. Число таких случаев росло в арифметической прогрессии, статистика рушилась, и краевое УВД, в свою очередь, «долбило» местных уже в геометрической прогрессии.

– И сколько у вас было подобных встреч? – спросил Беляев у потерпевшей.

– Прошло три встречи, сегодня мне назначена четвертая, и, посоветовавшись с семьей, я решила обратиться к вам, – отвечала Марина.

В ходе дальнейшего опроса Беляев выяснил, что за три предыдущие встречи Марина передала мошеннице две пары золотых сережек, кольцо с александритом, перстень с турмалином и золотую цепочку с кулоном в виде тельца.

– Что вы должны передать на сегодняшней встрече? – продолжал опрос Беляев.

– Золотых украшений у меня больше нет, поэтому сегодня я приготовила тридцать пять рублей, – сказала Марина и показала семь синих пятирублевых купюр.

– Как же так?! Вы на протяжении полутора месяцев встречаетесь с незнакомой женщиной, добровольно передаете ей в руки ценности и делаете это втайне от всех. Как это стало

возможным? Что вами двигало? – недоумевал Беляев.

Марина оправдывалась. Мол, в момент передачи ценностей находилась в состоянии, близком к гипнотическому, ею двигал страх, что долгожданная свадьба, о которой девушка так мечтала, сорвется. Гадалка давала ей именно такую установку. Сегодняшняя встреча должна была состояться в городском детском парке около одиннадцати часов.

В ходе опроса у Алексея постепенно рождался, без чьих-либо ценных указаний и наработок, план, детали которого были совсем не характерны для провинциального ГОВД. И никто, кроме подошедшего помощника, младшего инспектора Андрея Авраменко, не был в курсе задуманного Беляевым.

Между тем дежурные мирно сидели за пластиковой перегородкой «на телефонах», а в отдел подтягивались немногочисленные коллеги. Из руководства на работе был только начальник ОУР Полесов.

Несколько раз Алексей уточнял у потерпевшей, не с цыганкой ли она общалась все эти три раза, на что получал уверенный отрицательный ответ:

– Нет, не цыганка, обыкновенная русская темноволосая женщина.

Это обстоятельство несколько сбивало оперативника с толку. По всем признакам почерк походил на цыганский. В то же время это и успокаивало. Дело в том, что за полтора года работы в розыске личность Беляева стала хорошо из-

вестна среди черноглазой диаспоры и его появление в районе проведения операции могло нарушить все надежды на благополучный результат.

– Андрей, давай понятых, – сказал он помощнику.

В присутствии свидетелей Беляев составил акт, зафиксировал нахождение в дамской сумке, принадлежащей Белых Марине Викторовне, семи бумажных пятирублевых купюр на сумму тридцать пять рублей и переписал их серии и номера.

Далее последовал инструктаж потенциальных жертв.

– Идете, как вам было указано, прямо в детский парк к назначенному времени. Мы последуем за вами по параллельной улице в прямой видимости. В парке ни в коем случае не подавайте вида, если нас увидите. Как только деньги будут переданы мошеннице, ваш жених должен вынуть расческу и расчесать волосы. А теперь, пожалуйста, подождите нас в фойе перед дежурной частью, – напутствовал Алексей Марину и ее жениха.

Ход с расческой он скопировал из какого-то фильма про разведчиков.

– Андрюха, найди дипломат, там должна оставаться закуска от вчерашнего «рандеву», – попросил Алексей младшего опера.

– Есть контакт! – радостно воскликнул Авраменко. В дипломате нашлись остатки вчерашнего пиршества: половина буханки хлеба и нарезанные куски сала. Также в недрах ка-

бинета была найдена и заполнена водой пустая бутылка из-под водки, пара дежурных рюмок довершила комплектацию спецчемодана. Подготовка к операции была завершена, и Беляев дал команду «На старт!».

Дорога до места встречи, которое, как известно, изменить нельзя, заняла чуть более двадцати минут. По пути к парку Беляев инструктировал Авраменко о линии поведения.

– Мы с тобой развязные молодые люди, которые с утра похмеляются в парке, что, впрочем, недалеко от истины. Займем лавочку, разложим снедь, рюмки и будем имитировать удовольствие от происходящего. И никаких самостоятельных действий, все только по моей команде, – напутствовал начинающего опера Алексей.

Но тщательно продуманный и проговоренный ход операции едва не рухнул.

Только появившись в парке, Алексей сразу «запеленговал» темноволосую женщину неустановленной национальности, вокруг которой, кроме «заряженной» заявительницы, кружилось еще несколько страждущих клиенток, в основном молодых женщин, некоторые даже с колясками. «Похоже, дело у ясновидящей поставлено на поток», – подумал он и... обомлел. Присмотревшись, оперативник признал хорошо известную ему цыганку Любу Матюшеву, которая неоднократно «проходила» по разным цыганским шалостям, да и многочисленный клан с такой фамилией был среди розыскников на слуху. Цыганка тоже сразу «срисовала» Алексея,

но виду не подала.

Беляеву ничего не оставалось, кроме как присесть на удаленную лавочку вместе со своим помощником и от души сыграть нехитрую сцену двух развязных пьяниц.

Андрюха открыл дипломат, достал нехитрую закуску, две рюмки и бутылку с водой. Для пущей убедительности и достоверности происходящего пришлось повышать градус разнузданности. Для этого напарники забрались на спинку лавочки, ноги поставив на сиденье, и громко спорили о чем-то наболевшем. Не пропускали они и проходящих мимо молодых женщин, отвечивая им скабрзные комплименты.

Беляев специально сел спиной к цыганке, чтобы не сбить своим видом ее ритмичный прием страждущих отдать свои ценности гражданок. Авраменко же было поручено не упустить из виду жениха потерпевшей.

Условленного сигнала пришлось ждать недолго.

– Все, он причесывается, – отчитался напарник.

Наступило время действовать. Беляев еще до конца не понимал, почему цыганка, вычислив его, не ушла, не скрылась из расставленной ловушки, как это бывает у них в подобных случаях.

Собрав в дипломат нехитрую снедь, оперативники двинулись на задержание. Они разделились. Беляев сказал Авраменко, чтобы он по дуге приблизился к цыганке и перекрыл один из выходов из парка. Сам направился к ней напрямую. Главное, чтобы она теперь не скинула вещдоки.

И вот настала долгожданная встреча. Алексею не надо было представляться, показывать удостоверение, спрашивать документы, оба хорошо были знакомы, и каждый из них знал заранее набор дежурных вопросов и ответов.

– Ну что, начальник, как? – спросила Люба и показала легкоузнаваемый жест в районе кадыка.

– Нормально, – отвечал Беляев. – Тебе со мной придется пройти, есть разговор.

– А-а-а... Слушай, дорогой... Зачем опять меня берешь... Что, мне делать нечего? У меня дома дети плачут, кушать хотят, один совсем больной, я к ним сейчас поеду, – запричитала цыганка.

– Я тебя долго не задержу, смотря как отвечать на вопросы будешь, – гнул свое опер, а сам следил за ее руками и карманами, чтобы она не успела сбросить наживку. Цыганка нехотя подчинилась, и они пешком направились в Отдел. По пути Беляев невзначай завязал разговор, пытаюсь выяснить, что у нее в карманах.

– Что ж ты, Люба, опять, наверное, не работаешь, гадаешь, полные карманы золота несешь, – закинул нехитрую удочку Алексей.

– Да что ты, начальник, я уже давно не гадаю! Я не работаю. С детьми некому сидеть, – запричитала Матюшева – На, смотри, какое у меня золото в карманах! Вот, последние деньги тебе показываю, – истерично поднимала накал разговора Люба и, вывернув карманы платья, показала те самые

семь синих пятирублевок, номера которых ранее были зафиксированы в протоколе.

– Все ясно... Да, золота у тебя действительно нет, но на несколько формальных вопросов ответить придется, – облегчено выговорил Алексей.

Примерно на половине пути, около строящегося Дома быта, их нагнала молодая цыганка, пытаясь на цыганском языке вступить в диалог с задержанной и принять из ее рук какую-то вещицу. Здесь Алексею пришлось пустить в дело весь властный ресурс и твердо пресечь общение. Он потребовал говорить только на русском и показать ему обе руки. В одной из них он увидел часы-браслет, скорее всего, тоже выманенные Любой у одной из жертв. Жаль, что невозможно уже было установить владелицу часов, а так у Любы в деле появился бы еще один эпизод.

Доставив задержанную вместе с вещдоками в Отдел, Беляев вновь попросил Авраменко найти понятых для составления протокола изъятия ранее переписанных купюр. Матюшева пока еще воспринимала этот процесс как обычную профилактическую процедуру, после которой, погрозив пальцем, ее отпустят на вольные хлеба, и поэтому вела себя спокойно. Но, когда Беляев в присутствии понятых зачитал номера и серии изъятых купюр, Люба сразу изменила тон и стала серьезной. После того как из кабинета все вышли и Беляев с цыганкой остались вдвоем, она поняла, что ее сейчас уведут в камеру, и произнесла слова, которые вошли потом

в анналы городского сыска:

– Начальник, меня сейчас закроют, а у тебя там осталось немного водки. Налей мне на посошок, а то когда еще доведется...

Алексей, до конца еще не веря в блестящее завершение операции и, самое главное, закрепление преступления вещдоками, решил продолжить кураж до конца. Он открыл дипломат, достал бутылку с рюмкой, налил до краев и поднес Матюшевой. Она с размаху опрокинула рюмку и, на минуту застыв, произнесла сакраментальное:

– И тут обманул.

Но это было сказано без жестокой озлобленности, скорее, отдавая дань честно выигранной опером партии. Беляеву оставалось только передать готовый материал с задержанной и вещдоками дежурному следователю для дальнейшего бумажного оформления и передачи дела в суд. Суточное дежурство продолжалось...

Если кто-то из читателей подумает, что за это раскрытие и задержание Беляева и его напарника осыпали какими-то наградами и премиями, то он ошибется. Небольшое смягчение тона при разносах на планерках – и этого уже было достаточно для молодых сыскарей. Спустя много лет Беляев понял, что эта сдержанность во многом объяснялась ревностью старого зубра к дерзости и удачливости оперившейся молодежи.

Многодетную же мать Любу Матюшеву, с учетом количе-

ства детей и каких-то факторов, которые рождает гораздъй на выдумки симбиоз следственной, адвокатской и судебной практик, неведомый для посторонних глаз и ушей, суд приговорил к году лишения свободы, из которого она реально отбыла в колонии около шести месяцев.

Но самое главное в этой истории было не это, главным для оперативника Беляева стало то, что по основному заработку цыганской диаспоры, может быть впервые, таким чистым и необычным способом был нанесен удар чудовищной силы. И количество таких преступлений резко пошло на спад, потому как беспроводной телеграф работал безупречно и многие цыганки стали выезжать на работу в другие населенные пункты, избегая «работать» в Артеме...

Многие, но не все. Со временем отдельные рецидивы случались, и чтобы окончательно закрыть этот вопрос на территории города, судьба и случай предоставят Беляеву возможность сыграть с диаспорой заключительную партию.

Часть 3. Жажда жулья

Татьяна уже месяц жила в двухкомнатной квартире в пятиэтажной хрущевке вместе с престарелой матерью, которая после паралича слегла и почти не могла говорить. Квартира эта, полученная татьяниними родителями от производства и располагавшаяся в центральном районе города на улице Лазо, в прямой видимости ГОВД, помнила ее рождение и кончину отца. Приходилось разрываться между семьей и парализованной матерью, благо дети были уже подростками и помогал муж.

В этот погожий день Татьяне предстояла генеральная уборка всей квартиры, и она решила начать с мытья окон на балконе. Из-за яркого солнечного света, падающего прямо в спальню, не было видно, что происходило в ней. А там сморенная полуденным солнцем дремала парализованная мать. Очередная ночь опять наградила ее бессонницей, и сейчас увядающий организм пытался восполнить, хоть и ненамного, свои резервы.

Вдруг в полусне ей померещились две незнакомые женские фигуры в темных одеждах, которые ходили по квартире. Открыв глаза, она увидела, что это не сон и фигуры не исчезают, а продолжают орудовать в шкафу и стенке, что-то ища под бельем и в шкатулках. Проснувшись, больная четко увидела двух смуглолицых женщин, у одной из кото-

рых на руках был сверток, похожий на запеленатого ребенка. Воровки не обращали внимания на попытки больной женщины сдавленным мычанием позвать дочь и быстро рылись в вещах. Им хватило полутора минут, чтобы обнаружить и похитить золотые украшения, которые большинство советских женщин по обыкновению хранило в хрустальных вазочках в сервантах либо в шкафах на полках под бельем. Почувяв неладное, Татьяна вошла с балкона в комнату и увидела возбужденную мать с перекошенным лицом и единственной действующей рукой, указывающей на шкаф. Метнувшись к нему, Татьяна обнаружила пропажу трех золотых колец, двух пар сережек и цепочки с золотым кулоном в виде скорпиона. Она бросилась на лестничную площадку через едва прикрытую дверь квартиры, но там, конечно, уже никого не было. Ей не оставалось ничего, как позвонить в милицию и сообщить о краже.

Дежурный инспектор УР Захарчук выехал на место происшествия и добросовестно собрал материал, в котором по порядку сгруппировал подробные опросы потерпевших, соседей и план-схему квартиры. Но по горячим следам найти вораек не представилось возможным.

Утром следующего дня весь собранный материал оказался на столе у Беляева и пополнил уже весомую коллекцию подобных ему «близнецов».

«Уже пятнадцатый подобный случай с начала года, и это только те, что зарегистрированы, – подумал он. – А сколько

еще осталось за кадром, незаявленных и оставшихся нераскрытыми?»

Сухая статистика говорила, что всего на территории сто-тысячного города и его поселков с начала года совершено сто шестьдесят три кражи из квартир, девяносто три были раскрыты, остальные семьдесят остались «темными», из них пятнадцать на совести ромал.

– Андрей, я пошел на планерку, сейчас опять будут брызгать ядом из-за вчерашней кражи на Лазо. А ты пока повторно опросишь дочку хозяйки, она сейчас должна подойти, может, вспомнит еще какие-то детали, – сказал Беляев Авраменко и вышел из кабинета.

Часть 4. Предварительные ласки

Ежеутренние планерки в ГОВД проходили в помещении, называемом ленинской комнатой. Об отце-основателе напоминал лишь плакат с его изображением, характерным прищуром восточных глаз на лице и бессмертной по глупости цитатой о необходимости раскрытия каждого преступления. «Кремлевский мечтатель» там же оптимистично вещал и о ненужности суровых наказаний. Все это позволит, как считал вождь, искоренить преступность в светлом будущем.

Спустя десятилетия Беляев никак не мог разрешить сам для себя следующую коллизию – как портрет человека, совершившего тяжкие преступления против российской государственности и много лет находившегося в международном и российском розыске, неоднократно судимого, оказался в учреждении государственных служащих, которые денно и ночно только тем и занимались, что разыскивали и задерживали подобных ему лиц?

Чуть ниже портрета Ильича располагался президиум с небольшой трибуной – лобным местом для выступающих. Само помещение представляло собой комнату площадью примерно десять на пятнадцать метров с ветхими полами, покрытыми потертым линолеумом.

Ленкомната была, по сути, единственным местом, где можно было собрать сотрудников для бессмысленных и по

большей части затратных по времени, не несущих никакой полезной нагрузки для дела мероприятий. В этот перечень входили партийные и комсомольские собрания, различные совещания, праздничные заседания с награждениями и прочие церемониалы.

Утренние планерки представляли собой анахронизм каких-то седых времен и были крайне неэффективными. На них обязаны были присутствовать все инспекторы угрозыска, участковые инспекторы, дознаватели, следователи, работники штаба и отдела кадров, инспекторы по делам несовершеннолетних и руководители других служб, включая ГАИ и Госпожнадзор. Многим приходилось ехать из отдаленных поселков и районов города, тратя на дорогу туда и обратно около двух часов, а потом еще и находиться на планерке около часа, а по пятницам – около двух или трех часов. Все это проходило по давно заведенному сценарию, который не менялся годами.

На трибуну поднимался начальник дежурной части, который зачитывал сводку происшествий и преступлений по городу, содержание которой в основном касалось лишь сотрудников УГРО. Затем шли ориентировки, которые также отписывали для исполнения в уголовный розыск. Присутствующие слушали доклад с умными лицами и даже что-то записывали в блокноты, благополучно забывая все на выходе из Отдела. Иногда по местам, где сидели инспекторы угрозыска и следователи, прокатывался глухой ропот: многих ждали

вызванные повестками фигуранты уголовных дел.

Доклад дежурного зачастую мог прерываться репликами начальника ГОВД Солодченко, чаще всего переходившими в содоклад, длительность которого зависела от количества и градуса выпитого им в предыдущие сутки веселящего напитка, от обстановки в семье, гормонального фона, погодных условий и прочих частностей. Культура речи начальника не отличалась оригинальностью, она была копией всех тех разгромных спичей, которые, в свою очередь, обрушивались на его голову в кабинетах власти повыше рангом, также в процессе различных бестолковых совещаний и заседаний. Начальником мог быть поднят любой сотрудник, включая женщин, и подвержен экзекуции под названием «пропесочивание». Заключительным аккордом этого действия звучала фраза: «Оборзели, охамели, оскотинились, водку уже носят вот так!» – и в сторону сидящих летела растопыренная пятерня. Все встречали этот жест с облегчением, так как он означал запуск процесса окончания планерки, и его оскорбительный пафос терял свою остроту в этом ожидании. Далее утренняя планерка не заканчивалась, наступала ее вторая неотъемлемая часть – так называемые совещания по службам, и уже там говорилось конкретно и по делу. Многострадальных участков оставляли в той же ленкомнате для заслушивания и планирования работы, остальные приглашались к руководителям персонально.

– Беляев, зайдешь ко мне, получишь материалы, опять

твои цыгане в городе отметились. – Голос начальника УР Полесова не предвещал для Алексея ничего хорошего.

«С каких это пор они стали моими?» – мысленно удивился опер, но тут же вспомнил, что уже целых полтора года как «принял всех цыган по описи и отвечал за каждого персонально». Впрочем, у него было несколько минут, чтобы морально подготовиться к разговору с начальником по цыганской проблематике.

В глазах Беляева и других молодых сотрудников масштаб личности начальника ОУР был настолько велик, что все сказанное им сразу обретало законодательную форму и подлежало неукоснительному выполнению. Он с 1963 года работал в угрозыске, где один год службы можно смело приравнять к трем, и уже это говорило о многом.

Ежедневный риск, ненормированный рабочий день, полный контакт с криминальным элементом, непонимание в семье и, главное, никаких доплат – все это неумолимо выдавливает из розыска людей, склонных к покою, стабильности, предсказуемости, не нацеленных на противостояние злу насилием. И наоборот: те, кто выживает в этих джунглях, по-настоящему заболевают такой опасной профессией и остаются в ней надолго. Парадоксально, но, несмотря на весь вышеописанный негатив, у Беляева остались самые теплые воспоминания и о людях, и о ветхом кабинете, и об условиях службы.

Небольшой кабинет начальника ОУР Тельмана Полесова

становился еще меньше, когда над входившим опером сгустились грозовые тучи. Степень серьезности разговора начальника с подчиненным с поразительной точностью определялась по градусу скашивания его небольших колючих глаз по отношению к боксерской переносице. Можно было предположить, что в одном из боев молодому Тельману Леонидовичу попался чересчур быстрый соперник, наградивший его лицо ошеломительным ударом, на который тот не успел среагировать. Вернее, на это успели среагировать только глаза Тельмана, которые так и застыли с небольшим креном в сторону носовой перегородки, буквально смотря друг на друга. Про такой физиологический феномен обычно говорят «глаза в кучу». Обычный будничный уровень их отклонения от нормы, на штурманский взгляд Алексея, составлял около пяти градусов. Сейчас же уже в начале разговора он определялся в 15-градусный крен, что соответствовало примерно пяти-шестибалльному волнению в голове руководителя.

– Вот три материала, один из них вчерашний, с Лазо, в квартире, где на глазах у парализованной хозяйки две цыганки вынесли из квартиры все золото, – изрек Тельман, ставя резолюцию на материалах. – Что думаешь делать со всем этим?

– Раскрывать, Тельман Леонидович, – проникновенно ответил инспектор.

Беляев и Полесов уже примерно знали перечень вопросов

и ответов, которые прозвучат далее, но ритуал должен был быть соблюден.

– Сколько с начала года у тебя нераскрытых? – вкрадчиво начал танец, похожий на аргентинское танго, Тельман, бурвая своими маленькими, глубоко посаженными глазками Беляева.

– Около семидесяти, – сделал ответное «па» Беляев.

– А раскрытых? – продолжал расспрашивать Тельман.

– Больше девяноста, раскрываемость около шестидесяти процентов, – отвечал Алексей.

Они оба знали, что это вполне приличный показатель для квартирных краж, который можно ставить в пример другим, но в любом танце есть свои определенные телодвижения, согласно им он и продолжился.

– И ты считаешь это нормальным? Семьдесят нераскрытых у него! Ты что себе думаешь? В двух шагах от Отдела совершается грабеж в квартире! И как ты думаешь это раскрывать? Чем у тебя Авраменко занимается? – выдал словесный залп Полесов.

– Авраменко по моему поручению выедет на отработку имеющейся информации по сбыту ювелирных украшений. На обратном пути привезет подозреваемого, будем с ним работать по серии. Сейчас пока опрашивает дочку потерпевшей.

– Та-а-ак... А во сколько вы вчера с ним домой ушли? – расставлял далее ловушку Тельман.

Ловушка заключалась в том, что допустимое время ухода домой имело плавающий характер и зависело только от психоэмоционального состояния и текущего настроения начальника отдела уголовного розыска. Беляев ушел с работы вчера около половины десятого вечера, чуть раньше отпустил Авраменко, и это было среднее время окончания работы, хотя частенько задерживались до полуночи и позже. Беляев сообщил время и сразу же понял, что попал в расставленный капкан. Потому как опер, так рано уходящий домой после совершения громкого преступления, почти такой же преступник, как и совершившие квартирный грабеж.

– И как вы думаете раскрывать дело, если в такое время уходите домой? Самое время, когда подозреваемых по адресам проверять, а они по домам изволят уходить! Ну, парни, вы даете! – выдав свою фирменную фразу Тельман отворачивался от собеседника, подложив под затылок правую руку, и недолго глядел в окно – Ладно, пока идите, вечером на планерке жду подробного отчета о проделанной работе.

Часть 5. Пакт о ненападении

В повседневные обязанности инспектора УР, помимо выездов на места происшествий и преступлений, их осмотра, опросов свидетелей и очевидцев, задержаний подозреваемых, входили также получение, анализ и проверка всей поступающей информации. Сведения поступали из разных источников, перечислять их бессмысленно. Журналисты, сценаристы, колумнисты и прочие -исты сделали это в своих многостраничных и многосерийных «нетленках». От качества и объема информации, степени ее проверки и реализации напрямую зависит раскрытие или нераскрытие преступления.

Вот и Алексей, анализируя ручейки поступающих данных, обнаружил, что по улице Первой в селе Кневичи проживают цыгане и содержат на цепи бомжа в качестве бесплатной рабочей силы для хозяйственных нужд. Бывает, что бесплатную рабочую силу передают с рук на руки, по житейской необходимости.

Прочитав это сообщение, на несколько минут Беляев впал в легкий ступор, потому что ассоциативный ряд, связанный с понятием: веселые цыгане в монисто, медведи, песни, пляски, – рушился. Со словами «цепь» и «рабство» возникали совсем другие ассоциации – Африка, колониализм, империализм, пробковые шлемы, работорговля. На дворе вторая

половина двадцатого века, страна под руководством партии успешно завершает пятилетку досрочно, колосятся поля и реют красные флаги, а тут такое...

Но ступор длился недолго. Никто не отменял раскрытие ранее совершенных преступлений и ежевечерние отчеты перед Тельманом, поэтому все сантименты отходили на второй план.

– Андрюха, готовься, скоро выезжаем, я к Тельману просить машину, а ты не забудь браслеты и посмотри: может, кто из наших еще свободен, – на ходу скомандовал Беляев Авраменко, привычно проверив кобуру под левой рукой. Кроме этого адреса нужно было посетить еще целую обойму подобных, и это служило весомым аргументом для выпрашивания у начальства транспорта. Хотя с него бы сталось отправить оперов на своих двоих или «на одиннадцатом номере автобуса», как шутили сыщики, что в принципе было одно и то же.

– Тельман Леонидович, нужна машина, – начал как всегда без особой надежды Беляев.

– Машина... Машина, всем нужна машина, нету ее сейчас, она одна, и то на разрыв, – категорично ответил начальник ОУР. – Зачем она вам? – немного сбавив обороты, продолжил он.

– Несколько адресов нужно проверить по информации, два по цыганам, возможно, будут задержанные. На чем я должен их тащить? – напирал Беляев.

– Информацию им проверить надо... – тягуче продолжал свою мантру Полесов. – А преступления когда будете раскрывать? – Он немного подумал и вынес вердикт: – Значит так, машину я уже отдал Куликову, он едет в Заводской по «тяжкому», садитесь с ним, а на обратном пути он вас с Авраменко заберет. Все, идите раскрывайте.

Беляев уже не стал задавать глупых вопросов: как перевозить задержанных в машине, рассчитанной на шестерых, если только оперов с водителем уже пятеро. Дал машину – и на том спасибо.

С транспортом в ГОВД было не густо, более-менее моторизовано было отделение ГАИ за счет своих внештатных связей, имелся транспорт при дежурной части в виде дребезжащего «козлика», также было два автомобиля на базе ГАЗ-52 для этапирования арестантов из ИВС, сбора пьяных и бродяг. Замыкала эту транспортную цепочку черная «Волга» начальника ГОВД.

Но вскоре появился повод для гордости, потому что специально для отделения УР впервые краевое УВД выделило новенький УАЗ. До него в розыском автопарке было только три мотоцикла марки «Урал», два из которых находились в ведении «угонщиков», один – «зональщика», обслуживающего дальние поселки, а остальные передвигались на «одиннадцатом номере» либо на дежурной машине, когда она была свободна.

Вновь поступивший автомобиль для угрозыска УАЗ-469

имел сугубо гражданский вид, без милицейской атрибутики, но под капотом были смонтированы мощная сирена и громкоговоритель, имелась радиостанция для связи с дежурной частью. Для того времени это была достаточно продвинутая техника, все опера просто молились на нее.

Адрес, куда направлялись Беляев с Авраменко, был не совсем простым. Там проживал барон всех сибирских цыган Артема, семейство которого носило фамилию Терновские. С учетом данного факта оперативники были готовы к любому развитию событий.

Самым опасным в операциях по цыганам был женский фактор. Чувствуя малейшее замешательство сотрудника и поддержку своих, цыганки с детьми на руках шли до конца на выручку своим мужчинам, лишь предупредительные выстрелы в воздух охлаждали их пыл. На стороне оперов были только фактор внезапности, скорость принятия решений и дозированная порция наглости для начала разговора, пока все семейство не успевало мобилизоваться.

– Андрей, я вхожу в дом, проверяю домовую книгу и паспорта, пудрю им мозги, а ты сразу ныряй за дом, осмотри окрестности, сараи и подвал. Что искать, знаешь – цепь и человека на ней, – напутствовал напарника Беляев, подъезжая к адресу.

Машина, высадив оперов, тронулась дальше, а двое шагнули в неизвестность. Слабым местом обороны у цыган было отсутствие собак, и это позволяло скрытно подойти к дому

и попасть в него.

– Всем здравствуйте! Уголовный розыск! Попрошу документы на проверку, – громко и напористо объявил застывшим цыганам Беляев.

– А-а-а... Начальник... Давно не виделись... А что случилось, зачем документы? – понемногу стали приходить в себя ромалы.

– Как зачем документы? Что, не слышали, президента Кеннеди убили, порядка не знаете? – требовательно отвечал Беляев, растягивая время, необходимое для осмотра.

– Кеннеди, Кеннеди, кто такой Кеннеди? Не знаем никакого Кеннеди, – неподдельно роптало семейство, но после незаметного сигнала худощавого высокого мужчины были представлены и паспорта, и домовая книга.

Беляев не спеша углубился в чтение документов, не выпуская из виду происходящее в доме. Он ни разу не встретился воочию с главой цыганского клана и сейчас мимоходом отмечал для себя детали. Это был худощавый, выше среднего роста черноволосый мужчина с густой окладистой бородой, облаченный в кожаную безрукавку поверх светлой косоворотки навыпуск. На ногах, как в фильмах, начищенные кожаные сапоги до колен. Сам облик барона и обустройство усадьбы выглядели достаточно скромно, позднее Беляеву доведется видеть цыганские дома гораздо богаче, чем этот. С пропиской все было в порядке, а вот с работой у обитателей этого жилища был полный минус.

– На что же вы все с детьми живете, если не работаете? – изображая невинную неосведомленность, вопрошал Алексей.

Ничего нового в ответ он услышать не мог, кроме как «помогают родственники, перебиваемся кое-как».

– Алексей, можно тебя на минуту? – спросил вошедший Авраменко и позвал его за дом ко входу в подвал.

– Вот та штука, которую ты просил найти, – сказал он и показал на прикрепленную в подвале расстегнутую цепь. Это была обыкновенная цепь с ошейником для крупных собак, тут же стояла алюминиевая миска. – Вокруг все осмотрел – никого.

– Что это за цепь? И почему она в подвале? – спросил Алексей главу семейства.

– Так собака на ней сидит, – отвечал тот.

– На этой цепи нет ни одной шерстинки, собака у вас что, особой безволосой породы? Почему собака в подвале содержится, а не как у всех, во дворе? И где же сейчас ваша неуловимая собака? – продолжал опрос Беляев.

– Так гулять отпустили, – отвечало хором семейство.

– Ладно, собирайся, к тебе есть вопросы, – сказал Беляев барону. После немногочисленных препирательств тот оделся и без сопротивления прошел в машину.

Алексей понимал, что вряд ли им будет обнаружен тот несчастный, сидевший в подвале, и что барон, конечно, ничего не скажет про кражи, совершаемые его подопечными,

но и уехать просто так он не имел морального права. Его бы никто никогда не осудил, если бы он не проявил эту дотошность, решив создать прецедент с бароном. Позднее он выжмет из этой ситуации максимум, и удача повернется к нему лицом, но он и подумать не мог, что эта история вскоре приобретет политический характер.

Доставив барона в Отдел, он не стал тратить время на бессмысленное раскалывание задержанного, а просто сообщил, что на него, Григория Ивановича Терновского, будет собираться материал по 209-й статье УК РСФСР⁷ и до суда, около месяца, он будет содержаться в приемнике-распределителе, в просторечии «богодульнике», вместе с такими же тунецядцами и бомжами, а затем его ждет зона.

Данная новость шокировала барона. Он никогда в такие ситуации не попадал и формально всегда был не при делах: сам коней не угонял, по квартирам гадать не ходил, грабежами и карманными кражами не занимался. За него это делали другие, а он лишь на троне восседал, решал спорные вопросы и осуществлял общее руководство. У него даже не было ни одного привода в ГОВД. А тут произошло что-то новое для местной системы по борьбе с цыганскими преступлениями.

После того как Терновский был помещен в приемник-распределитель, Беляев вновь погрузился в лавину ежедневных преступлений, попутно ожидая весточек из разворошенного цыганского улья.

Так прошло три дня. Наступило утро субботы. Беляев с Авраменко, как и большая часть сотрудников угрозыска, уже были на работе и занимались текучкой.

В то же самое время в приемнике-распределителе, где сохранился Терновский, менялись дежурные смены. Само помещение приемника было расположено таким образом, что со стороны дороги его как бы прикрывало помещение медвытрезвителя, примыкавшее к нему через стену, а на втором этаже располагался наркологический кабинет с лечебными палатами.

Старший лейтенант Оборин, принимая смену, находился в прекрасном расположении духа, и, казалось, этому способствовало все: чудесное летнее утро и малое количество содержащихся в камерах задержанных. Его все устраивало в этой службе, откровенно говоря, она носила совсем необременительный характер. Устраивал и режим работы, о котором оперативники могли только мечтать – сутки через трое, и даже зарплата. Своего рода тихая обитель в милицейском ведомстве. Контингент привозили не буйный – бомжи, тунелюды, дезертиры, алиментщики. Иногда эту благостную картину нарушал кто-то из уркаганов, доставленный операми до момента сбора доказательств по основному делу. Так что милицейская служба у Оборина удалась. Только одно небольшое обстоятельство несколько беспокоило старшего лейтенанта. При передаче дел его сменщик, лейтенант Бузов, обратил внимание на то, что вчера Беляев из УГРО доставил

к ним в приемник не совсем простого мужчину, которого несколько раз за смену посещали группы цыган с просьбами увидеться или что-то передать.

Проводив Бузова и закрыв за ним запоры, Оборин обошел камеры с задержанными и занял свое привычное место около телефона, в полутора метрах от которого стоял в полной готовности принять уставшее тело дежурного небольшой топчан. В ближайших планах было чтение утренней прессы, кроссворд и обед. Но эти радужные планы разрушил резко прозвучавший звонок на входной двери. Глянув в глазок и открыв двери, Оборин увидел стоявших за дверью цыган, мужчин и женщин с грудными детьми, взятых специально для смягчения жестоких сердец милиционеров.

– Что вам нужно? – спросил Оборин.

– Дай нам увидеть нашего дедушку, передай ему продукты, он болеет, когда его отпустишь? – заголосила толпа.

– Сегодня выходной, приходите в будний день, начальство будет, я ничего не решаю, идите по домам, – в тон им ответил старлей и пошел к себе в дежурку, в надежде, что на этом его миссия закончена.

Время неумолимо двигалось к обеду, как вдруг телефон разразился громким звонком, неуместным в этой благодатной тишине. Подняв трубку, дежурный узнал голос врача из наркологии, который спрашивал, не знает ли он, что происходит. Он рассказал, что, словно по мановению волшебной палочки, вокруг здания вырос табор со всеми его атрибу-

тами: палатками, лошадьми, телегами, горящими кострами. Цыгане уже поднимались в наркологию и просили воды для приготовления пищи. Протрезвевшие пациенты отделения с неустойчивой на почве алкоголя психикой начинают волноваться и задавать вопросы. Врач настойчиво просил принять меры.

Следом за этим звонком раздался следующий, от соседей из медвытрезвителя, которые тоже интересовались, что за важную персону закрыли, из-за кого такой ажиотаж. Два дежурных после недолгого обмена информацией решили, что докладывать в Отдел придется Оборину, что явно не входило в его планы – вся идиллия субботнего безмятежного дежурства была безнадежно разрушена.

Оборин доложил дежурному по ГОВД, тот проинформировал вышестоящего краевого начальника, затем ознакомили с положением дел ответственного от КГБ и дежурного горисполкома, тот по инстанции – главу горкома КПСС... Таким образом, все шестеренки властного механизма с бестолковым скрипом, но все же пришли в движение, начальство стало обмениваться между собой скудной информацией, заинтересованные стороны озаботились происходящим на их территории событием и решили, что временное поселение цыган в непосредственной близости от важного стратегического объекта под кодовым названием «богодульник» небезопасно. Более того, чревато осложнением санитарно-эпидемиологической обстановки для жителей приле-

гающего района, а также возможным штурмом места содержания барона с перерастанием в массовые беспорядки и потенциальными человеческими жертвами. Близилось время доклада краевому руководству, а посему вынесенный вердикт был суров, но справедлив – поручить начальнику ГО-ВД локализовать и пресечь в зародыше зарождающийся конфликт, возникший в результате действий его подчиненных. Претворить это в жизнь возможно было только одним способом – выпустить на волю барона, что и было поручено сделать главному виновнику.

– Беляев, ты кого в приемнике закрыл? Там вокруг него уже цыгане табор разбили, – в голосе Тельмана по телефону звучала зарождающаяся претензия.

– Терновского, барона, по двести девятой, – отвечал Алексей.

– И сколько он не работает? – для проформы спросил начальник угрозыска, прекрасно зная ответ.

– Да всю жизнь, Тельман Леонидович! И мне с ним еще по крахам цыганским работать и работать! – чувствуя недоброе, поторопился объясниться Алексей.

– Отпускай его, – приказал Полесов, переступая через себя, в прошлом тоже рядового опера.

– Как же мне с ними дальше работать, если этого отпустим? – не сдавался Алексей.

– Все, решение сверху принято, езжай и отпускай, – подвел черту начальник.

«Ну что ж, нам не привыкать к импровизации», – подумал Беляев и, сочиняя сценарий прощания с бароном и его свитой, отбыл в нужном направлении.

Через полчаса он уже подходил к распределителю, который оказался в полукольце из сидящих и лежащих выходцев из далекой Древней Индии. Стояло три шатра, дымился костер с висящим над ним котлом. Картину маслом довершали бегающие дети.

«Человек тридцать, а то и сорок», – сосчитал Алексей и приготовил оружие. Оказаться в заложниках ему совсем не улыбалось. Его сразу же окружило кольцо самых активных соплеменников и родственников барона. Этот разномастный хор в едином порыве жаждал свободы для своего предводителя. И где-то в душе Беляев их понимал: если бы барона осудили, впереди обезглавленный клан ждало несколько хлопотных и неопределенных периодов до избрания нового главы. Стоя спиной к стене ограждения и не давая приближаться к себе вплотную, Беляев произнес краткую, но очень информативную речь:

– Граждане цыгане! В то время как вся страна в едином порыве выходит на финишные рубежи завершения пятилетки в преддверии двадцать четвертого съезда КПСС, у нас, к сожалению, находятся порой такие, которые до конца не прониклись важностью текущего момента. Эти граждане стоят сейчас передо мной. Вы позволяете себе проступки, не совместимые с высоким званием советского человека, а

именно: не работаете, вымогаете деньги и ценности, воруете. Напоминаю вам всем древнее правило: «Где живешь, там не воруй». Если не прекратите красть в городе, с каждым будет, как с вашим бароном. А теперь выберете двух человек, которые сейчас пройдут со мной к нему.

Взяв двух человек, Алексей спустился вниз по лестнице и вошел в помещение приемника.

– Терновского с вещами на выход, – сказал Беляев дежурному Оборину. Тот не заставил себя долго ждать, и вскоре соплеменники радостно приветствовали своего вожака. Беляев приступил к исполнению заключительного аккорда этой затянувшейся пьесы.

– Ромалы, слушайте и запоминайте наш уговор. Даете ли вы слово не воровать и не делать разных пакостей на территории совместного со мной проживания? Даете слово? Сможете ли вы его сдержать? – спросил Алексей внимательно слушающих цыган. – Запомните: если еще раз что-то подобное повторится, барон отсюда уже не выйдет. Вам все понятно?

– Ты о нас больше никогда не услышишь, даем слово и другим скажем, – отвечали Терновские.

И действительно, все пункты устного пакта о ненападении цыгане неукоснительно соблюдали на протяжении всех лет службы Беляева. Может, рассказы об этом и сейчас передаются следующему поколению. А если и случались какие-то инциденты, то достаточно быстро подтверждалось, что это

сделали «залетные» из других краев и областей, не знающие о договоре.

Так, без громкого звука фанфар, бряцания медалями и торжественных речей, по большому счету, незаметно для всего ГОВД, завершилась операция «Барон», которая дала многолетний профилактический эффект. Ну а что касается основных участников данного действия, то цыгане были счастливы, что их глава без отсидки вернулся домой, а опер Беляев довольствовался уже тем, что не получил по шапке от вышестоящего руководства. Система МВД, как обычно, прошла мимо него, поскрипывая хромовыми сапогами, занятая какими-то особо важными докладами «наверх».

При нечастых и незапланированных встречах бывшие визави Беляева с любопытством спрашивали, какую звездочку на погоны ему за них дали. На что Алексей с улыбкой отвечал: «Дали самую большую, почти генеральскую, но показать не могу, совершенно секретно». Не мог же он позорить родное МВД. Да и форму он за всю службу надевал пару раз, в особых торжественных случаях.

Хотя насчет генерала он не ушел далеко от истины... Впрочем, это с ним будет уже в следующей жизни и в другой стране.

Дневник
советского детектива

ДЕЛО ЧЕСТИ

Дело чести

Лучший боец тот,

кто побеждает не сражаясь.

Конфуций

Часть 1. Уроки «химии»

Мартовский лед предательски хрустнул под каблуком, и как по сработке тревожной сигнализации тут же из-за туч выглянула луна, проснулись и залаяли самые добросовестные из четвероногих сторожей. Два мужских силуэта осторожно скользили вниз по улице, застроенной частными домами, по направлению к центру города. До цели оставалось совсем недалеко. Часы показывали половину четвертого утра. Была середина марта 1984 года.

Что же влекло молодых мужчин вперед и заставляло не спать этой ночью? Имя этому – выживание, основной человеческий инстинкт. Чтобы удовлетворить одну из базовых потребностей – потребность в пище, они пожертвовали другой потребностью – сном. Как в мире животных. Пока одни звери спят, другие охотятся на них или принадлежащие им ресурсы, используя факторы темноты и неожиданности. Непрерывная череда событий эволюции. В данном случае целью хищников была школа номер один, вернее, продукты в помещении столовой, а потенциальными жертвами, у которых изымут необходимые для жизни ресурсы, дети – ученики этой школы. Особую пикантность ситуации придавало то, что метрах в ста от цели охоты располагалось здание городского отдела внутренних дел.

Кто же они, эти два оголодавших млекопитающих, люби-

тели острых ночных ощущений? Еще совсем недавно оба находились на полном государственном обеспечении в местах не столь отдаленных, где могли не думать о пропитании. У каждого уже было несколько «командировок» по самым разным поводам, в основном за воровство. На государственных харчах с небольшими перерывами они повзрослели, окрепли и заматерели. Оба были внешне очень похожи. Возраст – двадцать пять – тридцать лет. Коротко стрижены, коренасты, плотно сбиты, а многолетняя привычка ходить вместе строем и все делать по команде нивелировала незначительные внешние различия и позволяла понимать друг друга с полуслова.

Созданная людьми система координат «свой-чужой» поместила каждого из нас по ячейкам, расчертила, между нами, невидимые границы и позволяет быстро определять принадлежность людей к разным прослойкам общества. Границы между слоями порой пересекаются, где-то дополняют друг друга, в чем-то противоречат, но в целом система работает. Моряк, военный, студент, домохозяйка, верующий, атеист, силовик, чиновник, коммунист, баптист, бандит, зэк, ботаник, спортсмен, работяга – не счесть сословий на небе устного фольклора нашего Отечества.

Два ночных путника относились к социальной группе под названием «зэки», а точнее, к одному из ее подвидов – «химикам». Можно только поражаться, как метко и злободневно людское сообщество улавливает суть новых веяний и фор-

мирует отношение к нему. Таким вот образом в шестидесятих годах двадцатого века оно зафиксировало появление этой уголовной субстанции и водрузило ее на полагающееся место. Название «Химики» несло двойную смысловую нагрузку. С одной стороны, их использовали изначально на стройках предприятий химической промышленности, с другой – они как бы отбывали наказание, а как бы и нет. Соответственным этому было и невысокое качество их работы. Отсюда народное выражение «химичить» – создавать видимость чего-то.

Позднее этот метод изыскания рабочей силы широко распространился по всему Союзу, «химиков» можно было увидеть на многих стройках коммунизма, а не только химических предприятий. Пока в начале девяностых условно-досрочное освобождение как вид наказания в большинстве стран бывшего СССР не был отменен. Хотя, наверное, зря, ведь в его основе лежала здравая с точки зрения экономики мысль: «кто не работает, тот не ест».

Но не только со стройками коммунизма оказалось связано это определение. Понятие «химичить» люди в разговоре употребляли, когда нужно было обозначить какие-то внешне полезные действия, по факту ничего путного не рождающие. Вроде бы и приговор вынесен, и вина определена, но наказание будешь отбывать в условном режиме. Такой вот компромисс между потребностью в дешевой рабочей силе и переполненностью мест заключения. Все бы ничего, но вот

только среди желающих соблюдать этот «химический» режим порой находились особи, которых воздух свободы в очередной раз толкал на вольные хлеба и нелегальное положение. Попросту, они уходили в бега, обнажая издержки данной экономической модели. И сколько «химиков» бегало по просторам Союза, известно одной лишь закрытой милицеевской статистике.

Из таких и были два наших любителя ночных моционов.

В Артеме они осели около месяца назад, после того как судьба свела их с двумя подругами, тоже в недалеком прошлом хорошо знакомыми с местами не столь отдаленными. Гоп-компания поселилась в небольшом частном домике малопосещаемого района и старалась особо не привлекать к себе внимания.

Пути-дорожки одной из женщин по прозвищу «Чайка» уже пересекались с оперативниками полугодом ранее. Она в составе очередного криминального ансамбля проходила как подозреваемая по разбойному нападению на сторожа совхозной фермы и угону автомобиля, находилась на подписке о невыезде. Кроме того, выяснилось, что эта дама «подрабатывала» криминальными абортами, но потерпевшие установлены не были, заявления отсутствовали, и она отделалась легким испугом.

Подруги периодически устраивались куда-то на работу, но долго задерживаться не собирались, используя свое текущее положение для сбора информации о наличии чего-либо цен-

ного на объекте и его системах охраны. По сути, играли роль наводчиц для сожителей-экспроприаторов.

Так получилось и со школой номер один. «Чайка» устроилась туда на работу посудомойкой, проработала около месяца и, сославшись на весьма уважительную причину, уволилась. За это время ей удалось узнать, что дежурят в школе пожилые женщины, которые по ночам спокойно спят, а охранной сигнализацией оборудованы только кабинет директора и кассы, столовая же и кладовая с продуктами фактически открыты для проникновения туда оголодавших сапиенсов.

В эту ночь ворюги сделали две «ходки» к месту экспроприации. Их добычей стали два мешка муки, несколько килограммов мяса, овощей и кухонная утварь.

Часть 2. На обратной стороне Луны

Первыми обнаружили пропажу и забили тревогу повара, пришедшие раньше всех и обнаружившие пропажу не только продуктов, но и значительной части кухонной утвари. Картину маслом завершал «художественный» беспорядок в виде открытых шкафов, рассыпанных круп и муки.

Сторож Лыкова, пожилая женщина семидесяти трех лет, ничего не слышала. По ее словам, она глубоко спала, но, скорее всего, как и многие школьные сторожа, этой ночью ушла домой.

Школа номер один впервые за всю свою историю, за исключением военных времен, садилась на жесткую диету. Учитывая, что без завтраков и обедов осталось около трехсот учащихся, банальная кража автоматически перешла в разряд резонансных, а расположение УВД в шаговой доступности усилило резонанс многократно. По городу поползли нехорошие слухи, мол, власти ничего не могут сделать, криминал бесчинствует. Но так как до эпохи гласности еще оставалось несколько лет, они так и остались слухами. И то правда, зачем же баламутить общество, в то время как космические корабли бороздят просторы Вселенной?..

В городских верхах на разных совещаниях и уровнях власть стала мучительно искать ответы на традиционные русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?» В резуль-

тате непродолжительного мозгового штурма виноватым назначили УВД, потому как географическая близость к месту преступления есть вещь непреложная. На вопрос «Что делать?» ответ был также очевиден – виновник, то есть милиция, будет искать злоумышленников и возвращать похищенное. Дело оставалось за малым – определить уже внутри УВД сотрудников, допустивших это безобразие на вверенной территории, и жестко замотивировать их на поимку злодеев. Крайним в этой истории, впрочем, как и всегда, был назначен угрозыск, а внутри него сыщик, обслуживающий территорию центра города. К нему, само собой, добавили и участкового, сведя таким образом количество виновников и исполнителей к минимуму. Дело оставалось за малым – установить и задержать злодеев, а затем и наказать.

– Это наше с вами дело чести, Тельман Леонидович, о ходе его раскрытия докладывать мне лично в ежедневном режиме, – багровея от злости, закончил свой разгромный спич начальник УВД полковник Обабков, обращаясь к начальнику ОУР в ходе совещания у себя в кабинете.

Важность «дела чести» сыскари почувствовали по характерному выражению лицу Тельмана, когда он вышел после экзекуции из кабинета начальника. Никаких слов было не нужно, чтобы сделать вывод о серьезности его намерений обесчестить опера, обслуживающего центральный район, и делать это периодически-постоянно вплоть до момента раскрытия кражи и поимки злодеев. Многолетний опыт подска-

зывал, что на этот чрезвычайный и неопределенный по времени период к Полесову в кабинет с разными просьбами и докладами лучше не заходить, на глаза не попадаться, лишних вопросов не задавать.

Район центра города обслуживал инспектор УР Козлов, и именно он должен был первым попасть под главный пресс руководства. Положительным моментом для Козлова в этой истории было его отсутствие по причине очередного отпуска, что делало его недосыгаемым для начальства, а значит, весь объем негатива, полученный Тельманом от начальника УВД, ретранслировать было некому. На период отсутствия Козлова центральный район обслуживали все, кто был относительно свободен и кому отписывались материалы. Обстоятельство размытой ответственности вводило Тельмана в ступор. Он ходил мрачнее тучи, и это состояние передавалось всему отделению ОУР.

Зловещая неопределенность продолжалась около десяти дней, несмотря на все усилия, зацепок по школе номер один не просматривалось, а в дополнение к этому не уменьшался и вал других преступлений. К концу указанного периода, по-видимому, съев большую часть припасов и не дожидаясь острых приступов голода, «химики» вновь решили «поставить опыты» на детях, для чего нанесли очередной визит на немного ожившую после их прошлого посещения школьную столовую. На сей раз они вынесли все подчистую, снова посадив детей на диету. И вновь прошла цепная реакция в эше-

лонах власти, и вновь зазвучали разгромные обличающие речи на разных уровнях. «Дело взял на контроль край!» – зловеще зашелестело на совещаниях, да только вся эта возня с контролерами не помогала, а, скорее, мешала сыщикам найти и обезвредить преступников.

Часть 3. Проверка информации методом «Тоби Ёко Гери»

8

– Алексей, ты свободен сейчас? – заглянул в кабинет Беляева замначальника УР Куликов и, не дожидаясь ответа, скомандовал: – Пошли, есть информация, возможно, по школе.

Он собрал всех, кого нашел в кабинетах, и летучая бригада в составе четырех оперов пешком выдвинулась в частный сектор. Рядом с Куликовым и Беляевым шагали инспектор Чепчик и младший инспектор Рачук. Оружие было только у Куликова, у остальных подручные средства. Их путь лежал вверх, на сопки, в малолюдную часть частного сектора. На улицах было сыро, текли ручьи, лежали остатки подтаявшего снега. В разгаре была весна, стоял положенный по такому случаю солнечный погожий день. Алексей был одет в черный костюм, а поверх него – зимнее пальто с каракулевым воротником, которое было совсем нелишним в утренние и вечерние часы, когда весна временно отступала под натиском низких температур.

Полученная информация гласила, что компания в количестве четырех человек, двух мужчин и двух женщин, около двух месяцев назад сняла для постоянного проживания

небольшой частный дом. На работу не ходят, на какие средства существуют – непонятно, а выглядят при этом вполне сыто и упитанно. Впрочем, ведут себя тихо, не дебоширят, с соседями не общаются.

Пройдя около полутора километров, оперативники подошли к небольшому частному строению, больше похожему на дачу, окруженную старым покосившимся штакетником. Прямо напротив дома находился колодец.

Как такового плана действий не было, только неписаная заготовка, опробованная на множестве других задержаний, – прибытие по адресу, разведка и действия по ситуации. Но тут сыскари с подачи Беляева дали маху. Алексей предложил остановиться около колодца и под видом усталых путников, утоляющих жажду, оценить обстановку, определить подходы к дому и кому с какого направления заходить. Кто же знал, что их с Куликовым физиономии опознала смотревшая в окно «Чайка», знакомая с ними по свежему делу о разбое. Она тут же предупредила об облаве подельников.

Преодолев нехитрую калитку на входе во двор, опера быстро зашли в дом. В небольшой кухне их встретили две женщины, которые лепили пельмени. На столе лежали раскатанное тесто и мясной фарш. Куликов и Беляев сразу опознали героиню «свежего сериала» Чайку, которая еще находилась на подписке о невыезде и ждала суда. Куликов стал проверять документы и проводить опрос, а Алексей с Рачуком прошли в следующую комнату для осмотра. Собствен-

но, все внутренние помещения домика состояли из небольшой кухни и такого же скромного по размерам зала. В нем стояли две кровати и комод. Подойдя к одной из кроватей, Алексей отодвинул свисавшее одеяло и увидел под ним алюминиевый бак, на боку которого виднелась красная инвентаризационная надпись «Шк. № 1». Дальше – больше... В глубине под кроватью нашлась полная коллекция кухонной утвари из учебного заведения.

– Откуда у вас эти сокровища? – спросил Беляев, но не успели женщины ответить, как раздался крик Куликова:

– Вон они, за домом, вниз побежали!

Оказалось, пока оперативники опрашивали кухарок и осматривали помещения, жулики стояли за домом и выжидали момент для спринтерского рывка.

Беляев и Чепчик бросились в погоню, Куликов и Рачук остались в доме с женщинами. Алексей выбежал первым и увидел метрах в тридцати ниже по улице двух бегущих короткостриженных «преподавателей химии». Они были одеты явно не по погоде – оба в летних трико, один в майке и женских босоножках на низком каблуке, которые едва налезли на половину ступни, второй без майки и вообще в носках. Впрочем, первый тоже оказался в них, так как в процессе спринта босоножки слетели и остались лежать в дорожной грязи.

Началась погоня, многовековая игра сыщика и вора: один бежит, другой догоняет. «Педагоги» сразу взяли очень быст-

рый темп, и в этом им помогали легкие одежды и отсутствие обуви, а потому летели они босиком по весенней слякоти «аки посуху».

Опера же были одеты по погоде, и это обстоятельство в начавшейся «Гонке героев» играло против них. Расстояние до убегающих «химиков» не сокращалось и имело тенденцию к увеличению, Беляеву не оставалось ничего, кроме того, чтобы сделать ставку на настырность и выносливость. Всю сознательную жизнь он играл в дворовой футбол, на легкие не жаловался и рассчитывал, что они не подведут его и в этот раз.

До прихода в милицию Алексей, как и многие, считал, что в органах, а особенно в их оперативных подразделениях, существует система физподготовки если и не суперменов, то уж, во всяком случае, людей подготовленных к задержаниям разнокалиберных преступников. Ведь именно таких сотрудников рождала буйная фантазия создателей фильмов о советской милиции.

На деле же в системе МВД существовал приказ о проведении физкультурных занятий раз в неделю. Летом гоняли в футбол на стадионе, а зимой пару раз ходили в арендованный спортзал, где начальник штаба демонстрировал в вольной форме парочку приемов рукопашного боя. Из них в памяти у Беляева остался только «загиб руки за спину», совершенно неприменимый в реальной ситуации. Нарушало этот приказ подавляющее большинство сотрудников во главе с

самим начальником ГОВД, его заместителями и руководителями других служб. Обычно на стадионе можно было встретить разве что нескольких любителей футбола из числа оперативников УР и работников городского отдела КГБ, которые в силу своей малочисленности выходили играть почти в полном составе.

Примерно за год до описываемых событий, по инициативе друга Беляева, оперативника Сергея Мешковского, стихийно и без ведома руководства, а потом и с его молчаливого невмешательства в Артеме самоорганизовалась секция карате-сетокан. Занятия проводились в одной из общеобразовательных школ города. После года занятий Беляев и его товарищи получили начальные навыки и технику выполнения некоторых основных ударов, знание которых не раз выручало их на крутых поворотах непредсказуемой службы.

А между тем погоня продолжалась. Впереди бежали два откормленных, отдохнувших «кабанчика», расстояние до них не сокращалось, Беляев чувствовал первые признаки одышки, хотя дорога шла под уклон и в принципе бежать было несложно, но сказывались резкий старт и вброс адреналина в кровь.

Позади Алексея, метрах в двадцати, бежал Чепчик. Шансы на отрыв от погони у преследуемых возрастали с каждой секундой.

Беляев настойчиво перебирал в памяти прочитанные в книгах примеры появления у спортсменов пресловутого вто-

рого дыхания. Что же нужно сделать, чтобы оно появилось, дабы не упустить бегущую впереди «нечисть»? Рецепт появился на бегу – нужно не реагировать на тревожные звонки организма в виде усталости, сердцебиения, а, стиснув зубы, продолжать его нещадно эксплуатировать, и тогда умный организм даст команду и задействует в полной мере дремлющие резервные системы, как бы включая запасной генератор при общем отключении энергии. Возможен и другой вариант – системы не выдержат и произойдет их полная остановка в виде инфаркта или инсульта, но о таких вариантах Беляев старался не думать.

Внезапно ситуация изменилась. Воровской дуэт, подбегая к небольшому переулку, в лучших эковских традициях разделился. Один из беглецов, невзирая на заборы и злых собак, изменив траекторию «полета», пошел напролом, а второй взял курс направо, в проулок. Беляев побежал за ним. Узкая дорога пошла резко в гору. Поворачивая в проулок, Алексей сбросил шапку и зимнее пальто, сковывающее движения, и рванул вверх, держа перед глазами ритмично колышущую спину любителя школьных завтраков. Какое-то время дистанция между убегающим и догоняющим словно застыла, не увеличиваясь, и уже это придало Беляеву сил. По всем признакам наконец-то открылось второе дыхание, одышка и учащенное сердцебиение исчезли, бег стал равномерным. И, о чудо, расстояние до «химика» стало еле заметно сокращаться! Данный факт добавил Алексею дополни-

тельных калорий, и он ускорился. Вскоре расстояние между опером и преступником сократилось до двух метров и стабилизировалось. Наблюдатель со стороны мог бы увидеть, как слаженно, ритмично, нога в ногу, бегут двое молодых мужчин, к какой-то одной, известной только им цели. Но если бы наблюдатель мог прочитать их мысли, ему бы стало понятно, что движут ими противоположные цели. Убегающий очень не хотел опять попасть в клетку, из которой недавно выпорхнул, а догоняющий, наоборот, стремился поместить туда опасную человеческую особь и в этом видел свое жизненное предназначение. А еще он чувствовал, как вслед ему с надеждой на поимку злодея смотрят родители школьников, преподаватели, друзья по угрозыску, которым на каждом совещании начальство «вставляло пистоны». И именно эти взгляды гнали его вперед, заставляя преодолевать физиологию. Беляев понимал, что вновь попал в ситуацию, когда придется совершать неординарный поступок, но теперь уже для него не было секретом, что фанфар по этому поводу не будет, не будет и никаких мифических звездочек, наград и премий.

Тогда еще не гуляла на устах обывателей отстраненно-равнодушная фраза «Это ваша работа», родившаяся в голове какого-то кабинетно-штабного недоумка и радостно подхваченная ему подобными деятелями, потому как нравственная погода в «тоталитарном» советском обществе еще не поменяла градус обычной человеческой благодарности на

равнодушно-отстраненную целесообразность.

Между тем бег по пересеченной местности продолжался, оба «легкоатлета» двигались на удивление слаженно, но все-таки расстояние между ними сократилось до полуметра. Алексей, обретший второе дыхание, мысленно выбирал способ, которым можно сбить с ног беглеца. Подсечка на бегу не годилась – на большой скорости можно упасть самому или перелететь через упавшего, передав ему преимущество в предстоящей схватке. Решение подсказал меняющийся рельеф местности.

На вершине узкой дороги, по которой они бежали, Беляев наметил небольшой пригорок, где уставший «химик» точно должен будет сбавить обороты, а Алексей – их прибавить и с высоты пригорка, в прыжке нанести боковой удар внешним краем стопы в спину – «тоби ёко гери» (по японской терминологии). Этот прием нечасто отрабатывался на тренировках, так как был больше зрелищным и малоприменимым в реальном поединке, обычно в ходу были удары ногами – «май гери», «маваши», но в ситуации, когда беглец не видит, откуда прилетит удар, это могло сработать.

Удар в прыжке с виду, наверное, был хорош, но получился слабым, скорее сильный толчок, а не удар. Однако измученному гонкой марафонцу хватило и этого. Как сбитый тяжелый бомбардировщик, он боком завалился на левое крыло и рухнул на землю. Рядом с ним приземлился порядком измученный Алексей. Вот теперь у обоих появилось достаточно

времени для знакомства.

Лежа в полуметре друг от друга, часто дыша, как загнанные псы, не хватало только высунутых языков, они, не отрывая взгляда, изучали каждый своего противника. Эта информация была жизненно необходима для финальной схватки, из которой противник Беляева мог выйти победителем и остаться на свободе. Преступник уже понял, что оперативник не вооружен, на вид моложе и не отличается богатырским телосложением. Но и у Алексея были шансы на победу. Чаша весов застыла примерно посередине, с небольшим перевесом в сторону опера. Перевес давало то обстоятельство, что на стороне Беляева была правда, а известно – на чьей стороне правда, тот сильнее духом, а кто сильнее духом, тот и побеждает. Лихоимец был года на четыре старше, примерно такого же роста, крепкого телосложения, с небольшим животом, достаточно упитанный, этакий бычок. Противники тянули время, чтобы выровнять дыхание и немного восстановить силы, зная, что у них есть для этого около пяти минут.

– Что убегал? – часто дыша, спросил Беляев.

– Боялся, – ответил беглец, с трудом переводя дыхание.

– Чего боялся?

– Документов нет.

Разговаривая, Беляев понимал, что перед ним стоит перспектива непростой, долгой, с переменным успехом возни в этой грязи, и ладно пиджак можно сбросить, и он останется более-менее целым, но в клочья будет рубашка, это уж точ-

но, в дополнение к уже порванным брюкам...

Боковым зрением Алексей заметил возле калитки близлежащего частного домика выходца из народа, средних лет невысокого мужичка, он то ли выходил из нее, то ли заходил, а скорее, вышел посмотреть из любопытства.

– Мужчина, подойдите сюда, я из милиции, нужна ваша помощь! – обратился к нему Беляев.

Если не поможет, так хоть свидетелем побудет при задержании, решил Алексей, потом в прокуратуре будет легче отписываться в случае нанесения телесных повреждений злодею.

– Ага, щас! – молвил несостоявшийся свидетель и так же неслышно испарился, как и появился ранее. В принципе, Беляев и не строил иллюзий по поводу народной поддержки, но не попытаться использовать все варианты тоже не мог.

Ну, вот и все. Тянуть с задержанием было больше нельзя, дыхание у обоих восстановилось, «химик» повеселел и оживился.

– Ну что, хватит сидеть, вставай, пошли, – обратился к задержанному Алексей.

– Не-а-а-а... – ответил тот с нагловатой полуухмылкой.

Стало ясно, что без возни не обойтись. Наступал момент боевой импровизации.

Следующий ход был за Беляевым, потому как его отсутствие по неписанным правилам означало отступление и обнуление уже затраченных колоссальных усилий, а допускать

этого он не собирался. Требовался один точный ошеломляющий удар, но куда? Солнечное сплетение прикрыто толстым слоем жира, который играет роль легкого бронежилета скрытого ношения. Уязвимая зона сужена до минимума, чтобы в нее попасть и пробить, удара может оказаться недостаточно, проверено неоднократно. Глаза и горло отлично подошли бы, но чреваты нанесением тяжелых телесных повреждений и превышением пределов необходимой обороны. Волосы отрасти не успели, поэтому за них не ухватиться. Остался вариант работы с макиваре⁹, то есть серия из нескольких ударов. Практика показывала, что люди с такой кабанистой комплекцией активны первые минуты боя, потом вес начинает влиять на дыхалку и боец сбавляет обороты. Этот вариант и приготовил для повеселевшего «химика» его оппонент.

Но, видно, небеса в этот раз решили сохранить Беляеву единственный приличный костюм. На взгорке со стороны главной улицы, где началась погоня, послышались шаги и показалась невысокая фигура Чепчика. Володя не смог догнать второго злыдня, который, преодолевая колючие проволоки, высокие ограды и злющих волкодавов, ушел-таки от преследователя.

Увидев, что оперов уже двое, «химик» сменил весело-нагловатое выражение лица на отрешенно-задумчивое и на повторное предложение Беляева проследовать к точке старта «Гонки героев» молча подчинился.

Таким образом, без применения оружия, наручников, приемов рукопашного боя злодей был задержан и прибыл к месту погрузки и возврата похищенного.

Пока Беляев приводил в порядок гардероб, остальные сотрудники предложили задержанным вернуть все то, что они ночами, аки пчелки, доставляли сюда из школьных кладовых. Пожелание поступило в настолько вежливой форме, что виновники торжества не смогли отказать оперативникам, и вот уличные зеваки уже наблюдают необычную процессию, идущую вниз по улице в направлении ГОВД. Ее возглавляли две крупные женщины с сумками в руках. За ними следовал несостоявшийся марафонец, низко согнувшийся под тяжестью своих грехов в виде мешков с мукой, алюминиевых кастрюль и баков, висевших на коромысле, как гирлянды. В роли погонщиков этого заблудшего стада выступали инспекторы УР, шедшие сзади и чуть сбоку.

А что случилось со вторым «химиком», которого преследовал Чепчик, спросит читатель?

Он смог оторваться от погони, забежать в городскую котельную, под угрозой расправы раздеть кочегара и в его одеждах раствориться в городской среде, а затем и покинуть негостеприимный для него Артем. Чепчик же, трезво оценив свои физические возможности, не решился броситься на колючие проволоки и собак, а повернул вслед убежавшему Беляеву, что и позволило без рукопашной схватки задержать преступника.

Дневник
советского детектива

ДЕДУКТИВНЫЙ МЕТОД

Дедуктивный метод

- Кто выехал на место происшествия?
- Галустян с Акбаром и Сычев с Дроном.
- А зачем нам две собаки на одну кражу?

Из диалога дежурного и начальника ГОВД на планерке

Зимой 1981–1982 годов пришло свежее пополнение – инспекторы уголовного розыска и следователи, окончившие школы милиции. Пополнение выглядело свежо и многообещающе, еще не побелевшие и не полысевшие головы были переполнены полученными знаниями и методиками искоренения преступности. Отдельные представители молодой поросли следователей прибыли на передовую, уже видя себя состоявшимися руководителями следственно-оперативных групп. Но при первых же выездах на осмотр реальных мест преступлений штампы, усвоенные в учебных аудиториях, моментально испарились из просвещенных голов, а на их место пришло осознание прозы жизни и того, кто в раскрытии дел и задержании преступников на самом деле играет первую скрипку.

С операми было попроще. Они в основном яснее представляли себе обстановку на передовой и быстрее встраивались в коллектив. Но и с ними порой случались забавные истории.

С новоиспеченным инспектором ОУР Пашей Дроном, как

и с большинством выпускников, происходили вполне объяснимые вещи: он был переполнен полученными знаниями, наставлениями преподавателей, обещаниями кадровиков, сулившими блестящие перспективы по службе и жилью для молодых специалистов. Боевому настрою также способствовали просмотренные фильмы, прочитанные книги, где благородный и отважный милиционер всегда побеждает и наказывает подлого преступника.

Паша был среднего роста, крепкого телосложения, темно-волос, очень подвижен и улыбчив, такую улыбку еще называют гагаринской или американской. Он напоминал комсомольского активиста-энтузиаста, приехавшего осваивать целинные земли, был очень коммуникабелен и не упускал случая поведать о том, как далеко сейчас шагнула криминалистическая наука. Перед бывальыми сыщиками он, конечно, еще стеснялся открывать новые горизонты, но иногда на планерках и заслушиваниях его прорывало.

Единственная автомашина угрозыска, гражданский УАЗ-469, при ежедневном распределении обычно поступала в распоряжение тех оперативников, кому нужно было ехать далеко, по резонансному делу, с «возможным» раскрытием чего-то «темного» и задержанием подозреваемых. Сегодня эта фишка выпала Беляеву и Авраменко, так как предстояла им дорога дальняя по раскрытию серии разбоев на частных домах, прокатившейся по Владивостоку и накрывшей краем Артем. Был даже один труп – хозяина дома, попытавшегося

дать отпор, забили найденным во дворе гвоздодером.

Распорядители заветной колесницы получали негласное право по пути подбросить и кого-то из боевых товарищей. Как правило, к началу движения УАЗ был полон сыщиками, оживленно обсуждающими сегодняшнюю, разную для каждого из них повестку дня. Был конец марта, заканчивался первый квартал 1982 года, и на каждом из них уже «висело» по тридцать-сорок нераскрытых (темных) преступлений, поэтому тем для обмена информацией между инспекторами было предостаточно.

Уже перед самым стартом послышался негромкий стук в заднюю дверь машины, и в окне появился позитивный образ свежеиспеченного инспектора Дрона.

– Ребята, можно я с вами? – скромно спросил он. – Мне до ГРЭСа.

ГРЭС, или Артем ГРЭС, – поселок городского типа при теплоэлектростанции на окраине города Артема, который вместе с прилегающими микрорайонами был определен в ведение молодого специалиста. Особых криминальных аномалий в нем не имелось, так как жили там в основном работники ТЭЦ, люди семейные, со стабильным заработком, средним по стране. Можно сказать, что Паше повезло, если исключить ежедневные проблемы с проездом до ГОВД и обратно.

– Ну что, берем молодое пополнение? – спросил Беляев у сидевших сзади четверых сотрудников. – Придется потес-

ниться.

– Да пусть заходит, поместимся, – хором отвечала уплотнившаяся масса инспекторов.

Соколом взлетев на заднее место в машине, Паша ухватился распростертыми руками, как крыльями, за железные дуги под потолком автомашины, и она тронулась в путь.

С появлением в тесном пространстве УАЗа нового пассажира взоры и внимание сидящих невольно обратились к нему. Появились вопросы.

– Давай, Паша, расскажи нам о новостях криминалистических, о методах новых да об оборудовании или приборах, которыми можно так раскрывать преступления, чтобы поменьше топтать по земле, – обратилось к нему сыскное сообщество.

Вопросы попали на благодатную почву, после чего все прежние разговоры стихли, и матерые сыскари превратились в прилежных слушателей выпускника средней школы милиции Дрона, вещавшего сверху, распластавшись под крышей кабины.

Прослушав краткий курс криминалистики от молодого специалиста, едва сдерживая смех, кто-то из оперов спросил:

– А проходили ли вы такую тему, как дедукция, то есть дедуктивный метод? Его еще Шерлок Холмс применял, ну, помнишь, у Конан Дойла?

Про Шерлока знали все, а вот с аббревиатурой «конан-дойл» оказалось сложнее... Но Паша ничуть не смутился,

его уже подхватила и понесла лавина переполнявших его знаний.

– Официально этот метод в учебную программу не входил, но один из преподавателей о нем много рассказывал, заставлял конспектировать и применять на практике, – начал свое повествование Павел. – В этом методе главное – идти от общего к частному, особенно он хорош при осмотре места происшествия.

– Вот про это давай подробнее, давай конкретику, – с улыбкой попросили его инспекторы. – Тоже будем его применять.

– Значит, так. При осмотре места происшествия к нему нельзя идти по прямой, а только по сужающейся спирали, как бы осматривая сначала общую картину и переходя к частностям, останавливаясь на конкретных деталях, – щедро делился знаниями вчерашний выпускник.

Машина с оперативниками тем временем приближалась к району Автобазы. По ходу движения, несмотря на разговоры, они фиксировали взглядами все происходящее за окном, каждый в своем секторе.

– Да, вас там серьезно обучали, – молвили благодарные слушатели, – а показать сможешь?

– Конечно, смогу, – уверенно ответил Дрон.

– А на «земле» твой преподаватель работал? У него эта система действовала? Какого он возраста? – сыпали вопросами сыщики.

– Нет, в розыске, тем более на «земле», он не работал, но с красным дипломом окончил волгоградскую вышку, затем аспирантуру, затем стал преподавать. Он из милицейской династии, а лет ему около двадцати семи, точно не скажу.

– Не наш человек, – резюмировали опера. – Из генеральских сынков.

– Стоп, машина! – раздался голос сидящего впереди Беляева. – Смотрим налево через дорогу, там лесопосадки, дальше бетонный забор, на его фоне на одном из деревьев висит пальто и, кажется, шарф, все видим?

В машине стало заметно оживленнее. «Гоп-стоп» или «мокруха» – посыпались версии увиденного.

– Ну что, Паша, у тебя есть возможность доказать твой дедуктивный метод в настоящем деле, а не в аудитории, – разрешил Беляев на правах старшего. – Давай, осмотри место происшествия, если обнаружишь что-то стоящее, дай знак, мы подключимся.

Повторять приказ не пришлось. Казалось, Дрон ждал этого случая весь недолгий путь от Отдела, его буквально переполняли энергия и желание доказать коллегам, что он и его багаж знаний чего-то стоят. Этот случай, так вовремя предложенный судьбой, мог бы стать кратчайшим пропуском в недоверчивый и критично настроенный круг его соратников по работе.

Не медля ни секунды, Паша пулей выскочил из УАЗа и так же быстро пересек дорогу с оживленным автомобильным

движением.

«Главное, чтоб не перегорел», – подумал вслед ему Беляев. В его непродолжительной практике уже были случаи, когда порывистые молодые стажеры грузили на себя непривычный, неудобный и опасный оперской мешок и быстро сдавали, не ожидая, что он окажется таким тяжелым.

Оставшиеся в машине сыщики тоже с интересом наблюдали за действиями Дрона, негромко комментируя его поведение. Процентом на восемьдесят все они были уверены, что «тянут пустышку», в противном случае одного его никто бы не отпустил.

Тем временем молодой специалист, реализуя сказанное им ранее, заложил первую большую окружность вокруг дерева с висящей на нем одеждой и двинулся дальше. Взгляд его был устремлен чуть вверх, шаря по кронам редколесья, ноздри широко раздувались, втягивая в себя запахи наступающей весны, в надежде учуять что-то незаконное. Он постепенно сжимал кольцо окружностей, прочесывая глазами по вертикали и горизонтали мысленные этажи окружающей действительности в поисках дополнительных к пальто деталей и улик. Как максимум он рассчитывал найти лежащее тело или следы крови как минимум. Представлял, как на утренней планерке перед всем Отделом расскажут, как молодой, но быстро растущий сотрудник с помощью нового передового метода с благозвучным названием «дедукция» раскрыл тяжкое преступление.

Молодая травяная поросль уже прикрыла неприглядную серую землю, затрудняя поиски и мешая новоиспеченному Шерлоку применять дедуктивный метод. Тем не менее, совершая правильные круги, он упорно продвигался к цели – средней величины дереву с висящими на нем пальто и шапке. Кольцо неумолимо сжималось, а никаких следов борьбы, окурков, мелких предметов не находилось.

Напряжение нарастало... и вот уже рука Дрона тянется к вещдокам, висящим на дереве, в надежде найти в них нечто подтверждающее его версию. Рука уже готова схватить и снять их для осмотра, как откуда-то снизу, из-под земли раздался глухой бас:

– Положи на место! Япона мать! Ходют тут всякие...

Ошеломленный Дрон перевел глаза-штыки в вертикальное нижнее положение и увидел там, в яме, мужика-работягу с лопатой наизготовку, готовый превратиться из орудия труда в орудие убийства. Мужик явно по всем признакам и являлся хозяином висевшего на дереве имущества. Тяжелая работа землекопа и взошедшее солнце заставило его снять пальто и шапку и повесить на дерево. Увидев человека в штатском, протянувшего руки к его одежде, он решил, что тот хочет их «реквизировать».

– Спокойно, я из милиции, – представился Паша незнакомцу. – Так это ваша одежда? – спросил он с угасающей в голосе надеждой.

– А... из милиции, – протяжно отвечивал землекоп. –

А мне наряд дали здесь, под столбы, сказали ямы копать, машину сюда не пустишь, деревья. Жарко стало, вот и разделся.

Рухнула Пашина версия, дедуктивный метод дал осечку, и Паша так же энергично направился обратно к машине, где его хохотом встретило веселое сыскное братство.

Оставшуюся часть пути Паша непривычно молчал, переваривая полученный урок и мысленно конспектируя пройденное. Впереди у него были годы и годы непрерывной, уже практической учебы не в теплых и светлых аудиториях, а на оперативных просторах города с непростой криминальной обстановкой, и лучшими преподавателями на этом поприще ему станут его старшие товарищи и ежедневная практика.

Дневник
советского детектива

УГОЛ АТАКИ

Угол атаки

«Добро должно быть с кулаками...

В добротном действии одном —
спокойно вышибать коленом
добру не сдавшихся добром!»

Станислав Куняев

Часть 1. Мысли о главном

В приморских палестинах наступало лето 1982 года. Обычно после жаркого мая июнь несколько сбавляет температурные обороты на подлете к июлю. Сказывается влияние океана, его аккумулирующий эффект. Прошлогодние запасы тепла подошли к концу, теперь предстояло накапливать новые. Скоростной май дал команду «На старт!» бурному росту всей зеленеющей растительности и отошел в сторону по причине окончания срока своих полномочий. Началась чересполосица дней, один-два жарких, следующий – холодный и туманный. В эти дни все это распустившееся зеленое буйство странно и необычно смотрится на фоне пасмурных туманных суток в ожидании солнца.

Вслед за ожившей зеленью и повышением температуры из своих многочисленных укрытий и землянок на свет божий потянулись лица без определенного места жительства. В правоохранительных кабинетах этому контингенту была присвоена аббревиатура БОМЖ, позднее перекочевавшая в народный фольклор и в картотеку незримых социальных ячеек, из которых соткано любое общество. После отключения теплоснабжения в теплоцентралях и колодцах вольнопоселенцам предстоял переезд на летние квартиры. Их было тьмы и тьмы... Днем они расползались по свалкам и рынкам, окрестным перелескам и паркам, избегая центральных улиц.

Ночью же пристанищем для них служили шалаши из веток и полиэтилена, отдельные дома частного сектора, подвалы пятиэтажек, а также полузаброшенные квартиры, полученные ранее умершими родственниками. Вся эта братия являла собой живую иллюстрацию к пьесе Алексея Пешкова «На дне», которую изучали советские школьники.

Данная людская прослойка встречается во всех обществах, при любых режимах и во все времена. По разным причинам меняется только численность бездомных. Большинство людей стараются их не замечать, как часть интерьера обыденности, и меньше всего задумываются о причинах, заставивших их вести такой образ жизни.

Пожалуй, со времен Пешкова и Гиляровского никто всерьез больше и не касался заинтересованного бытоописания бродяг и нищих. В их произведениях раскрыты, кажется, все спектры и детали нелегкой участи этой прослойки общества при «жестоком» царском режиме, прослеживаются даже попытки авторов хотя бы примерно определить ее численность на тот период. Эти усилия оказались тщетны, ибо нельзя достоверно учесть слабо осязаемую и текучую сущность низов человеческого общежития. Численность их увеличивается и становится более заметной в дни или после каких-либо потрясений, войн, переворотов, голодоморов и эпидемий, да и то конечно же является очень относительной и не подлежащей точному учету.

Какие же пути ведут конкретную человеческую особь

в сообщество бомжей? Две главные магистрали выглядят вполне очевидно – это невозможность и нежелание карабкаться на поверхность водоема, где «плавает» вся относительно нормальная человеческая популяция. Поверхности отщепенцы предпочитают придонные слои, где приглушеннее свет, а единомышленники меньше обращают внимание на частности и условности, которыми перенасыщен социум. Да, там грязно и холодно, нет разносолов на столах, но почти отсутствуют рамки законов и турникеты норм поведения. Совсем недалеко от наших меньших братьев.

Большой процент данной биоты составляли люди, отбывшие срок в местах лишения свободы, где были крыша над головой и пусть небольшая, но пайка. Освободившись и столкнувшись с необходимостью самостоятельно добывать эту пайку и жилье, бывшие заключенные зачастую пополняли армию бродяг. К слову, город Артем был окружен тремя ИТК¹⁰, и многие их «выпускники» после выхода на волю оставались в городской черте. К этой же группе можно отнести и часть бывших детдомовцев, обманутых при распределении жилья или уже потерявших его по своей вине.

Затем идут лица с психологической установкой, что труд не делает из обезьяны человека, отрицая эволюционные процессы и Чарльза Дарвина с его учением. И не важно, где не работать – в госучреждении, у частного или «на себя», важно в принципе не работать и не жить по расписанию. Многие из них вышли из вполне внешне благополучных семей,

окончили вузы и техникумы, имели постоянную прописку и жилье с проживающими там родственниками. Но после ухода родных в мир иной или даже при их жизни эти квартиры и дома зачастую превращались в бомжатники и притоны.

К третьей группе можно отнести людей, которые по-настоящему попали в беду в силу различных жизненных обстоятельств, связанных либо со здоровьем, инвалидностью, либо с подлыми родственниками, которым вдруг такой спутник по жизни стал не нужен. Значительную их часть составляли пожилые мужчины, ведущие неравную борьбу с зеленым змием, которых жены попросту выставляли из дома, как надоевшее домашнее животное, по схеме «чемодан—вокзал-подвал». Многие были выдавлены из коммунальной квартиры подросшими детьми, которым стало тесно в когда-то общем семейном гнезде. Безусловно, бывали и другие примеры падения советских людей в эту бездну, но, кажется, основные мы охватили.

Оперативник Беляев ранним утром стоял на остановке в ожидании рейсового автобуса до места работы. В его непосредственные обязанности как раз и входила отработка этих доморощенных хиппи на причастность к различного рода преступлениям. А для этого необходимо было знать основные места обитания бомжей, хотя бы примерный количественный состав диаспор, наличие в той или другой ватаге наиболее одиозных из них, способных на подвиги. Это была непростая задача – с учетом их кочевого образа жизни и

постоянно меняющихся дислокаций. Состав преступлений, на которые обычно отработывались вольнопоселенцы, был незатейлив: примитивные кражи, как правило, из дач и частных домов, убийство или тяжкие телесные по пьяному делу, изредка каннибализм, очень редко грабеж. Они не применяли изощренных тактик или средств маскировки, при задержании вели себя неагрессивно и весь их инфантильный амебный образ существования был лишь продолжением простейших инстинктов любого млекопитающего. Нет еды – можно залезть в чужой дом или на дачу, летом проверить огороды, а если и там ничего – можно съесть и слабого члена стаи, когда он спит во хмелю. В плане половых отношений и при отсутствии авторитарного вожака превалировал поголовный промискуитет¹¹. Ничего нового, возвращение к истокам формирования homo erectus¹².

Но не о них думал Алексей в тот короткий промежуток времени, когда он еще не превратился в наработанный винтик розыскного механизма. В прошедшие выходные он погрузился в океан под названием «Лев Толстой» и пока находился под впечатлением от прочитанного. Он был слегка потрясен простотой и ясностью построения счастливого человеческого общежития. Непротивление злу насилием... Это открытие и воодушевляло, и одновременно пугало его, так как с малых лет схема создания общества, и тоже счастливого, под названием «коммунизм» была выстроена в головах советской молодежи и другие варианты были неприемлемы.

Беляев, как и миллионы советских детей, прошел все стадии обязательного школьного селекционирования – октябренок, пионер, комсомолец. В начальных классах был командиром «звездочки»¹³ октябрят, в старших классах – членом совета комсомольской дружины. В первые дни работы в ГО-ВД его «избрали-назначили» секретарем комсомольской организации. На первый взгляд он казался системе своим, но потом она его отторгала, как инородное тело, оказавшееся не в той социальной ячейке, срабатывал невидимый иммунитет бюрократической грибницы. Он же, находясь в ней, попросту не мог дышать в атмосфере тотальной фальши и пустышечных показателей псевдодеятельности. И потом работа в угрозыске требовала полной отдачи без отвлечений на разные «шалости» в виде заседаний, собраний и докладов ни о чем, на них попросту не было времени. Так что Беляев с облегчением «отторгался» на условиях полной взаимности, оставляя клерков в хороводе привычных им мнимых цифр, заседаний и оргвыводов.

Различия учений были в деталях. В коммунистическом случае насилие и диктатура необходимы, обязательны также жертвы к алтарю революции, а в случае Толстого насилие неприемлемо и заменено на любовь, любовь всеобъемлющую, масштаба вселенского. И в конце каждого из таких разных путей обязательно будет счастливое и справедливое общество! Две такие красивые сказочные мечты. Раньше была одна, а теперь две. И обе разрешены к преподаванию в шко-

ле. Где же истина?

В душе Алексея впервые за всю его недолгую жизнь забрезжило сомнение. Ведь не могут одновременно две мечты осуществиться. Право на существование может иметь только одна, и только одна может быть единственно верной. Советские люди не должны отвлекаться на полутона. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно!!!», – вспоминалась веселая прибаутка курсантов времен изучения основ истмата¹⁴ в стенах мореходного училища.

Возраст того явления, что газеты называли построением коммунизма, уже приближался к семидесяти юбилейным годам, и ведь уже заявлено было с высокой трибуны, что к восьмидесятому году он точно будет построен, но на дворе уже вторая половина восьмидесятых, стадия развитого социализма, а изобилия и соответствующего ему настроения у народа не просматривалось даже при сильном приближении. Должно же было прозвучать какое-то внятное разъяснение по этому поводу? Но нет, этого не случилось. Очевидно, что объяснить сей факт было нечем и некому. И уже одно это позволяло думать, что или лозунг был произнесен невменяемым руководителем страны, или с построением что-то не то. Возможно, кривой фундамент или корневая ошибка основоположников-ниспровергателей. Такие настроения понемногу овладевали массами, вновь уныло встающими в очередь за дефицитом.

«Итак, если буксует эксперимент с коммунизмом, значит,

нужно глубже изучить вариант, предлагаемый Львом Николаевичем. Но как это будет выглядеть в повседневной жизни?» – раздумывал Беляев, держась за поручень в автобусе. Его воображение рисовало идиллическую картину мирного сосуществования, где никто не отвечает насилием на зло. Прекратились войны, распущены по домам силовые структуры, все занимаются только сотворением добра и мирным созиданием. В то же время получается, что есть еще отдельные не перековавшиеся личности, творящие зло, значит, оно пока не истреблено полностью. Опять же о сроках окончательного искоренения ни слова, а хочется привычной конкретики, по этапам, пятилеткам... Не просматривается программы...

Не то что у коммунистов: сегодня ликвидация одного класса, завтра – экспроприация неправедно нажитого, тут же совсем близко формирование материально-технической базы, и вот уже не за горами виднеется этап изобилия, когда каждый сможет заниматься любимым делом без принуждения... или тунеядствовать. Только вот незадача – любимым делом большинства людей является как раз ничегонеделание и махровый патернализм. А кто же будет производить материальные блага? Человеческое стремление к удобству, комфорту, проще говоря – лень, и является двигателем прогресса, от изобретения колеса до автомобиля. Ведь с древнейших времен побудительным мотивом для каких-либо усилий людей является их потребность в чем-либо с целью выживания,

размножения и сохранения своего потомства, но с как можно меньшими трудозатратами. Люди под это просто-напросто заточены, впрочем, как и любое другое млекопитающее. Это и есть добровольно-принудительное побуждение к труду, сформированное миллионами лет развития человеческих обществ.

Но классики коммунизма и предшествующие им социалисты-утописты декларируют возникновение понятия «свободный труд во благо». То есть хочешь – работай, не хочешь – не работай. Хочется возразить – с людьми это так не работает, так дела не делаются! Ах, ну конечно же мы забыли про коммунистическую перековку. Под влиянием этих светлых идей и замаячившей на горизонте всеобщей «халявы» появятся новые сознательные, готовые работать за идею, невзирая на оплату, массы просветленных личностей. Эволюция человечества, продолжающаяся миллионы лет, вдруг совершит стремительный рывок и за несколько пятилеток родит нового сверхчеловека.

Молочная река с кисельными берегами... Сказка, ради которой стоило погубить и разорить миллионы людей, разрушить до основания тысячелетнее государство? Поистине благими намерениями выстлана дорога в ад.

Так и не придя в мыслях к чему-то определенному, Беляев переступил порог Отдела, который в этот утренний час перед планеркой был похож на оживленный муравейник или Дворец съездов в период сессий. Его путь как обычно лежал

в свой привычный кабинет под номером двадцать один. Он и подумать не мог, что разгадка «ребуса» с учениями, над которым он напряженно думал весь путь до работы, будет обнаружена им на своем рабочем месте.

Часть 2. Саблезубый клиент

Двадцать первый кабинет представлял собой компактное помещение два с половиной метра в ширину и четыре метра в длину. Этого пространства когда-то в седые времена хватало, чтобы отдельно стоящая в нем лошадь или конь чувствовали себя комфортно, справляя свои естественные потребности. Отголосок эпохи гужевого транспорта. Да-да, ранее здесь, в здании ГОВД, размещалась конюшня, и теперь ушедшие на небо, как и все живое, лошади радостно ржали и били копытами, наблюдая за сотрудниками Отдела, деловито снующими в их бывших пенатах.

Стены этого помещения были незамысловато выкрашены масляной краской неопределенного цвета и возраста на высоту человеческого роста, далее до потолка виднелись остатки побелки. В помещении имелось три тоже антикварного возраста стола, расположенных в виде буквы Т, во главе которой имелось единственное зарешеченное окно. Под ним виднелась чугунная батарея, как бы для отопления, давно превратившаяся в антураж. За столом около окна стоял стул Беляева. Алексей обычно сидел спиной к окну и лицом к входу. По левую руку от него, в совсем небольшом углу, находился стул для посетителей, большинство из которых составляли потерпевшие, свидетели и подозреваемые. В этом кабинете размещалась группа по борьбе с кражами из квар-

тир и вечно отсутствующий розыскник, ветеран японской кампании 1945 года Аркадий Михайлович Поздеев. Ее численность постоянно-периодически колебалась от двух до четырех человек, так как по мере взросления стажеров их у Беляева забирали и выделяли для обучения новых.

В кабинете Алексей, ожидая начала утренней планерки, сел за составление плана на предстоящий день, изредка заглядывая в журнал учета квартирных краж с указанием количества «светлых» и «темных» дел. Такой журнал он завел около года назад, дабы вычленив из общего учета уголовных дел те, за раскрытие которых отвечала его группа.

Пункты плана повторялись изо дня в день: опросить, допросить, вызвать по повестке, дать-получить-проверить информацию, установить контакт, проверить по месту жительства, проверить по информационному центру и паспортному столу, сесть в засаду, задержать-доставить, расколоть, сделать «отказной», исполнить отдельные поручения следователя, суточное дежурство, выезд на место происшествия, со вещание, стрельбы, физподготовка. Все распланированное сметалось со стола при появлении чего-то срочного, а все нерешенные задачи приходилось, во избежание тромбов в делах, наверстывать за счет личного времени, которое на-прочь отсутствовало.

– Алексей, там у нас на рынке грабеж, похоже, бомжи, они в дежурке, доставили пэпээсники, – зазвучал в телефонной трубке голос Полесова. – Бери их и занимайся.

– На планерку не иду? – спросил Беляев.

– Да, можешь не ходить.

– Понял, – ответил Алексей и направился к «дежурке».

– Где задержанные с рынка? – спросил Беляев у дежурного по ГОВД.

– Один в «холодной»¹⁵, а второй – вот, – ответил тот и кивнул на кряжистого мужика среднего роста, стоявшего неподалеку.

– Обыскали его?

– Пэпээсники вроде обыскивали, ничего при нем нет. Ну что, забираешь? – отвечал дежурный.

– Да, будет у меня в двадцать первом, – сказал Алексей, уводя задержанного.

В кабинете Беляев усадил его на стул рядом с собой. Теперь у него появилась возможность рассмотреть подозреваемого и набросать примерный психологический портрет. Это был не совсем бомжеватый бомж. Лет тридцати пяти, широкоплечий и сухощавый, чуть выше среднего роста, одет во вполне сносный, слегка помятый костюм, с двухдневной, едва заметной щетиной на лице. Его отличала та самая неброскость, которая присуща карманникам или привокзальным спецам по ручной клади. Имевшаяся при нем справка об освобождении говорила о трех судимостях общим сроком в одиннадцать лет, две – за грабеж и одна – за квартирную кражу. Опрашиваемый с самого начала выглядел странно, был напряжен и с неохотой отвечал на простые вопросы, словно

был с большого похмелья или под воздействием чего-то возбуждающего, но сопутствующих этому запахов Алексей не почувствовал. Скрытая агрессия явно просачивалась сквозь тонкие, плотно сжатые губы.

Ситуация была немудреной. В середине дня при свидетелях в районе городского рынка была ограблена женщина, у нее открыто была похищена сумка с деньгами. Подозреваемых задержали милиционеры ППС в зарослях кустарника вдоль речки. На грабителей стражам порядка указали случайные очевидцы произошедшего. Доказательств было достаточно, но для полноценного расследования преступления требовалось получить признание двух участников и выяснить, куда они дели награбленное. Заполнив шапку протокола опроса, Беляев повернулся к задержанному и предложил исповедаться в содеянном, прояснить, так сказать, детали. В Отделе также находилась потерпевшая в надежде, что похищенное имущество удастся быстро вернуть. Однако беседа с подозреваемым не складывалась.

– Давай рассказывай, куда девал сумку с деньгами? Всем уже все ясно, – обратился к нему Беляев после заполнения «шапки» документа.

– Не видел я никакой сумки, и вообще я там не был, – серые глаза с ненавистью впились в лицо Алексею, пытаюсь там разглядеть хотя бы маленький лучик надежды на выход из сложившейся ситуации.

– Где это «там» и когда тебя не было? Может, и на месте

задержания тебя не было? А может, и сейчас ты – это не ты? – с напором продолжал Беляев. – Сумку верни женщине, она не твоя, и спокойно иди в «хату».

– Я все сказал, добавить больше нечего, – упирался задержанный.

– Тебе нечего, а мне – есть что. Захотел опознания и очных ставок? Хочешь усложнить себе жизнь? – настойчиво гнул свою линию инспектор ОУР.

Грабитель демонстративно отвернулся к окну и замолчал.

– Каяться в содеянном, значит, не хотим? Если я правильно тебя понял. Хорошо, так и запишем. – Алексей тоже повернулся к задержанному левым боком и продолжил заполнять протокол опроса, боковым зрением, тем не менее, контролируя поведение подозреваемого.

Откровенно говоря, повисшая в небольшом кабинете ненависть была взаимной, и еще вопрос, у кого она была сильнее и у кого на нее было больше прав. Перед Алексеем сидело конкретное Зло, о котором пишут в книжках, и его вину усугубляла откровенная наглость, нежелание вернуть чужое и покаяться. Беляев не любил конфликтов и по возможности избегал их в обыденной жизни, но только не в тех случаях, когда чаша зла переполнена и выплескивается через край.

От нанесения негодяю телесных повреждений его удерживал только статус милиционера и отсутствие, по крайней мере, пока в действиях опрашиваемого угрозы жизни и здоро-

вью, но мысленно Алексей уже приготовился к схватке. Что греха таить, в глубине души он даже жаждал ее.

«Да, но как ты можешь желать этого? Ответить злом на зло. Таким образом ты его приумножишь. Ты же только вчера читал о непротивлении злу насилием и мысленно соглашался», – вдруг проснулся в Беляеве «толстовец».

«Что же мне, отпустить этого злодея? Так он опять станет грабить, и наверняка не единожды. Отпустив его, я также приумножу зло, и к тому же многократно», – воспротивился «инспектор здравого смысла».

«Послушай, хватит заморачиваться с этим уркой! Ты полностью выполнишь свои должностные обязанности, просто запротоколировав его показания на бумаге. Зачем тебе их нарушать и подвергать себя риску?» – вмешался в обмен мнениями третий собеседник, хитромудрый госслужащий.

Между этими тремя развернулась нешуточная дискуссия.

«Понимаешь, в мире, если угодно, во Вселенной, существует невидимый баланс добра и зла, и лично от тебя мало что зависит. Все равно ему воздастся, не в этой, так в другой жизни, в одной из параллельных Вселенных, так или иначе баланс будет соблюден», – пытался сгладить конфликт «толстовец».

«Да, но мы же тоже частички Вселенной, и значит, в нас тоже существует этот баланс, и вот он-то мне и сигналил о своем крене, и, похоже, мне предстоит его выровнять», – ответил здравомыслящий «инспектор добра».

«Тебе что, больше всех надо? Ну не расколешь ты его, не вернешь деньги и вещи потерпевшей женщине, что, небеса рухнут на Землю? Одной темнухой больше, одной меньше», – откуда-то из подвальных казематов души пробивался слабый голос перестраховщика-чиновника.

Таким образом двое – «толстовец» и «законопослушный госслужащий» – пели в унисон. Двое против одного. Беляев задумался.

«Ты не вправе быть судьей, ты же обычный человек, ты не вправе наказывать людей и решать, что хорошо, а что плохо», – продолжал сторонник непротивления злу.

«Но если по моей вине грабитель выйдет на городские просторы и совершит преступления, я окажусь той причиной, по которой они будут совершены. То есть я вместо того, чтобы предотвращать преступления и охранять людей, для чего и поставлен, буду невольно способствовать их совершению», – выстраивал логическую цепочку «инспектор здравого смысла».

«Совсем наоборот, – медовым голоском возражал благополучный чинуша, – ты выполнишь все свои обязанности, переложив его показания на бумагу и отдав материал в следствие. Понятно, что следователь не будет предпринимать сверхусилий, он возбудит уголовное дело, оформит все бумаги и положит на полку, где пылятся еще десятки таких же».

«А тем временем эти упыри пропьют похищенные деньги

и ценности, плачущая в коридоре женщина уйдет из Отдела ни с чем, а мне через некоторое время опять рысачить по притонам в поисках чего-то, хотя вроде и ничего не терял», – отметал инспектор-охранитель.

«А чего ты хочешь от людей? Благодарности? Не смейся... Тебе хоть раз за эти два года кто-то из потерпевших сказал хотя бы спасибо, когда ты ему возвращал похищенное имущество? В лучшем случае подумает, что это твоя работа», – гнусавил госслужащий.

Что грозило Алексею в случае, если он не расколется грабителя? Ну, «повиснет» еще одно нераскрытое преступление. Ну, опять на лице Полесова появится уныло-презрительная гримаса. Выговор никто не объявит, профессиональная репутация не пострадает... Что еще? В принципе, все! Но малодушному поведению мешало два обстоятельства. Первое и главное – это то, что потерпевшая женщина уйдет из Отдела ни с чем и в обществе станет одним молчаливым негативистом по отношению к милиции, а значит, и к нему лично, больше. А второе – то чувство превосходства над опером, с которым негодяй выпорхнет на свободу, очень царапало мужское самолюбие. Но если он хорошо сделает свою работу и изолирует негодяя, город станет на малую толику чище и безопаснее для людей, а для сыскарей останется чуть меньше работы. И поэтому он сделает все, чтобы «вынуть» из грабителя подробности совершения грабежа, роли соучастников и место хранения награбленного.

«Тебе что, за это премию дадут или Тельман спасибо скажет?» – писклявым фальцетом вновь обнаружил себя «чиновник».

«Прикрой пасть, – отшил его Беляев. – Решение принято, идем до конца».

Часть 3. Многомировая интерпретация Эверетта

Все свое недолгое сибирское детство Алексей был вратарем в дворовой футбольной команде и зачастую вытаскивал почти безнадежные мячи. Как будто кто-то невидимый оттачивал его реакцию для будущих схваток. Год в секции бокса и еще год занятий классической борьбой послужили хорошей основой для решения конфликтных ситуаций в школе. А почти пять лет учебы в мореходном училище и беспокойные увольнительные на просторах Владивостока усовершенствовали бойцовские навыки. Этому не могут научить в спортзалах, ведь на улице нет правил, жалости и рефери. И теперь этот боевой сплав никуда не делся, наоборот, беспокойные ежедневные будни в уголовном розыске отполировали уличные навыки и помогали принимать единственно верные решения.

В той прошлой гражданской жизни они с друзьями спорили, бьют ли в милиции и как вообще добиваются признательных показаний от закоренелых «уркаганов», прошедших и Крым и рым. На помощь приходили советские фильмы и книги, где человек с умным лицом, которого все называют следователем, допрашивал задержанного и задавал ему проникновенные вопросы, а тот, расчувствовавшись, сдавался, просил закурить, ронял скупую слезу и, раскаявшись, писал

чистосердечное признание.

В реальной жизни все оказалось несколько иначе. Без психологического и очень редко физического прессинга ни одно преступление не могло быть раскрыто. Самым важным признаком состоявшегося инспектора угрозыска было умение соблюсти невидимую грань, которая лежит между прямым давлением на преступника и законом. Все остальные рассуждения на эту тему – просто «розовые слюни» и чистоплюйство. Многие сотрудники, состоявшие в штате УР и числящиеся оперативниками, до самой пенсии так этим умением и не овладели. В той милиции, где пришлось оказаться Беляеву, работали разные люди, разные по темпераменту, воспитанию, образованию. Подавляющая их часть были вполне обычные люди, какие работали на любом предприятии, в чем-то даже порядочнее, чем на гражданке, но это и понятно, ведь служба обязывает. Из всего штата Отдела плотно контактировала с криминалом в лучшем случае половина, а непосредственно раскрытием уголовных преступлений занималась хорошо если десятая часть личного состава.

Но «в семье как известно не без уродов». С годами Беляев отмечал про себя, что в рукоприкладстве обычно бывали замечены молодые оперативники со стажем работы от года до трех либо бывшие армейцы. Чем тупее, тщеславнее и неопытнее был сотрудник, тем больше он был расположен к применению физического воздействия. Беляев никогда не

был сторонником жестких методов, но в то же время и не считал себя вправе читать морали о хороших манерах своим коллегам, если они кого-то кололи по изнасилованию или убийству. Позднее он стал замечать, что получает большее удовлетворение, если раскрывает преступление без превышения полномочий.

Еще одним важным обстоятельством в пользу ненасильственных методов являлось то, что, если силу применяли к опытному и неглупому преступнику, для него это становилось сигналом, что «доказухи» нет. И с каждым ударом и оплеухой он все больше укоренялся в этом мнении, приободрялся и даже успокаивался, говоря себе, что лучше потерпеть сейчас, чем потом «отъехать на командировку».

Кроме того, Алексей был абсолютно уверен, что, оказавшись на его месте любой среднестатистический советский гражданин, его по отношению к преступникам охватывали бы примерно такие же желания – предотвратить, наказать и изолировать злодея. Не поэтому ли так популярны во все времена детективные сюжеты и линии в книгах и фильмах, в основе которых всегда лежит вечная борьба Добра со Злом?

В коридоре Отдела стало заметно тише, большинство сотрудников собралось в Ленкомнате на утреннее совещание. Заполняя протокол опроса, Беляев интуитивно почувствовал незаметные изменения в поведении задержанного. Теперь он напряженно наблюдал за оперативником в профиль, а его рука, до этого державшаяся за спинку стула, перекаче-

вала в район правого кармана пиджака. Беляев повернулся лицом к грабителю, поставил ногу на перекладину стула и, глядя ему прямо в глаза, многообещающе выдал набор из дежурных фраз:

– Тебе последнее китайское предупреждение: или рассказываешь, или я тебя закрываю по 122-й статье УПК? Даю три минуты «на подумать», и идем в камеру.

Физики говорят, что течение времени и событий в нем сродни киноленте и вмонтированным в нее отдельным кадрам, которое имеет в нашей реальности только движение вперед. Загадкой до сегодняшнего времени остаются личность Оператора, стоящего за видеопроекцией, и заманчивая для человекoв возможность замедлить или отмотать эту ленту в отдельных случаях назад. Говорят, она замедляется, когда человеку грозит смертельная опасность и Оператор как бы дает возможность ему принять правильное решение для своего спасения... или не дает. Беляеву Оператор эту возможность предоставил.

Алексей, как в замедленной съемке, увидел летящего на него преступника, сжимающего в правой руке раскрытый нож. Нож был похож на консервный, только с необычно большим серповидным лезвием, длиной больше десяти сантиметров. Целями для удара явно намечались левая сторона тела или подбрюшье Алексея. Что-то похожее уже было где-то там, в далеком детстве на пыльном футбольном поле, когда начинающему вратарю Беляеву били по воротам одина-

дцатиметровый и малейшая заминка грозила голом и проигрышем матча. Сейчас же на кону была более высокая ставка – жизнь. И ментально, и физически он был готов к такому развитию событий, но не ожидал, что это случится так молниеносно. И он достойно встретил нападающего. Противников разделял лишь один метр кабинетного пространства, и оба очень торопились исполнить задуманное. Один хотел завалить инспектора и выпорхнуть из клетки, а второй – спасти свою жизнь и запереть зверя в вольер с такими же животными. Решение пришло мгновенно. Беляев встречным движением схватил злодея со спины за пиджак и натянул его на лицо, лишив обзора, затем с силой наклонил голову преступника вниз, после чего конкретно и с наслаждением насадил его переносицу себе на колено. Зверь обмяк и выронил несостоявшееся орудие убийства.

«Вот тебе и ответ на вопрос, бьют ли в милиции и в каких случаях», – подумал Алексей, мысленно матерясь на ППС, дежурного и себя самого. Он заново обыскал лежащее тело и надел на него наручники. Как тот смог утаить нож при задержании, осталось неизвестным. После того как подозреваемый оказался в камере, Беляев сел обдумывать произошедшее. Нечасто задержанные нападают на сотрудников в кабинете. И первое, что пришло в голову, – как бы развивались события в других параллельных реальностях, которые существуют согласно теории многомировой интерпретации Эверетта?

Это имя заняло в свое время достойное место рядом с Эйнштейном, Планком, Нильсом Бором и Гейзенбергом в развитии физики окружающей нас объективной реальности. Согласно этой теории, каждое наше действие рождает еще одну параллельную Вселенную, в которой существуют копии наших личностей, но с отличными от наших сценариями развития событий.

В одной из них, немного промедлив с отражением атаки, Беляев лежал на полу кабинета, держась за живот, в попытке собрать вываливающиеся внутренности, чувствуя, что теряет сознание. А преступник спокойно вышел из кабинета, смешался с толпой посетителей и покинул стены своей ловушки. Через несколько дней, отсидевшись и ограбив еще пару жертв, он уехал из опасного для него Артема и перебрался в Уссурийск, где наследил «по-мокрому» и занял наконец свое привычное место в колонии, но уже на особом режиме. Алексея чудом удалось спасти. В кабинет заглянул напарник и, увидев лежащего в луже крови Беляева, поднял тревогу. Месяц на больничной койке и еще месяц реабилитации позволили перечесть еще ряд произведений Толстого и аннотации к ним. В одной из них американец Джордж Кеннан рассказывает о своей беседе с Толстым, в ходе которой он задал вопрос, стал бы великий писатель граф Лев Николаевич убивать грабителя, готового загубить невинную жертву, если нет никакой другой возможности спасти жизнь. Толстой на это ответил: «Если бы я увидел в лесу медведя,

который собирается задрать крестьянина, я бы разможил ему голову топором, но я бы не убил человека, готового сделать то же самое». Таким образом, медведь, движимый голодом или защитой своей территории, заслуживает смерти, а сытый, наделенный разумом и свободой выбора человек вне своего жилища, движимый мотивами мести, неприязни или корысти, на взгляд Льва Николаевича, – нет. По логике великого непротивленца Беляев, получив ранение в живот, должен был подставить еще и щеку, которая оставалась целой по недосмотру преступника. После этого «рецепта» раненый Беляев перестал понимать великого непротивленца и тратить время на его умозаклучения, несовместимые с реальной жизнью.

В другой параллельной Вселенной в больнице оказался нападавший с закрытой черепно-мозговой травмой и сотрясением мозга. Беляев же регулярно посещал городскую прокуратуру. Против него возбудили уголовное дело о превышении должностных полномочий. Одновременно с этим он выходил на работу и ждал судебного заседания, на котором ему огласят приговор о наказании в виде лишения свободы сроком на три года (условно). Это произошло и вопреки заверениям Тельмана об оправдательном приговоре, и вопреки возмущению личного состава ГОВД. Народный советский суд, самый гуманный в мире, был неумолим. Беляев в соответствии с приговором был уволен из МВД по дискредитирующим основаниям, его группа по борьбе с квартирными

кражами была расформирована, остались нераскрытыми десятки преступлений, и, самое главное, печально знаменитая ОПГ «Третья смена» разрослась как никогда, чтобы встретить девяностые годы окрепшей и во всеоружии. А Беляев после увольнения из органов ушел в моря, доработал в должности старпома до пенсии и списался на берег.

«Вот и все, найден ответ на вопросы, которыми окружены люди сотни и тысячи лет», – думал Алексей, переваривая произошедший с ним знаковый случай. Ни у Лениных, ни у всех вместе Карлов Марксов с Энгельсами и прочими Ницшами, Толстыми, Достоевскими и иже с ними нет ответа на вопросы, которые ставит перед человеком жизнь. Бессмысленно искать в их творениях единый рецепт безмятежного существования в этом подлунном мире.

Но ведь люди рождены с чувством и необходимостью во что-то верить. Они не могут без этого. Так ребенок в младенчестве интуитивно верит, что мать защитит его от всех опасностей мира, затем, подрастая, так же верит отцу, если тот вменяем. Эти двое, отец и мать, и должны привести маленького человека к вере в то, во что действительно необходимо верить, в того, кто тебя создал, создал и твоих родителей, и родителей их родителей. Эта вера поведет его по жизни, станет как посох, на который можно опереться в трудные минуты. Но, когда у подросткового человека этой веры не обнаруживается, он начинает использовать эрзац вместо веры в Создателя, попадая в плен иллюзорных идей и заключений

великих глашатаев, по-своему описавших окружающую их действительность. И начинают, не ведая, нарушать одну из основных божьих заповедей: «Не сотвори себе кумира». Но, сотворив же его, начинают объединяться в «клубы по интересам» в виде различных религий, партий, сообществ и кланов. Затем поднимают знамена и символы новой религии, попутно допытываясь у непричастных, а почему те не хотят вступать в их стройные ряды и принимать их идеи, ведь все в этом учении логично и гармонично. Следование его постулатам гарантирует безбедную жизнь в планетарном масштабе и победу над еще оставшимися немногочисленными врагами. Получив отказ, приверженцы идеологии молчаливо или во всеуслышание начинают планомерно готовиться к войне, используя при этом все ресурсы: насмешки, завуалированную ложь, названную пропагандой, дискредитацию лидеров или всех противников чохом, провокации. Затем наступает период уже войны «горячей», где не считаются с жертвами, последствиями, а самое важное – нарушениями своих же идей и главного принципа «не убий», написанного на их же знаменах. По завершении войны, неважно, победив или проиграв, вновь создают мини-культы личностей полководцев, военачальников, погибших воинов за правое дело. Ставятobelisks и памятники, эксплуатируя врожденное человеческое чувство благодарности к погибшим и формируя у вновь народившихся наследственное чувство ненависти к носителям противоположных взглядов. Таким образом спираль челове-

ческого существования закручивается и существует в веках, имитируя одновременно смысл существования всего подвида млекопитающих, называющих сами себя людьми.

Дневник
советского детектива

ДЕВЧАТА

Девчата

Одному тебе я верю, Шерлок Холмс,
Отыщи мою приметку, Шерлок Холмс.
«Шерлок Холмс». Лайма Вайкуле

Пенсионер Беляев закончил окончательную правку очередного рассказа и, перевернув этим страницу воспоминаний, с удовлетворением закрыл крышку ноутбука. Задумался и мысленно приступил к ревизии коллекции фактов относительно недолгой, но сверхнасыщенной событиями оперативной службы. Она, эта пока невидимая библиотека, отпечаталась где-то там, на полках подсознания, и явственно проступала сквозь пелену прошедших десятилетий. Может быть, она опустела и поведать больше не о чем? Но нет, не угасшая пока свеча памяти осветила переполненные стеллажи событий, словно знаки провидения, выставшие этот двенадцатилетний путь назад в прошлое. Просто шикарный набор для начинающего графомана. Какой же из них выбрать для литературной препарации? Ну, конечно, этой участи вполне заслуживает знаковый случай, происшедший с московской музыкальной группой «Девчата». Определившись с выбором, детектив вновь прикоснулся к клавиатуре.

Часть 1. Вояж до примерной

Как-то одним погожим летним днем 1984 года в славном городе Артеме чудесным образом методом почкования размножились и запестрели в местах массового скопления людей яркие афиши. На них артемовцы могли лицезреть группу жизнерадостных девушек, вооруженных разнокалиберными гитарами, тромбонами и барабанами. Афиши вещали о приезде очередной столичной знаменитости в лице вокально-инструментального ансамбля «Девчата». Это был первый в стране профессиональный, сугубо женский эстрадный музыкальный коллектив.

Сорганизовавшись в 1971 году, ансамбль существовал уже более десяти лет, составы его менялись, но стиль и марка сохранялись. В активе группы были и выступления на центральном телевидении, и издание собственных альбомов, их легко узнавали и охотно приглашали на гастроли. Началось и середина восьмидесятых прошли для «Девчат» под знаком многочисленных турне по нашей необъятной державе и даже за рубежом. Их исполнительская повестка не отличалась особым классицизмом и разнообразием, но простой образ поющей девчонки из народа в стране с преобладающим женским населением был просто обречен на успех. Удачно зарекомендовавший себя типаж послужил прототипом для появления уже в девяностые таких известных музыкальных

групп, как «ВИА Гра» и «Блестящие».

Только что отгремели аншлаговые концерты «Девчат» во Владивостоке, следующим в списке был Артем, после него значились Уссурийск, Хабаровск, Благовещенск, Биробиджан и другие города – одним словом, весь Дальний Восток.

Его огромная, большей частью не заселенная и не освоенная людьми территория была одной сплошной пограничной зоной с особым пропускным режимом. Страна, пытается прятать свои военные секреты от многочисленных зарубежных недругов, щедро воздвигала барьеры на внутренних путях передвижения своих собственных жителей. Каждый гражданин СССР, въезжающий на эту контрольно-следовую территорию, должен был иметь в паспорте заветный штамп «ЗП¹⁶», нанесенный чернилами на последней странице. Эти схемы работали по методам тридцатых-пятидесятых годов и были таким же анахронизмом тех беспокойных времен, как и конная тяга в эпоху «Жигулей» и «Москвичей».

Над убеленными сединой головами военных аппаратчиков уже всюду летали разнообразные спутники обеих враждующих сторон. Они давным-давно сфотографировали и сами секреты, и даже номера автомобилей, перевозивших тела видных государственных мужей, но погранзоны стояли незыблемыми крепостями.

Холодная война, шпиономания... и редуты абсурда. Страна, словно гигантский страус, прятала голову в песок, оставляя снаружи всю остальную часть тела и веря, что спряталась

целиком.

– Артем, Артем, а что это за город такой? Владивосток теперь знаю... Еще вроде Хабаровск есть какой-то в этих краях, – оживленно щебетали в служебном «Икарусе» московские гости.

– Ты что, с ума сошла? Хабаровск – это еще тысяча километров на север. Географию надо учить! – поправила вокалистка Ольга.

– Девочки, не ссорьтесь, – призвал к порядку руководитель коллектива Олег. – Артем – это шахтерский город, население больше ста тысяч человек. Вот, у меня в руках путеводитель.

– Там хоть гостиница-то приличная есть, в этом шахтерском городишке? Наверное, пыль везде от этих шахт? – понесли шепотки по рядам сидений автобуса.

Еще по прибытии во Владивосток, а для всех это был первый в жизни визит за Урал, москвичи неожиданно осознали, что за МКАДом тоже есть жизнь. Они попали в европейский цивилизованный город, да еще и со своеобразным тихоокеанским шармом, присущим приморской столице. Более того, жизнь в нем ни в чем не уступала по качеству московской, а в чем-то даже имела свои преимущества. И, конечно, одним из таких было море и все, что с ним связано.

Между тем автобус продолжал движение мимо живописных сопок в сторону Артема, постепенно избавляясь от туманной пасмурности приморской столицы. Выглянуло солн-

це и как будто открыло занавеску на плотно закрытом окне, окружающий пейзаж заиграл новыми красками.

Проехав Угловое, автобус с музыкантами, как по волшебству, попал в другой мир, более характерный для континентального климата. Море в виде полосы Амурского залива давно осталось позади слева. Далее, почти не сворачивая, дорога вела в Артем.

Этому городу судьба уготовила быть всегда в тени Владивостока, визитной карточки Приморья. Время неумолимо в недалекой перспективе сольет эти города в одну агломерацию, а пока существовали два отдельных населенных пункта, каждый со своими неповторимыми чертами.

Странно, что Артем всегда именовали сугубо шахтерским городом, а ведь с таким же успехом его можно было бы назвать городом авиаторов, энергетиков, агропроизводителей, трикотажников, ковроткачей, производителей пианино и изделий из фарфора.

В его пользу в сравнении с краевой столицей говорили более сухой климат и ровный ландшафт, транзитное положение на карте и менее загруженные транспортные магистрали. Этот скромняга-город выполнял функции воздушных ворот Приморья, и местный аэропорт логичнее было бы назвать Артемом или Кневичами, по месту его прямого нахождения.

Тем временем автобус с «Девчатами» уже подъезжал к центру Артема, там их ждало будущее место выступлений и очередное открытие – настоящий храм культуры и досу-

га для артемовцев и гостей города. Это архитектурное чудо было спроектировано и возведено в пятидесятые годы в стиле сталинского ампира. Монументальные колонны, встречавшие зрителей, символизировали мощь и величие замысла строителей дворца. Внутри же посетители могли созерцать скульптурные группы, высокие своды и шикарную отделку многочисленных помещений, больших и малых, вмещавших в себя разнообразные секции и кружки по интересам. Все это на официальном языке носило название «Дом культуры угольщиков», или в народе попросту «Дворец». Его главный зал служил официальной площадкой для совещаний, праздничных награждений и концертных выступлений. Громадная территория перед дворцом была грамотно зонирована пешеходными дорожками и шикарными цветочными клумбами.

В непосредственной близости от Дома культуры, в шаговой доступности, расположилась гостиница «Светлана», служившая гостеприимным домом для коллективов различной развлекательной направленности. Туда и поселили московских гостей.

Проехав через добрую половину города, они так и не встретили ни одной пыльной шахты и гуляющих медведей с тиграми в обнимку, чему были несказанно рады, а потому с легким сердцем разместились в гостиничных номерах. На протяжении пяти дней им предстояло дать несколько концертов в Артеме и прилегающих к городу поселках, билеты

на которые были распроданы заранее.

Под вечер, разместившись в номерах и отдохнув, музыканты начали проверку и настройку инструментов с элементами репетиции уже непосредственно во Дворце. Гримерная быстро заполнилась артистками и их помощницами. Сумочки и повседневную одежду коллективу пришлось оставить здесь же, в шкафах и на столах.

Приближалось начало действия. На площади перед Домом культуры было многолюдно, артемовцы хотели поскорей лицезреть знаменитостей, которых ранее видели только по телевизору.

И вот наконец большой зал Дворца заполнился зрителями и на сцену вышли во всеоружии «Девчата». Зазвучали первые аккорды. Опустели холл и подсобные помещения, в том числе и гримерная, окна которой выходили во внутренний двор. Начало выступления под громкие выкрики и бурные рукоплескания говорило о том, что группа не зря проделала столь долгий путь.

После окончания первого отделения на улице заметно потемнело и солнце приготовилось скрыться за горизонтом. Зрители разошлись по буфетам. Оживленные музыканты заполнили гримерную, кто-то закурил, приоткрыв окно, кто-то решил выпить чашку чая. Все были довольны приемом.

Пятнадцать минут антракта пролетели незаметно, и вновь артистки около зеркал гримерной обновляют увядший макияж.

– Девушки, закрываем окна – и на сцену, – скомандовал администратор. Все потянулись на выход.

– У меня не получается! – барабанщица Лолита тщетно пыталась привести в чувство шпингалет, покрытый толстым многолетним слоем масляной краски.

– Все, девочки, время, время, время, на выход идем. Оставьте в покое уже этот шпингалет, никто сюда не залезет. Да и что такого ценного здесь брать? – торопил администратор Сергей. – И потом город здесь тихий, небольшой, люди все приветливые, и с преступностью здесь, думаю, тоже все нормально.

Слово «нормально» в могучем русском языке имеет несколько смыслов и двоякое значение. Его слова оказались пророческими, однако со знаком минус, и, казалось, были услышаны всевидящим Провидением, дабы наказать московских гастролеров за беспечную неосмотрительность.

И вот окончен концерт, довольные, медленно выходящие зрители заполнили фойе и прилегающую к нему площадь. Музыканты тоже потянулись к месту своего пребывания в предвкушении традиционного в таких случаях небольшого банкета.

– Девушки, не забывайте свои вещи! – по привычке напоминал администратор.

Гридерная опустела так же быстро, как и наполнилась, лишь две озабоченные фигуры никак не могли ее покинуть.

– Лолита, ну что ты копаешься? Пойдем на выход, так хо-

чется отдохнуть, – звала свою приятельницу бас-гитаристка Надежда.

– Подожди минутку... Я ничего не пойму. Моя сумка лежала здесь на окне, а теперь ее нет, может, кто-то переложил, – барабанщица была не на шутку озадачена.

– Да ее наши забрали в гостиницу, – предположила Надежда. – Пойдем. Что у тебя там было ценного?

– Да ничего, обыкновенный набор косметики, кофточка, ключи от номера, немного денег, – отвечала Лолита, умолчав о самом главном. В сумочке находился гражданский паспорт, и вот это ее тревожило больше всего. Ведь его отсутствие означало срыв гастролей всей группы и возвращение в Москву. Она еще лелеяла надежду на то, что оставила паспорт в гостинице или сумку забрал администратор. Такое раньше случалось.

В дверях с ведром и тряпкой, многозначительно глядя на девушек, стояла уборщица, на ее лице был ярко выражен эпохальный большевистский слоган: «Караул устал».

Пора было освободить помещение.

– Ладно, пойдем, может Олег забрал сумку, – сказала Лолита.

«Девчата» вышли и направились в гостиницу. Гримерка опустела.

Вскоре артистки собрались в номере руководителя группы и с чувством выполненного долга подняли бокалы за прибытие в сей милый населенный пункт и успешный старт кон-

цертной серии. На оживленных лицах отчетливо читалось удовлетворение от проделанной работы. Лишь одно лицо выглядело поблекшим и уставшим одновременно – лицо барабанщицы Лолиты, и чем дольше продолжалось веселье, тем более заметным становился этот диссонанс.

– Лолита, что случилось? Ты в порядке? – спросил Олег, подойдя ближе. – Ты не заболела, случаем? Нам болеть нельзя, у нас гастрольный тур, и все мы в обойме.

Все музыканты знали, с каким трудом ему стоило добиться этих гастролей в Союзконцерте, и их срыв мог негативно сказаться на будущем коллектива. Болезнь и выход из строя даже одного члена ансамбля означали срыв всего тура, а этого допустить было нельзя ни в каком случае.

– Олег, у меня из гримерной пропала сумка, – Лолита наконец-то созрела для явки с повинной.

Над позитивным образом приветливого Артема явно нависли темные тучи. Оказывается, и в таких небольших приморских городках воровство имеет место быть.

– Это плохо, – согласился руководитель в ожидании дальнейшего потока ценной информации. – И-и-и?.. Я что, должен из тебя по капле все выдавливать? Пропала сумка, печально, но это же не конец света.

– Олег, там был паспорт, он пропал вместе с сумкой, – произнесла Лолита самое страшное. Да, конечно, там еще была легкая кофточка, набор косметики, двадцать семь рублей, но по сравнению с паспортом все это не представляло

никакой ценности. И это слышали все участники так весело начавшегося банкета. В номере воцарилась тишина. Каждый перебаривал услышанное и его последствия для себя лично.

Банкет плавно перешел в производственное совещание с извечными русскими вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?». С первым была полная ясность, паспорта должны были храниться у руководителя, и Лолите, конечно, не следовало его так небрежно оставлять у себя. То есть виноваты двое и еще кто-то третий, неустановленный «мистер X», посмевшийся покуситься на ручную кладь невезучей барабанщицы.

Оставалось найти ответ на второй вопрос, и здесь ситуация была почти безвыходной. Все упиралось в нехватку времени для решения вопроса с паспортом. Общий мозговой штурм ничего не дал, а всего лишь подтвердил печальную данность. Находящиеся в разгаре гастрولي грозили сорваться в стремительный штопор с аварийным приземлением где-то в Московской области.

В ходе бурных прений с размахиванием рук, закатыванием глаз и поиском всевозможных вариантов коллективный музыкальный разум пришел к единственному выходу, и имя ему было «Милиция».

Диапазон мнений по этому варианту простирался от популярного у народонаселения «Они ничего не найдут» до безнадежного «...а другого выхода у нас нет». И, откровенно говоря, у таких умонастроений имелась твердая логическая основа. Найти в условном артемовском криминальном стогу

сена иголку и притом сделать это в такие сжатые сроки было практически нереально.

Но как утопающий хватается за соломинку и как матерый атеист начинает молиться всем богам в критических обстоятельствах, так и наши музыканты, выделив из своих рядов наиболее представительных и серьезных членов коллектива, сформировали делегацию для подачи заявления в ГОВД. В нее же включили и безутешную Лолиту с опухшим от слез лицом.

– Пусть нам повезет! – воскликнул руководитель Олег и в начале следующего дня повел процессию прямым курсом к общеизвестному адресу.

Стояло солнечное приморское утро, и в спину шедшим заявителям дул слабый теплый попутный ветерок, обещающая удачу и успокаивая одновременно.

Часть 2. Директива для детектива

Этим же солнечным утром примерно в то же время в том же направлении и к тому же адресу шел детектив Беляев. Направлялся он к своему месту работы, и маршрут этот с небольшими вариациями неизменно повторялся вот уже пятый год подряд.

На работе его, как и весь личный состав Отдела уголовно-розыска, ждало тоже одно циклически постоянное занятие – искать. Искать то, что теряют другие люди, а теряют они все, что способно к перемещению в наблюдаемом пространстве, а именно: родственников и друзей, предметы одежды и ручную кладь, предметы быта и домашнего обихода, золотые и не очень украшения, драгоценные камни и деньги, средства передвижения и домашних животных, документы и книги. А кроме того, в отдельных пикантных случаях такой неосязаемый субстрат человеческого «Я», как совесть.

«Вроде ничего не терял, а все чего-то ищу и ищу». Эта немудреная профессиональная поговорка сопровождала служебные потуги сыщиков до самого ухода на гражданку или в другие службы.

В этот теплый и солнечный день детективу Беляеву предстояло очередное дежурство по городу. Лето – время отпусков, и кривая графика суточных дежурств для оставшихся оперов все больше напоминала кардиограмму загнанно-

го марафонца. А ведь, кроме суток, никто не отменял работу по нераскрытым делам и текущим материалам. Впрочем, это уже «лирика», никому не нужная и не понятная, кроме конкретного оперативника, начальника УР и потерпевших граждан, у которых случилась некая проблема.

В фойе ГУВД, несмотря на раннее утро, было многолюдно, и в облике заполнявших его граждан было нечто, неуловимо отличавшее их от местных аборигенов. Какие-то детали одежды, манеры держаться, говор... Все это отметил про себя Беляев, переступая порог Отдела. Часть этого столичного «бомонда» можно было заметить и на крыльце, люди курили, переговаривались и явно кого-то ждали...

– Алексей, ты куда? – дежурный встречал старшего опера на входе в режиме «Перехват».

– Как это куда? На планерку.

– Планерка для тебя отменяется, я уже переговорил с Полесовым. Ты же сегодня дежурный от розыска.

– Ну да, я, предусмотрительный ты наш... Директиву Тельмана понял и принял, проникся, доверие оправдаю. Дай мне хоть в кабинет зайти, бумаги взять.

Но дежурный Муринов был неумолим, ему требовалось разрядить обстановку и освободить переполненное фойе от многоликого и непредсказуемого иногороднего заявителя:

– Вот тебе бумаги, и вот тебе заявители, разбирайся с ними хоть в кабинете, хоть здесь.

– Так, тогда давай поподробней, что случилось и кто из

них заявитель? – спросил Беляев.

– Все, – интригуяще отвечал Муринов, округлив глаза. – Это москвичи, ну... ансамбль такой, «Девчата» называется, во Дворце дают концерты, видел, наверное?

– Так, мимоходом, а вообще по телевизору, только в «Утренней почте».

– Украли у них сумку во время концерта, там деньги, личные вещи и документы. Тельман сказал заниматься этим дежурному оперу, то есть тебе, с чем тебя и поздравляю, – режюмировал дежурный.

– Спасибо за оказанное доверие, будем выполнять ценное указание, – в тон отвечал Беляев. – Заяву-то у них уже принял?

– Нет, иди сам с ними все решай, будут они писать или нет, – произнес долгоживущий на этом свете, многоопытный, вечно дежурный Муринов с явным облегчением, почувствовав, как с его облаченных в красивые погоны плеч мешок ответственности с негабаритным столичным грузом изящно переправился на спину одетого в штатское детектива Беляева.

«Как же ты становишься популярен, когда с людьми случаются всякие нехорошие ситуации, и как быстро – ненужным мавром после их окончания», – подумал Алексей и направился к жаждающим разрешения очередного ребуса москвичам.

– Граждане потерпевшие! – с Жегловской тональностью

в голосе обратился он к толпе заявителей. – Попрошу всех выйти на крыльцо, там мы с вами будем определять порядок дальнейших действий.

Это было разумно, ибо в небольшом фойе получение каких-либо вразумительных объяснений от страждущих не представлялось возможным. Беляев нырнул в вокально-инструментальную толпу и, вынырнув с противоположной стороны, сделал характерный ильичевский указующий жест в нужном направлении, которое непременно приведет всех обиженных и угнетенных к счастью, а в данном же тактическом случае – к поимке злоумышленников и обнаружению похищенного. Повинуясь воле ведущего, музыкальный коллектив организованно переместился на крыльцо и взял инспектора в кольцо в ожидании дальнейших информации. Судя по выражению устремленных на него десятка пар глаз, Алексей вдруг явственно ощутил зарождающийся в районе теменной части своей головы нимб и свечение.

– Товарищи! Для проведения оперативно-следственных действий вам необходимо переместиться в обратном направлении, то есть по месту совершения предполагаемого преступления, в район гостиницы. Там вы будете опрошены для выяснения всех обстоятельств, способствующих быстрейшему поиску пропавшего имущества, – духоподъемно произнес витиеватую речь Беляев, дабы пресечь тщетные помыслы заявителей пойти к начальнику УВД, позвонить в Москву, ООН, краевое управление и прочие шалости, не ко времени

рождающиеся в головах потерпевших. Сам же, вернувшись в дежурку, задал Муринову риторический вопрос о машине, эксперте и следователе.

– Алексей, ты же знаешь, следователь сейчас на планерке вместе с экспертом, а машина еще не вернулась из Артем ГРЭСа. Будешь ее ждать? – парировал несвоевременный запрос детектива информированный телефонист.

«И действительно, чего это я? Все, как всегда, заняты великими делами, совещаниями, отчетами, а раскрывать резонансный «глухарь» некому и некогда», – инспектор ОУР как обычно «был зол и хмур».

Суточное дежурство начиналось с «темного» преступления, и это была плохая примета. Неизвестно еще, сколько посыплется в ближайшие часы, и дабы не создавать ненужной суматохи и очереди, Беляев решил не ждать бесполезную следственно-оперативную группу и действовать в одиночку. Впереди, как обычно замаячил системный парадокс, предстояло пение как бы хоровой партии, но в сольном исполнении. Хоровой она как по мановению волшебной палочки становилась в том случае, если сыщик раскроет этот ребус. Вот тогда чья-то невидимая рука впишет в текущие учеты и отчеты «соавторов» раскрытия, и членов СОГ, и дежурного, и кого-нибудь из руководителей. Как это для чего? Для статистики...

Невзирая на этот подлый расклад, детективу предстояло превратить его в оптимистичный и обнадеживающий для

столичных гостей, ведь задета репутация города. Правда, пока было неясно, как он это сделает, но первые несколько стандартных действий должны были подсказать дальнейший план.

И вновь, как обычно, новое четырехэтажное здание УВД опять осталось за покачивающейся спиной детектива, а ноги, как метроном, снова отсчитывали шагометры, превращая их в километры за сутки. Курс был взят на гостиницу, где его с надеждой ждали члены вокально-инструментального ансамбля. И пока он шел, в его голову лезли несвоевременные и крамольные мысли.

Переезд в новое здание безусловно стал грандиозным положительным событием для всего личного состава. Непонятным оставалось два основных момента. Как ранее чуть несколько больше сотни сотрудников размещались в прежнем здании и как стало возможным настолько быстрое, почти мгновенное, заполнение нового? Ведь размеры новостроя навскидку как минимум в четыре раза превышали старое!!!

По логике в здании должно было быть малоллюдно и просторно, но этого не случилось...

Потому как в связи с «безмятежной» криминальной обстановкой Артемовский ГОВД увеличили до УВД, добавили штатных единиц, и сразу после переезда в новое здание прежние полторы сотни личного состава превратились в триста человек. И вот здание уже вновь переполнено, особенно

в утренние часы, сотрудниками, перемещающимися между кабинетами и этажами. Чем же занимались новоприбывшие вкуче со старослужащими?

Если читатель вдруг подумает, что после получения сообщения о громком происшествии с московскими гастролерами неожиданно зазвучали сирены, замигали проблесковые маячки и заработал некий скрытый механизм по его раскрытию, то он ошибется. Никому из этого раздутого штата, кроме одиноко шагающего оперативника с папкой в руках, ровным счетом не было никакого дела до случившегося.

Чем же занимались эти теперь уже сотни сотрудников, спросит читатель, и какой процент из них имел прямое отношение к раскрытию уголовных преступлений?

Если кратко определить род занятий доброй половины личного состава, то он будет схож с фабрикой по производству снега, расфасовке его по столам и ящикам, последующей уборкой, складированием и архивированием. В конце конвейера этого немудреного производства сходили изделия в виде всевозможных законченных дел, постановлений, отписок, разнокалиберных протоколов, актов. Снежная метель из справок и документов, бумажный документооборот.

Все, что угодно, кроме «живой» работы по борьбе с преступностью.

Тотемными маяками бумагоделателям служили несколько псевдокритериев деловой активности, как правило, это сроки по делам, заявлениям, пресловутый процент рас-

крываемости, доставляемости и выявляемости. Привлекательную весомость и значимость деятельности сотрудников «снежной фабрики» придавали нормированный рабочий день, всевозможные льготы, большие отпуска и ранний выход на пенсию. Безусловными чемпионами по «ничегонеделанию» в этом театре абсурда были должности начальника штаба, замполита и замначальника УВД по хозяйственной части.

Впрочем, ничего нового в подобной постановке дела читатель бы не обнаружил. Такая картина характерна для любого учреждения Всемирной бюрократической империи всех времен и народов.

Примерно вдвое был расширен и штат ОУР, двадцать штатных единиц превратились в сорок, но КПД подразделения от этого увеличился ненамного. Сказывались необходимость обучения новичков, многолетняя лукавая бездеятельность отдельных инспекторов и неумение организовать ежедневную повестку рабочего дня прикомандированных краевых сотрудников.

Основные показатели по раскрытию, как всегда, выдавали пять-семь рабочих лошадок, в число которых входил и Беляев.

Вот с такими невеселыми умозаключениями инспектор ОУР прибыл к месту проведения первоначальных оперативно-разыскных мероприятий, главным пунктом в которых значился конечно же опрос потерпевших, свидетелей и оче-

видцев.

Не раз Алексею приходилось ловить себя на мысли, что его нынешняя деятельность удивительно похожа на прежнюю, штурманскую, где основная обязанность – определение текущих координат судна и оптимальная прокладка курса к месту назначения, что на языке навигаторов звучит как «взять точку». Для этого испокон веков существовало много способов и навигационных инструментов, пока их всех не заслонил вездесущий GPS.

Среди судоводителей можно было услышать такой анекдот:

«На экзамене преподаватель спрашивает у курсанта:

– Назовите самый надежный способ определения координат судна.

Тот начинает перечислять:

– По РЛС, по пеленгу и расстоянию.

– Нет, – отвечает преподаватель.

– По двум-трем пеленгам береговых ориентиров?

– Нет.

– По солнцу или звездам?

– Опять мимо.

– По радиомаякам?

– И снова нет, идите учите предмет.

– Сдаюсь, – говорит курсант, – больше не знаю.

– Самый лучший способ взятия точки это у нас что?

Опрос местного населения! – завершая экзекуцию, выдал ве-

сельчак».

Под этим подразумевалось, что, исчерпав все способы определения местонахождения в море, судно-таки ткнулось носом в незнакомый берег и членам команды ничего не остается, как производить опрос аборигенов.

Примерно тем же самым занимался и детектив Беляев. Осмотрев гримерную и прилегающую к ее окну территорию, опросив потерпевшую барабанщицу Лолиту, отдельных членов музыкального коллектива, его руководителя и пару сотрудников Дворца, Алексею стало ясно, что, по большому счету, не ясно ничего.

Окна, двери гримерной и запирающие их устройства были целы, без признаков взлома. Таким образом вырисовывался способ кражи – путем свободного доступа. Такое случается обычно с людьми ветреными, рассеянными, увлеченными чем-то.

Версий просматривалось всего две. Первая и главная – это кража, совершенная неустановленным лицом в момент отсутствия потерпевшей через незакрытое на шпингалет окно. И второстепенная версия – заявленная пропажа есть результат внутренних неприязненных отношений между членами ансамбля.

Таким образом «диагноз больного» был определен, предстояло подобрать методику и пути лечения хвори. Их было всего два – терапия или хирургия.

На хирургию времени почти не оставалось, поэтому Алек-

сею предстояло на время превратиться в мануального терапевта и сделать это в кратчайшие сроки, ибо до окончания гастролей «Девчат» в Артеме оставалось три дня.

Часть 3. Метод акупунктуры

Прибыв обратно в Отдел, Беляев в очередной раз отметил, что приметы, особенно самые мрачные, обычно сбываются чаще, чем позитивные. Уже на входе, в фойе, его встретила парочка нетерпеливых заявителей, у одного из которых угнали мотоцикл, а второго, моряка, только вернувшегося из рейса, ограбили после посещения ресторана, и, похоже, без «Третьей смены» здесь опять не обошлось. Покоритель морей и океанов лишился дипломата с лежащими в нем документами и приличной суммой в чеках Внешторгбанка. Экспроприации подверглись также часы и золотое кольцо-печатка. В довершение всего мореплаватель был избит, но в травмпункт обращаться не стал. Также Беляеву предстояло съездить в приемный покой городской больницы для опроса вновь поступившего мужчины с черепно-мозговой травмой. Врачам он заявил, что в парке его избили неизвестные.

Как и у любого оперативника, работающего «на земле», понятие «обеденный перерыв» для Беляева давно превратилось в нечто эфемерное, с нечеткими границами, плавно переходящее в ужин. На выручку детективу в очередной раз пришли пакет молока и сдобная булка, отправленные в желудок почти на ходу. Крутясь в этом событийном хороводе в течение дня, Алексей одновременно проигрывал в голове примерные варианты и пути поиска пропавших документов

безутешной барабанщицы. Ему предстояло в лучших традициях аюрведы определить болевые точки на криминальном теле города, воздействовать на них точно и добиться если не полного излечения пациента, то хотя бы обезболивания. Для этого у него оставались вечер, ночь и раннее утро.

И вот наступил темный теплый августовский вечер. В голове Беляева, в мозговой невидимой картотеке, как-то само собой наметилось несколько адресов с криминальным элементом, которые он решил посетить, и, покопавшись в оперативных учетах, добавил к ним еще несколько. Образовавшееся количество поделил на две неравные части, большую из которых мог посетить в любое время суток, а меньшую – максимум до двадцати трех часов. Часть обитателей этих жилищ находилась под административным надзором, часть – состояла на учете как притоны, в других – просто проживали несудимые лица, склонные и проходившие ранее по различным делам в качестве подозреваемых.

Алексей набросал тезисы для воззвания к подучетному элементу, в котором было все: и «кирдык вам всем, если не подбросите документы», и призыв к благородным чувствам, мол, зачем позорить город перед всем Союзом, и успокоительное в виде «ничего никому не нужно, кроме документов». Несмотря на этот набор словесной артиллерии, твердой гарантии успеха никто дать не мог. Судьба успешного продолжения гастролей московских гостей по-прежнему была в руках Провидения, и детектив Беляев был лишь орудием в

его руках.

Итак, неполный пока итог дежурных суток выглядел следующим образом: кража мотоцикла из гаража и «гоп-стоп» морячка попадали в разряд «темных», а по гражданину, поступившему в больницу с проломленным черепом, какая-никакая ясность все же наступила. Беляеву удалось-таки вывести потерпевшего на откровенность, которая показала заурядную картину с распитием горячительных напитков (типа водки) с приятелями и последующим выяснением отношений с применением подручных средств (типа арматуры), ибо дело было на строительной площадке очередного долгостроя.

В пассиве же оставалась история с московскими гастролерами, которой детектив решил посвятить образовавшееся окошко между выездами, благо освободилась дежурная автомашина, поступившая в его полное распоряжение. Алексею предстояло посетить пять адресов и в каждом провести разведывательно-профилактические беседы на предмет обнаружения следов преступных умыслов.

Непонятно, что еще «подкинет» наступающая ночь, кроме и так уже завышенной планки нераскрытых преступлений.

«Как стемнеет, будем брать» – эта заезженная фраза из глубин сознания почему-то не отпускала сядящегося в дежурный УАЗ инспектора Беляева. Закончилась дневная полуголодная гонка, началась – ночная поисковая. В желудке

у детектива незримо переваривался ужин из стакана чая и некоторого количества углеводов.

Вот и первый адрес, он выбран Алексеем ввиду его непосредственной близости ко Дворцу. Там, в обычной нормальной советской семье, обретался не совсем нормальный молодой человек. Он несколько раз проходил подозреваемым по разнокалиберным преступлениям от рывков шапок до квартирных краж в компании таких же приятелей. Ранее состоял на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, но от реального срока его до поры Создатель хранил. Родители считали денечки до исполнения оболтусу восемнадцати лет и применения его буйной энергии в оборонных, полезных для страны целях. Этого персонажа звали Виталий, среди сверстников – Лис, от фамилии Лисовский.

А вот и знакомая калитка. Неутомимый сыщик поднялся на крыльцо одноэтажного восьмиквартирного деревянного барака. Как правило, собак, обычно недовольных визитами служивых, жители подобных строений не держали, а потому работать можно было относительно спокойно. Обитая дерматином дверь гасит звуки, а потому стучать нужно по дверному косяку или по стене дома, а при отсутствии реакции уже беспокоить оконные проемы. Характер стука тоже мог быть разным, от вкрадчиво-извиняющегося до демонстративно-уверенного. В этот раз Беляев стучал негромко, но решительно.

– Кто там? – прозвучал из-за двери голос матери подучет-

ника.

– Откройте, милиция! – почти как в кино, бросил в темноту фразу Алексей.

– А что вы хотите?

– Нужен Виталий, поговорить с ним.

– А его нет дома, – неуверенно тянула время хозяйка, – и, вообще-то, уже поздно.

– Откройте, это Беляев, мы знакомы с вами, мне с ним нужно просто побеседовать, – настаивал Алексей.

Он примерно представлял, что сейчас происходит за закрытыми дверьми. Лис почти наверняка дома и, лихорадочно одеваясь, готовится катапультироваться через окно, но в нем происходит борьба между страхом, что дом оцеплен, и желанием вновь заснуть.

– Сейчас ключ возьму, – решила наконец хозяйка жилища.

Вскоре Алексей оказался в небольшой прихожей-кухне. Машинально окинул взглядом ее пространство. Все как обычно, как и в прошлые визиты, вот только у двери не успели убрать туфли Виталия, только слегка прикрыли тряпкой.

– Ладно, зовите сына, я же знаю, что он дома. Что же мне, обыск у вас делать? – вежливо поздоровавшись, произнес Алексей.

– А что он опять натворил? Снова заберете его?

– На этот раз ничего, обещаю ограничиться опросом, давайте-давайте, пусть уже выходит, время позднее, и всем по-

ра спать.

– Виталя, выходи, – произнесла мать и удалилась в спальню.

Появился «подпольщик», пытаясь одновременно с испугом изобразить недовольно-протестную морду лица и знание уголовной «фени». Но в отсутствие компании себе подобных у него это получилось откровенно неубедительно.

– Ну что же ты так гостей встречаешь неприветливо? Я так вот всегда рад тебя в своем кабинете видеть, давай, что ли, проедем, организую прием по высшему разряду, камера уже готова. Или здесь переговорим? – осадил Лиса Беляев.

– Давайте здесь, – залепетал приклатненный.

– Буду краток как никогда, потому как времени и желания с тобой общаться за собой не замечаю совсем, а тем более не хочу беспокоить по ночам твоих работяг-родителей. Ваша команда вчера «подрезала» сумочку у музыкантов из гримерной Дворца, – начал свой спич оперативник.

– Что-о-о? Да не брали мы ничего, ва-а-аще не в курсах, – возразил опешивший Виталий.

– Закрой рот и не перебивай, – не сбавляя обороты опер. – Вы там третесь каждый вечер, это ваша работа, и для всех вас это плохая новость. А теперь слушай хорошую! Крови никто не хочет, нужен только украденный паспорт, и его нужно подкинуть, как и куда – вы хорошо знаете, не мне вам объяснять.

– Не брали мы ничего, просто гуляем там, – тянул свою

линию «невиновный».

– Запомни и передай своим, ты и Леший сейчас на подписке за «выставленную хату» на Кирова. Так вот, она легко может превратиться в арест до суда. Ты понял, неугомонный ты мой? Срок у вас ровно сутки. Родителей пожалей... – завершил словесную эскападу Беляев.

Лисовский молча сидел, тупо глядя в пол.

Примерно в такой же тональности Алексей провел беседы еще на паре адресов, которые были открыты для визитов до двадцати трех часов. Где-то пришлось угрожать, кого-то просто проинформировать и призвать к сознательности. Затем наступила очередь двух круглосуточно гудящих явок и притонов, относительно свободных для посещения оперативниками.

Когда-то потом, в «светлом» госкапиталистическом будущем, такую работу вместо одного опера будут выполнять целые отряды кабанистых спецназовцев, облаченных во всевозможные латы и бронежилеты, с масками и армейским оружием, как автомат Калашникова.

Пока же, до наступления тех зашифрованных времен, милиционеры с открытыми лицами денно и ночью вели борьбу с преступностью и по мере возможности профилактировали ее разрастание.

Стрелка часов приближалась к полуночи, и «дежурка» с Беляевым прибыла к одной из пятиэтажек в центральной части Артема. Служебный УАЗ он оставил неподалеку вме-

сте с дремлющим водителем, а сам направился по одному из намеченных непростых адресов. Здесь, на первом этаже жилого дома, в круглогодичном и круглосуточном режиме функционировала стандартная «блат-хата» в виде запущенной трехкомнатной квартиры. Она являлась точкой притяжения для криминала всех мастей данного района. Хозяйками апартаментов числились сестры Стативки, Вика и Лиля, которым жилплощадь досталась по наследству от родителей, получивших ее после переселения из старых шахтовых бараков.

В подъезде царил полумрак, но он позволил Алексею увидеть знакомую дверь, покрытую облезлым оргалитом, помнящим еще времена сдачи в эксплуатацию дома. Само дверное полотно смотрелось как произведение поздних импрессионистов, которые разместили на его поверхности отпечатки своих рук, ног, как босых, так и обутых в кроссовки, кеды, зимние сапоги. Среди всего этого буйства фантазии конечностей замечены отдельные цифры, буквы и слова с пожеланиями к потомкам.

В течение дня дверь обычно держали открытой, после полуночи закрывали изнутри на расшатанную задвижку. И сама дверь, и нехитрое запирающее устройство выполняли скорее роль бутафории, ибо рядом с замочной скважиной зияло сквозное отверстие размером с кулак, проделанное кем-то из настойчивых посетителей, потоки которых в основном состояли из местной шпаны и милиционеров.

Квартира располагалась на первом, правда, высоком этаже, что не раз позволяло поклонникам андеграунда уходить от облав через окно.

Беляев в этот раз был не совсем один, а в паре с молчаливым, но верным помощником Макаровым, которого он при выходе из машины предусмотрительно снял с предохранителя.

Помощник был всем хорош, кроме одного: его не поставишь под окно для ловли вылетающих «бабочек», все-таки его прямое назначение – находиться под левой рукой оперативника. А потому входить в квартиру надо быстро и непредсказуемо для контингента и дальше действовать по ситуации.

Стучать и просить разрешения войти Алексей не стал. Это было бы нелогично. Он слегка надавил на дверь, та легко поддалась и приоткрылась. На кухне были слышны негромкие голоса, видно, собеседники были очень «уставшими» от выпитого, но все же продолжали общаться.

Еще в прихожей инспектора встретил непередаваемый коктейль ароматов, характерных для подобных горячих точек на теле города. В нем было все: и запах от грязной обуви с одеждой, и смесь разных марок табачного дыма, настоящего на каком-то неопределяемом сразу спиртном напитке, и давно немытого санузла вместе с канализацией. В нем было все, кроме запаха анаши. Детектив это отметил сразу и понял, что контингент сегодня соответствующий – без моло-

дежи, средних лет, поживший и посидевший, который сторонится новомодных веяний и предпочитает психоактивности в жидком виде. Об этом же говорила и батарея пустых «синявок», стекло моющего средства в полиэтиленовой таре, сложенная в полуразломанном шкафу для одежды. Времена в стране стояли сложные, антиалкогольные, а потому в ход шел даже ассортимент хозяйственных магазинов.

Беляев не спешил сразу врываться в эпицентр событий. Традиционно им выступала кухня, где обычно собирался весь «шалман». Вначале Алексей осмотрел санузел, затем комнату, в которой на кровати с голой панцирной сеткой под грязной простыней виднелись две фигуры с грязными ногами. Зафиксировав визуально сей факт, он не стал тревожить брачующуюся босоногую парочку и прошел на кухню.

А здесь кипела ночная жизнь. Их было пятеро – две женщины, хозяйки квартиры, и трое мужчин.

Ежедневная поисковая практика научила Беляева нескольким обязательным алгоритмам, когда приходилось одному проверять такие адреса. Во-первых, это контроль спины, чтобы не прилетело сзади. Во-вторых, быстрое определение лидера и аутсайдеров в стае. В-третьих, контроль за лежащими на столе и в кухонных ящиках колюще-режущими инструментами, а также стоящими рубящими (типа топоров) и ударными (типа молотков или сковородок). На стороне детектива был фактор неожиданности и уткнувшийся в оперативную кобуру до поры напарник Макаров. И не надо

доставать и размахивать им перед разгоряченной публикой, лучше оставить это занятие для стажеров или буйной фантазии сценаристов и режиссеров детективных сериалов. Будничная оперативная практика выработала у Алексея простое правило – если достал пистолет, то стреляй, а не размахивай им и уж тем более не открывай пивные бутылки и не коли орехи.

Предварительная оценка показала, что степень вероятности возникновения конфликтной ситуации – средняя, и чтобы она не увеличилась до критической, необходимо действовать наступательно и поступательно, но без суеты и криков.

Из сидевших на кухне трое знали инспектора Беляева в лицо, а потому представляться не было необходимости. Две сестры, одна из них почти в «отключке», и три особи мужского пола, один серьезный и немногословный, за ним особый контроль, второй поднадзорник, который по всем правилам должен быть дома, то есть он автоматически уже получил нарушение, третий молодой, а потому, возможно, будет «блатовать» – зарабатывать авторитет перед старшими. Все трое ранее судимы по различным статьям.

– Привет честной компании! И... спокойно, всем оставаться на местах, приготовить документы, – произнес Беляев медленно, но неожиданно входя на освещенную кухню из темноты коридора. – По какому поводу празднуем?

– О-о-о, начальник, здравствуйте, – опешила младшая из Стативок, Вика. – Да так, просто, друзья зашли.

Она была ему несколько обязана, потому что в один из прошлых визитов у нее случился приступ эпилепсии, и Беляеву пришлось на время переквалифицироваться во врача скорой помощи. В тот раз он, действуя по всем правилам в подобных случаях, положил ее на правый бок, чтобы стекала пена изо рта, а под язык – металлическую ложку и оставался с ней до окончания приступа. Она помнила про это и при каждом удобном случае благодарила.

– А у меня нет документов, и что? – с вызовом и блатным прищуром подал голос молодой.

– Значит, в «богодульник» поедешь, – осадил Беляев, – для установления личности. И вообще, ты в очереди последний пока.

Его сейчас больше интересовал поднадзорник, который предъявил ему вместо паспорта справку об освобождении. Клыков Михаил Николаевич, по жизни Клык, 1952 года рождения, уроженец Артема, значилось в ней. Графа о судимостях была почти заполнена статьями 145-я часть вторая, 146-я часть вторая, 108-я часть вторая и 206-я часть третья, весь джентльменский набор из грабежей, разбоев и хулиганства с поножовщиной.

– Сколько у тебя нарушений на сегодняшний день? И почему ты не дома? – спросил Беляев.

– Одно, получается, это второе. Зашел случайно, так получилось, больше не повторится, – уверял Клыков.

– Конечно, не повторится, потому что к хозяину опять

отъедешь, если я оформлю это твоё нарушение. Ты вроде не шелкопер уже, все понимаешь, – давил Алексей. – Вразумительно объясняю?

– Начальник, давай не будем оформлять, бес попутал! – попросил поднадзорник.

– Не будем, не будем, если вы все здесь находящиеся вникнете в то, что я вам сейчас скажу, – обратился к участникам вечеринки инспектор. – К нам в город приехала группа гостей, музыкантов, для людей дают концерты, всем жителям нравится. И какая-то нечисть у них подрезала сумку с документами. Срок вам всем сутки, документы надо принести туда, откуда они точно попадут к нам в Отдел. Скажите всем своим знакомым. Вопросы есть? Вопросов нет. В противном случае этот шалман будет окончательно прикрыт. А сейчас все расходятся по домам, – закончил Беляев.

– Все-все, начальник, уходим!

Толпа организованно, по одному, без шума потянулась на выход.

Примерно в таком же ракурсе инспектор посетил еще три адреса и около пяти утра вернулся в безлюдный Отдел.

За окном «Дежурной части» виднелось редееющее темя склоненной головы помощника дежурного Дустова, а сам дежурный Муринов мирно спал в отдельной комнате. Через пару часов ему предстояли общение с начальником и доклад на утреннем совещании о происшествиях за сутки.

Беляев вошел к себе в кабинет, привычно расставил че-

тыре стула вдоль стены, сиденье с пятого подложил под голову и погрузился в сон. Из объятий Морфея его вызволили звуки шагов по коридору и яркий луч восходящего светила. Пара часов глубокого сна позволила немного отдохнуть. Он быстро встал, умылся и сел за бумаги по материалам происшествий за сутки.

«По «москвичам» тоже придется отдавать на регистрацию и «вешать темную», – решил Алексей.

Совесь его была чиста, он сделал все, что было возможно, и даже больше, опросил и «зарядил» всех, кого только смог, оставалось ждать. Когда выстрелит его замысел и выстрелит ли вообще, было известно только Всевышнему. «Делай, что должно, и пусть будет, что будет» – немудреный девиз вновь обозначил себя.

– Давай, штампуй еще один, – Алексей протянул сменяющемуся Муринову материал по «Девчатам».

– Без «лица»? – больше для проформы уточнил тот, хотя отлично знал суть дела.

– Ну да, «темный», а ты что хотел, чтобы я его раскрыл на раз-два? – отвечал хмурый и невыспавшийся опер свежесбритутому отдохнувшему дежурному.

– О-хо-хо, что же мне докладывать начальнику? – речитативом затянул он обычный в таких случаях набор фраз.

– В материале я все указал, как там написано, так и докладывай, если что-то пояснить, звони, я буду у себя в кабинете, чувствую, нескоро сегодня попаду домой после смены, дел

накопилось много, – ответил Алексей и поднялся к себе.

А дела действительно не ждали, ведь помимо суточных дежурств никто не отменял спроса за работу по нераскрытым десяткам преступлений.

К инспектору были вызваны люди по повесткам, их надо было опросить по вновь открывающимся обстоятельствам в ходе работы по прежним «темным» делам. Кроме того, необходимо было составить несколько справок по делам оперативного учета, ибо ждали проверку. Окончательно смениться после бессонных дежурных суток он планировал только к полудню.

За работой Беляев не заметил, что стрелки часов подошли к половине одиннадцатого, как вдруг неожиданно зазвонил телефон, в трубке звучал голос вновь заступившего помощника дежурного Сергея Бутова:

– Алексей, здесь какой-то паспорт принесли, посмотри.

– Кто принес? На чью фамилию? Когда?

– Принес мужчина, минут пятнадцать назад, выдан на имя Василенко Лолиты.

– Где этот человек? Ты конечно же задержал его для меня?

– Нет, не успел, он быстро ушел.

– Как ушел? Не может быть! Это же прямая твоя обязанность! Ты... для чего там сидишь? Чтобы только трубку поднимать? – запас цензурных слов для диалога с дежурным у Беляева был исчерпан.

– Так получилось... Ты спустишься? – виновато произнес

Сергей.

Алексей готов был сорвать погоны с разгильдяя. Немного остыв, он понял, что ничего уже не вернуть, и единственная ниточка для поиска оборвана безвозвратно.

– Ты хотя бы опросил его? Где нашел? Во сколько? Записал его данные?

– Нет, не успел взять данные, здесь такая суета утром у нас, пересменка... Мужчина сказал, что нашел паспорт на Партизанской, возле роддома.

Сергей Бутов был неплохим парнем, и, конечно, Алексей не стал никому ничего докладывать и портить ему карьеру, ограничившись разносом.

Но, так или иначе, это был успех и успех с большой буквы. Чего хотел, того добился – у Беляева на столе лежал паспорт на имя Василенко Лолиты Алексеевны с пропиской в Москве.

Легко можно было представить степень фурора, который охватит музыкальный коллектив, когда он известит их. Зная об этом, Беляев, как обычно в таких случаях, зримо ощутил восходящий приступ не очень уместной скромности, он категорически не хотел становиться центром внимания. Это нельзя назвать стеснением, это было другое, оно шло откуда-то из советского детства, из привитого в детском саду и школе чувства коллективизма и привычки не выпячивать достижения.

«Я просто по пути домой зайду к музыкантам, отдам пас-

порт, возьму расписку и пожелаю счастливого пути», – решил детектив. Расписка пойдет в «отказной» материал, и одним «темным» преступлением станет меньше.

Но дальнейшее течение событий вновь показало, что человек полагает, а судьба располагает. Известие о благополучном завершении неприглядной для города истории с музыкантами незримо просочилось и распространилось среди коллектива ОУР, в котором работали многочисленные друзья-соратники Алексея. Вскоре его кабинет был заполнен коллегами. Сыщики оживленно обсуждали текучку, много курили и строили планы на вечер, многозначительно поглядывая на виновника торжества.

– Что вы засуетились? Кина не будет ни сейчас, ни вечером, оно уже кончилось, а я пошел спать, полтора суток на ногах, – попытался охладить их пыл помятый инспектор.

– Никогда не говори «никогда», – отвечали друзья, таинственно переглядываясь на выходе из кабинета.

– Халявы не будет, товарищи офицеры, идите, и не просто идите, держайте. У нас в городе что, все преступления раскрыты? Отдыхать некогда! – спародировал Алексей общего начальника, всевидящего и неутомимого Тельмана.

Чуть позже в гостиницу руководителю музыкального коллектива поступил звонок:

– Здравствуйте! У нас с вами сегодня день начинается с хороших новостей. Документы Василенко обнаружены в целости и сохранности, они со мной, я их сейчас к вам занесу.

На другом конце провода на секунду наступила тишина, сменившаяся восторженными возгласами и криками.

– Ушам не верим, – произнес наконец руководитель коллектива. – Мы уже потеряли всякую надежду. Спасибо вам! Может, нам самим прийти в Отдел?

– Нет, в этом нет необходимости, я все равно буду проходить мимо, – ответил Беляев. – Ждите и будьте на месте.

Детектив положил в карман паспорт барабанщицы и взял курс на гостиницу. Еще издали он заметил стоящий на крыльце «Светланы» музыкальный коллектив в полном составе. С учетом того факта, что он был процентов на семьдесят женский, скромный инспектор строго пресек попытки гастролеров покачать его на руках. Такого масштаба искренней благодарности со стороны потерпевших он не встречал ни до, ни после случившегося. Алексею был вручен средних размеров настенный плакат с изображением ВИА «Девчата» с дарственной надписью «Лучшему инспектору УР Приморья от благодарных артистов».

– Мы приглашаем вас на наше выступление сегодня вечером в поселке Заводском, вход для вас бесплатный, можете кого-то пригласить, – почти хором сказали музыканты.

– Спасибо большое, но у меня много друзей, и почти все они хотели бы оказаться у вас на концерте, – больше для приличия изрек детектив в надежде, что количество мест лимитировано и приглашение потеряет актуальность.

– Приглашайте всех друзей, за места не беспокойтесь,

всех встретим и разместим! – услышал он в ответ.

– Спасибо за приглашение, но твердо обещать не могу, приедем, если позволят обстоятельства и самочувствие, – сказал напоследок усталый Беляев, мысленно прося индульгенцию у приглашающей стороны за неявку.

Взяв расписку у Лолиты и заявление о прекращении разбирательства по ее материалу о краже из гримерной, он распрощался с гостями и направился домой.

Конечно, ни на какой концерт он ехать не хотел, а хотел, прежде всего, выспаться. Принять горизонтальное положение и отключиться от земных треволнений Алексею удалось около двух часов дня. Сон был крепок и глубокий, но недолог. Он продлился без малого четыре часа, как подсознание начало готовить его к скорой побудке. Примерно в половину шестого раздался негромкий голос матери:

– Леша, вставай, к тебе ребята приехали.

– Что, какие могут быть ребята? Я сплю.

– Вон, машина под окном, там все твои друзья, зовут тебя, выйди, скажи им сам.

Беляев с трудом разлепил глаза и выглянул в окно, под которым действительно стоял гражданский УАЗ, заполненный оперативниками. На сей раз ватагу возглавлял один из близких друзей Алексея, Иван Тимонин. Вскоре его заговорщицкая физиономия показалась в окне в надежде проконтролировать спящего друга, но, не увидев ничего из-за лучей заходящего солнца, решил войти в дом.

Друзья встретились на пороге.

– Леш, ты что, спишь? Весь народ ждет тебя.

– А ты как думаешь, почему я сплю? – в тон ответил Беляев. – Вообще, почему люди спят? Потому что организм иногда хочет спать, слышал про это?

– Заканчивай, на пенсии отоспимся, поехали, – энергичный заводила был непреклонен.

Вскоре к ним присоединился еще один друг Беляева, Сергея Мешковский.

– А ты что, еще не собран, народ в машине заждался? – с хуторским наивным недоумением подключился к разговору белорус.

– Позвольте узнать цель и место сегодняшнего мероприятия? – обозначил свой интерес начавший просыпаться Беляев.

Заговорщики переглянулись и с показной скромностью протянули:

– Ну-у-у... Это... Тебя же пригласили на концерт, ты же им раскрыл кражу, мы тоже хотим.

– Ах, вон оно что! Шаровики-затейники! А вы-то тут при чем? Меня пригласили, я и поеду один. Логично? И вообще, откуда вы все пронюхали? Я никого особо не посвящал, только Муринову отдал материал для доклада, – уже больше для юмора продолжал сопротивляться невыспавшийся детектив. – А знаете что, езжайте вы одни, скажете, что от меня, а я приболел. – Алексею вдруг пришла в голову идея: –

Я вам мандат выпишу, вас всех пропустят.

Он действительно не хотел повышенного внимания к своей скромной персоне, да и желанием трястись в этот далекий поселок Заводской тоже не горел.

Но, с другой стороны, он почти проснулся и с удовольствием бы провел этот вечер с друзьями где-нибудь на речке или в одном из многочисленных мест в окрестностях города, где они периодически встречались за «рюмкой чая», тем более на этот раз в их распоряжении была автомашина.

– Нет, ты что, как мы без тебя поедем, мы же вообще не при делах и никого там не знаем. Ты должен нас провести и познакомить.

– С вами все ясно, халявщики, вам нужен проводник, который знает пароль и встречающую сторону, – уже под взаимный хохот произнес окончательно проснувшийся инспектор и пошел одеваться.

Вскоре веселая компания из пяти оперов и одного водителя на всех парах мчалась на концерт столичных знаменитостей. Не прошло и получаса, как они входили в большое здание Дома культуры поселка, где уже начиналось первое отделение эстрадного действия. Они были радушно встречены и посажены на заранее забронированные места. Парни были довольны. Они сияли, как медные самовары, ни до, ни после этого происшествия они тоже не встречали таких благодарных потерпевших.

После концерта две компании воссоединились и продол-

жили праздновать успешное завершение этой детективной истории в гостинице, где виновнику торжества пришлось задержаться до утра.

Лолита оставила Беляеву свой телефон и московский адрес, добавив при этом, что обязательно будет ждать его в Москве. Спустя много лет в памяти осталось только название улицы: Ямское поле.

Плакат же с благодарственной надписью несколько лет провисел на стене, пока не обветшал вовсе.

P.S.

Постаревший инспектор перебрал и систематизировал пожелтевшие страницы этого неординарного случая, стряхнул с них пыль десятилетий, мысленно пообщался с прежними друзьями и вновь поместил его на полку в детективной библиотеке поисковых историй, случившихся с ним на служебном поприще.

Дневник
советского детектива

ЗОЛОТАЯ КАТЯ

Золотая Катя

Часть 1. Санкция на обыск

Стояла ранняя осень 1985 года. Где-то в столичных далях назревали перемены, которых с надрывом требовал вчерашний кочегар Цой. Фрагментарно вскрывались торговые аферы, о которых с разрешенным пафосом вещали отдельные СМИ, страстно желавшие успеть на поезд катастрофы, показавшийся на горизонте и по недоразумению названный «Перестройкой». А внутри этого мутного, с неопределенным запахом коктейля из событий, передовиц, постановлений произошли подвижки и на центральных властных постах силовых ведомств.

Уже три года, как МВД СССР возглавлял протеже Андропова кадровый чекист Федорчук. Его предшественник Щелоков в неравной подковой схватке предпочел самоубийство аресту, закончив этим многолетнее, скрытое от посторонних глаз противостояние двух ведомств.

Для рядовых же сотрудников УГРО мало что изменилось, за исключением совсем небольших косметических нововведений. Инспекторы угрозыска стали оперуполномоченными, а вновь принятые сотрудники без милицейского образования направлялись на трех- или шестимесячные курсы пер-

воначальной подготовки.

Заматеревший старший опер Беляев разменял уже вторую пятилетку службы в уголовном розыске и считался универсальным специалистом, против чего «категорически не возражало» его руководство. И хотя он по-прежнему возглавлял группу по борьбе с квартирными кражами, Алексея часто бросали на раскрытие резонансных преступлений, включая в состав различных следственно-оперативных групп либо попросту, без церемоний, поручая это его группе.

Кроме того, в соответствии с непогрешимой логикой руководителей на Алексея была возложена «почетная» обязанность возглавить борьбу с распространением наркотиков и вести профилактический учет особо опасных рецидивистов. Выражаясь простым словами, Беляев отвечал в городе за домушников, цыган, организованную преступность, наркоманов и особо опасных рецидивистов, а во второй половине восьмидесятых к этому перечню добавилась еще и экзотика – отчетность по борьбе с проституцией и СПИДом. Все заявления граждан и другие материалы по этому спектру отписывались для разрешения Беляеву. Начальство как бы подкидывало на гриф штанги еще по одному блину, с интересом наблюдая за спортсменом, выдержит ли он очередную нагрузку или сойдет с дистанции. По факту Беляев выполнял объем обязанностей замначальника ОУР, оставаясь на должности старшего оперуполномоченного, приказ о назначении на которую он получил годом ранее. Тем не менее в

силу особенностей представлений о порядочности эта кажущаяся несправедливость не особо тяготила Алексея. Главным было то, что он выполнял свое дело с интересом и получал заслуженный результат.

Спустя годы, повзрослев и сопоставив разные факты, он понял, что для получения должности замначальника мало было иметь хорошие показатели, необходимо быть ближе к начальству и быть членом КПСС. Беляев же, наоборот, старался быть подальше от руководства и поближе к друзьям и коллегам, с кем вместе делил оперскую похлебку. Несмотря на это, в УВД его ценили и с целью удержания перспективного кадра сделали все, чтобы Алексей стал обладателем двухкомнатной квартиры, проработав в ОУР чуть более года.

Наступил вечер. За окнами воцарилась темнота, репетируя скорое приближение середины осени. Беляев, вернувшись с городских оперативных просторов, сидел у себя в кабинете на третьем этаже нового здания, из ГОВД переименованного в УВД, и готовился к вечернему совещанию у замначальника по оперативной работе.

И вновь, как и обычно, его планы на вечер были резко переформатированы после звонка начальника ОУР. Тонем, не терпящим возражений, Полесов поручил Алексею присоединиться к группе оперативников из Владивостока, которые собирались на обыск в Кневичи¹⁷. Дом, в котором предполагались следственные действия, Алексей знал хорошо. Можно сказать, он там давно прописался, так часто прихо-

дилось бывать в нем по имущественным преступлениям.

– Поедешь, посмотришь там по своим, – произнес голос Тельмана в телефонной трубке. – Санкция на обыск у них есть, можешь быть спокоен.

Это значило, что необходимо, используя вновь появившуюся легальную возможность, осмотреть жилище скупщицы краденого на предмет обнаружения вещдоков с квартирных краж по Артему и его поселкам. Получив такую вводную, Алексей мысленно обобщил свежую информацию, поступавшую к нему на цыганскую тематику по различным каналам за последние месяцы, и выделил для себя самую примечательную и требовавшую проверки.

Речь шла о цыганской семье с необычной фамилией Дедислейн, у которой появилось приисковое золото. Беляев впервые столкнулся с промышленным золотом. У цыган обычно в ходу были золотые украшения, снятые с доверчивых граждан или похищенные из квартир и домов. Откровенно говоря, Беляев в силу загруженности не видел для себя быстрых способов проверки этой информации, а потому она ждала своего часа в его сейфе.

Давно был потерян счет количеству обысков, проведенных Беляевым в этом доме с санкции прокурора или без таковой, если требовали обстоятельства. Это был известный цыганский адрес, которым заправляла знаменитая матрона Катя Сысоева. Эта энергичная, коренастая женщина лет сорока пяти была матерью трех черноглазых, черноголовых де-

тишек и по совместительству скупщицей краденого всего и вся, этим зарабатывая на хлеб насущный. Беляев был с ней в неплохих отношениях. Его объективное и честное отношение к ее образу жизни встречало ответную реакцию. Он не читал ей морализаторских речей о становлении на правильный путь. Ею же руководил банальный страх за детей, инстинкт выживания и многовековые генетические склонности. Нельзя сказать, чтобы сыщика тут радостно встречали, но, заходя к Кате в очередной раз, он мог рассчитывать, что с ее стороны не будет элементов конфронтации и провокаций, а со спины не будет воткнут нож.

Ранее ее старший семнадцатилетний сын Милан проходил подозреваемым по делу о групповом изнасиловании жены офицера-летчика, рискнувшей в одиночку уйти с офицерского вечера в местном Доме культуры после ссоры с мужем. Чем-то обиженная офицерская жена из села Кневичи пошла пешком прямо через поля, где была встречена и изнасилована группой подростков, среди которых оказался и Милан Сысоев. Стараниями матери, а также хитросплетениями следователя и адвоката юноша получил условный срок. В период его содержания в КПЗ Алексей несколько раз помог Катерине организовать передачи продуктов для сына, и с того времени ее отношение к Беляеву стало совсем доверительным. Вместе с тем невидимые границы взаимоотношений между оперативником и скупщицей краденого соблюдались строго и неукоснительно, не переходя в приятельские.

Служебный УАЗ со следователем и тремя инспекторами УР в полной темноте подъехал к известному адресу. Это был небольшой дом, стоящий на отшибе, с тыльной стороны имеющий отличные пути отхода в перелесок за огородом на случай внепланового шухера.

Экспертные услуги Беляева для владивостокских коллег заключались в обеспечении безопасного и бесконфликтного проникновения в дом и помощи при проведении обыска. В отличие от многих цыганских дворов этот патрулировался большой кавказской овчаркой, которая, услышав приближающиеся шаги, тут же громким лаем и свирепым рычанием оповестила хозяев. Алексей постучал ногой по забору, усилив таким образом громкость собачьей сигнализации, и стал ждать реакции цыганской семьи. Кто из них в этот момент находился дома, было неизвестно. Если одни дети, то проведение обыска могло быть сорвано или его результаты могли быть оспорены адвокатами в суде. А сам факт прибытия группы мог насторожить диаспору и выиграть им время для уничтожения улик и вещдоков. Поэтому идеальным казался вариант, что дверь откроет хозяйка. Так и случилось.

– Кто там? – услышал Алексей знакомый голос Кати.

– Открывай, Катерина, это я. Встречай гостей, – отвечал Беляев.

После завершения недолгой процедуры опознавания «свой-чужой» Сысоева привязала собаку и отворила калитку. Беляев, видя, с какой быстротой это было сделано, понял,

что посторонних нет, а в доме царит будничная атмосфера. Он проверил дом, убедившись в этом, и пригласил в помещение иногородних коллег.

Часть 2. Беспечный ездок

Обыск проходил как обычно и близился к завершению. Причиной для его проведения были показания задержанных серийных домушников, подозреваемых в серии краж по Владивостоку. Они были задержаны и указали на этот адрес в Артеме, куда сбывали похищенное имущество.

Никаких сенсаций не произойдет, это Алексею стало понятно еще раньше, и, отработав свою часть мероприятия, он вышел на улицу перекурить. За воротами его встретила глубокая, с редкими просветами луны из-за туч осенняя темнота. Было тепло и сухо, как обычно для этого времени в Приморье. В голове всплывали строчки из произведений Гоголя про тихую украинскую ночь... Военный городок и прилепившийся к нему частный сектор отходили ко сну. Изредка слышался собачий лай. Беляев, докуривая сигарету, смотрел в темноту, в почти невидимую в отдалении дорогу. В этот поздний час она тоже засыпала, изредка пробуждаясь от редких автомобилей.

К адресу, где жила Сысоева с семейством, вела заросшая грунтовка, образуя возле дома почти правильное кольцо, позволявшее автомобилю в случае чего развернуться без лишних маневров и направиться обратно. Беляев еще в первые визиты сюда обратил на это внимание. Редко где в частном секторе встретишь такую запоминающуюся особен-

ность.

Алексей взглянул на освещенные окна и мысленно поторопил следователя, копавшегося с заполнением протокола, других причин для такой медлительности он не видел. Искать в доме было нечего. Катя, привычная к постоянному контролю со стороны Беляева и его неожиданным визитам, дома ворованное не держала или делала это на очень короткий срок, предугадать который было почти невозможно.

На отдаленном шоссе послышался шум очередного движущегося в военный городок автомобиля. Шум от него стал значительно тише, так как он вдруг свернул на грунтовку, ведущую навстречу к стоящему Беляеву. Никуда, кроме как к Катиному дому, этот автомобиль ехать не мог. Только к нему вела эта единственная дорога с разворотным кольцом.

Задремавшие было поисковые инстинкты Беляева как по тревоге проснулись, увидев зеленый огонек приближавшегося такси. К Сысоевой явно ехали гости, сколько их и кто они, Алексею предстояло выяснить.

Установив беспроводную связь со своим немногословным напарником Макаровым, который, к счастью, на этот раз оказался на своем посту под левой рукой, Беляев решил действовать по ситуации и в случае чего импровизировать.

Такси подъехало к дому и, немного сбавив ход, пошло по кольцу на разворот. Видимо, несостоявшиеся гости, заметив свет в окнах и стоящий гражданский УАЗ, отказались от идеи посетить цыганку. Вблизи Алексей рассмотрел автомо-

биль, это был ГАЗ-24 «Волга» бежевого цвета, впереди сидели двое мужчин – водитель и пассажир. Нужно было остановить их. Беляев вытащил из кобуры ПМ, снял с предохранителя и, держа пистолет на виду, преградил путь авто. Такси остановилось. Алексей подошел к водителю, представился и попросил документы на автомобиль и удостоверяющие личность.

И водитель, и пассажир отвечали без видимых признаков волнения и были предельно вежливы.

– Куда направляемся в столь поздний час? – спросил Алексей.

– Ошиблись адресом и дорогой, заблудились, – последовал ожидаемый ответ.

Проверив документы у водителя и убедившись в их подлинности, Беляев обратился к пассажиру с такой же просьбой, ведь именно он был основной целью проверки. Если пассажир такси направлялся к Кате, то можно было смело давать девять баллов из десяти, что это будет цыган. Но перед Беляевым на пассажирском сиденье предстал типичный советский гражданин лет сорока пяти, темноволосый, грузноватый, по манере общения не судимый. Ничто не выдавало в нем принадлежность к этой народности.

«Неужели тяну пустышку», – усомнился Алексей, беря в руки паспорт.

«Дедисклейн Владимир Николаевич», – закричали буквы в паспорте.

«Таких совпадений не бывает», – подумал Беляев и свернул волнение в тонкий свиток, на время исключив его из систем жизнеобеспечения организма.

– У вас прописка в Оренбурге. Вы там проживаете? В Артеме как оказались? – задал вопрос Алексей.

Дедислейн ответил, что приехал к родственникам, погостить. Сам работает экскаваторщиком в Оренбурге, а сейчас находится в отпуске, который, впрочем, уже завтра заканчивается.

– А как же вы на работу выйдете, опоздаете же? – продолжал опрос Алексей.

Опрашиваемый лишь пожал плечами, сетуя на обстоятельства.

– С трудом купили билеты на обратную дорогу, – оправдывался он. – У меня они на руках, завтра выезжаю, могу показать.

«Да, друг, с логикой ты не дружишь», – подумал Беляев, просматривая билеты на поезд и выписку из трудовой книжки.

Он почти не верил прилетевшей птице удачи, которая прошептала, что данный любитель железной дороги должен быть с «грузом», ведь в аэропорту ему пришлось бы проходить через металлодетекторы.

– А что же вы самолетом не летите, ведь быстрее было бы, – уже больше для проформы спросил Алексей, понимая, что ему вновь получилось сложить почти не складываемый

пасьянс. Осталось эту пока хрупкую конструкцию бережно переместить в УВД и там уже все задокументировать для следователя.

«Риск – благородное дело», – подумал опер и решил проводить обоих задержанных в УВД, на их же транспорте, не прибегая к помощи коллег, готовых вот-вот выйти из дома. Так было более естественно для задержанных, нежели поднимать ненужную суету и официальщину, во время которой могло произойти все, что угодно, от сброса искомого золота до сопротивления таксиста и пассажира.

– Вам придется проехать со мной в УВД для окончания проверки, это пустая формальность, – спокойно, но уверенно произнес Беляев, пряча паспорт Дедисклейна во внутренний карман пиджака.

Оба задержанных согласились, видя, что офицер один и ведет себя спокойно и уважительно. Алексей занял место на заднем сиденье, контролируя поведение задержанных, с готовым к применению ПМ, и такси тронулось в путь.

Часть 3. Зубр промахнулся

Примерно через полчаса такси припарковалось у здания УВД, а двое задержанных поднялись с сыщиком на третий этаж. Взглянув на часы, Беляев отметил, что стрелка неумолимо приближалась к двадцати трем. Разведя задержанных по разным кабинетам, он оставил их с младшими операми, которым одновременно поручил искать понятых для проведения личного обыска. Сам же решил доложить о своих соображениях Тельману, который, несмотря на столь поздний час, был у себя.

Его кабинет в новом здании находился ровно напротив кабинета Беляева, их разделяло полтора метра коридорного пространства. Начальник ОУР, не снимая с лица привычную маску недоверия и раздражения, выслушал старшего опера и вынес вердикт:

– Иди к нему, опрашивай, я сейчас подойду и обыскивать буду лично.

Полесов прекрасно понимал, что данное дело обещало быть громким и о результатах обязательно придется докладывать в Москву. Даже в его сверхпродолжительной практике промышленное золото еще ни разу не появлялось так явно и необычно. Однако в глубине души Тельман, конечно, думал, что Алексей тянет пустышку и преувеличивает значение информации, слишком уж все просто у него получалось.

Беляев же, сидя у себя кабинете, еще раз подробно опрашивал Дедисклейна на предмет его появления в Артеме по дням в ожидании прихода Тельмана. Вместе с этим его не покидало ощущение, что все происходящее уж больно похоже на загогулину, в которой молодой ученый, написав диссертацию по ранее неизвестной теме, вынужден включать в соавторы своих маститых научных руководителей, которые узнавали об открытии, только прочитав научный труд. Но как-то повлиять на естественный ход событий он не мог, поэтому оставалось только ждать маститого начальника с его гигантским практическим опытом.

Вскоре в кабинет порывисто вошел Полесов и для порядка спросил Беляева: «Этот?», мотнув головой в сторону сидящего на стуле Дедисклейна.

– Да, вот сидим, опрашиваемся, – ответил Алексей.

– Где понятые? Приглашай, – приказал Тельман.

Беляев кивнул младшему оперу и приготовился составлять протокол личного обыска. Вскоре в кабинет вошли понятые, мужчина и женщина, и Тельман приступил к обыску.

– Сейчас будет производиться ваш личный обыск, встаньте и снимите верхнюю одежду, – обратился он к задержанному.

Алексей, наблюдая за реакциями и поведением Дедисклейна при опросе и начинающемся обыске, отмечал про себя его удивительное спокойствие, невозмутимость и желание беспрекословно выполнять все просьбы офицеров. Он встал.

Снял с себя легкую куртку и расстегнул просторную рубашку. Тельман внимательно ощупал куртку, окинул взглядом грузноватую фигуру и попросил снять рубашку. Вскоре задержанный оказался в брюках и белой майке. Обращал на себя внимание средней полноты намечающийся живот.

– Ладно, одевайтесь, – сказал начальник ОУР и, бросив на Беляева недовольный взгляд, стремительно вышел из кабинета, бросив на прощание: – Закругляйся уже тут.

Алексей, заканчивая заполнять протоколы, подспудно чувствовал, что внутренний голос подсказывает ему не торопиться с завершением доследственной проверки. Еще и еще раз мысленно прокручивал он поведение задержанного в первые мгновения после того, как остановил машину. Ведь до сих пор не высветилась подлинная причина прибытия такси к дому Сысоевой, в то время как там шел обыск.

«С какой целью он подъезжал? – думал Беляев. – Это же явно сказки про двух заблудших путников...»

– Придется повторить личный обыск, – решив поверить чутью, с притворным сожалением произнес Алексей.

Как ни странно, Дедисклейна это отнюдь не огорчило. В его ровном, несколько отстраненном поведении ничего не изменилось. Он спокойно выложил из карманов содержимое, снял куртку и начал расстегивать рубашку. Опять показалась белая майка, облегающая живот.

– Снимайте рубашку, – приказал Беляев и вдруг заметил крупные капли пота, внезапно покотившиеся по лбу задер-

жанного. – И майку тоже, – продолжал он, ощутив, что напал на след.

Дедисклейн медленно стал снимать с себя майку, и вот на животе задержанного, сливаясь с общей выпуклостью, показалось нечто. Оно было завернуто в женский платок светлого цвета, завязанный на спине узлом. Когда же снятый платок-сверток оказался в руке у Алексея, то она непроизвольно пошла вниз, не ожидая такой тяжести от кажущегося внешне легким предмета. Он навскидку определил его вес – около килограмма. Развернув платок, все находящиеся в кабинете увидели в нем небольшой сверток из кожзаменителя, защищенный толстыми нитками.

Напряжение нарастало. Невольно вспоминалась сцена про яйцо из сказки про Кощея Бессмертного. Вскрыв сверток, увидели еще один из ткани. И наконец-то в нем тот самый золотой слиток.

Он выглядел как кусок свинца, овальной формы, испещренный раковинами и вкраплениями из разнокалиберных крупинок желтого цвета, также отмечались фрагменты пыли и песка желтовато-серого цвета.

Беляев разрешил задержанному присесть и наконец-то закончил заполнять протокол обыска. Отпустив понятых и приказав помощникам отвезти задержанного в камеру, смог по-настоящему расслабиться и попытаться понять, что же произошло в этот вечер.

Стрелка часов перевалила за полночь, и затянувшийся ве-

чер совсем не казался томным. До начала нового рабочего дня оставалось семь часов, минус час на вечерний моцион. Ему еще предстояла пешая прогулка по ночному городу, чтобы можно было упасть в кровать.

«В активе шесть часов. Просто шикарно для того, чтобы выспаться», – подумалось Беляеву.

Итак, рабочие сутки старшего опера сложились суперпродуктивно, особенно их вторая половина. Он помог провести обыск коллегам на непростом адресе, по наитию реализовал сырую информацию по слитку приискового золота, что случилось впервые в истории существования местного УВД.

Он понимал, что такой шанс выпадает один раз из тысячи, это как попасть пулей в пулю, но вот – получилось, и это задокументированный факт. Это стало еще одним мощным ударом по цыганскому криминальному подполью. Это то, что в позитиве.

В негативе же имелась неуклюжая попытка руководителя стать мудрым соавтором и наставником исполнителя, которая была им успешно провалена в силу незыблемости житейского правила «спешка нужна лишь при ловле блох».

К этому обстоятельству прилепились зашкаливающая никем и никогда не учитываемая переработка, отсутствие даже намек руководства на какое-либо, хотя бы словесное, поощрение и становящаяся обыденной подтасовка фактов при проведении следствия и работы адвокатов, в результате чего Дедисклейн вскоре вышел на свободу. Помогла ему в этом

вездесущая Катя, к дому которой он и направлялся в тот вечер. Сысоева, по подсказке адвоката, взяла весь удар на себя, признав, что это золото принадлежит ей, она его нашла где-то и дала на время Дедисклеину.

Так в общих чертах гласило обвинительное заключение по материалам работы следователя. И советский суд, самый гуманный суд в мире, приняв во внимание, что Катя – многодетная мать, определил ей наказание в виде лишения свободы сроком на шесть месяцев. Таким образом, все основные действующие лица остались на воле.

Но это все случится позже, а пока Беляев закрыл кабинет и потопал через ночной город домой. Стрелки часов показывали второй час ночи, до утренней планерки оставалось около шести часов. Ближе к двум часам ему удалось поместить брэнное тело на горизонтальную плоскость дивана и провалиться в небытие. Сон после восемнадцатичасового рабочего дня и свежего ночного воздуха был крепок и несобытиен. Лишь под утро Беляеву явился бодрый, молодой Тельман в праздничном костюме при галстукe и с ленинским прищуром и теплотой, так для него необычной, произнес: «Леша, ты заслужил два выходных дня, поэтому отдыхай, занимайся домашними и семейными делами. Да, еще готовься к получению денежной премии, приказ я уже подписал». После чего, хитро улыбаясь, вышел из комнаты.

Это волшебство было прервано хулиганским звонком будильника и негромким голосом мамы:

– Леша, уже семь часов утра, вставай, завтрак на столе.

Дневник
советского детектива

СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ

Стокгольмский синдром

Стокгольмский синдром – психологический термин, описывающий взаимную или одностороннюю симпатию, возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения или угрозы применения насилия.

Специфика службы инспектора УР, ввиду ее многозадачности и космического темпа валящихся, как из рога изобилия, событий и происшествий, не позволяет ему знать всех сотрудников ГОВД. В основном знаешь своих коллег сыщиков, часть следователей и дознавателей, работающих по «темным», то есть нераскрытым делам, руководителей основных служб, сотрудников дежурной части, а остальных в лучшем случае по фамилиям из рапортов на утренних планерках. Тем не менее из «недр» других подразделений всплывают порой весьма неожиданные по своим качествам личности, мимолетные встречи с которыми запоминаются на долгие годы.

Одна из таких встреч состоялась у Беляева в середине восьмидесятых, на крыльце Отдела, после утренней планерки солнечным июльским днем.

Стайка сменявшихся и заступавших сотрудников перекуривала на крыльце и обменивалась впечатлениями от суточного дежурства в ночь с пятницы на субботу, наполненного поножовщиной, драками, грабежами, кровью, неоднократно

ными визитами в травмпункты и приемные покои городских больниц. Эти всполохи агрессии происходили, как правило, в конце рабочей недели, под вечер и всю ночь, когда наиболее «креативная» часть городского народонаселения шахтерского города «выпускала пары усталости и раздражения» в атмосферу спящего города.

У Алексея непроизвольно завязался разговор с одним из сменившихся. Собеседник был одет в хорошо подогнанный офицерский мундир с лейтенантскими погонами, подчеркивающий худощавую фигуру. Он носил очки в оправе под позолоту, органично смотревшиеся на смугловатом вытянутом лице. По виду вовсе не служака, а, скорее, педагог, преподаватель каких-то восточных языков. Удивительно, но этому облику соответствовала и фамилия Китаев. Однако весь педагогический облик и строгость рассыпались с именем Паша. Паша Китаев был прост и легок в общении, и Беляев еще сильнее удивился, когда узнал, что этот интеллигент работает в медицинском вытрезвителе дежурным, и поэтому его фамилия с периодичностью раз в трое суток звучала в монотонном докладе дежурного по ГОВД.

Эта служба занимала самое низкое место в незримом рейтинге подразделений УВД, чуть выше был лишь приемник-распределитель, в обиходе «богодульник». Обе службы располагались в одном двухэтажном здании, но в разных частях первого этажа. Над ними же на весь второй этаж, словно птица, распростерла свои крылья Городская служба нар-

кологии. Это место концентрации бомжей и разномастных наркологов властями города было размещено в нескольких километрах от ГОВД и центральных городских районов, что придавало этим двум службам легкий налет автономности.

За медицинскими вырезвателями тянется многолетний шлейф слухов и случаев пропажи денег и ценностей у «заболевших» клиентов, насилия по отношению к ним же, но, с другой стороны, никто не считал количество спасенных жизней, готовых было оборваться где-то в грязи и в снегу по пьяному делу. Вообще-то, эта тема, которую любые источники обходят стороной или излагают в насмешливых тонах, требует более подробного исследования. А ведь этот очень примечательный маркер нашего общества, российского или советского, не имеет большого значения.

Как и положено, после первых затяжек разговор свернул на события прошедших веселых суток. Поспать за это дежурство Беляеву не удалось ни минуты. Уже вечером, после непрерывной цепочки дневных выездов и разбирательств, в Отдел с заявлением «заявилась» заявительница – жертва группового, с ее слов, изнасилования. «Жертва» оказалась проводницей на поездах дальнего следования, двадцати семи лет. Участников этого гнусного действия она знала только по именам и приблизительно, с их слов, назвала и род занятий. После первоначальных опросов стало ясно: преступление попадает в раздел тяжких и «темных».

Чтобы оно стало «светлым», то есть раскрытым, в выход-

ной день в помощь Беляеву были вызваны из дома трое инспекторов угрозыска и замначальника ОУР Куликов. Была сформирована следственно-оперативная группа. Прокурорский следователь сразу же возбудил уголовное дело и занялся допросами и экспертизами, а сыщики, «взяв ноги в руки», начали устанавливать круг подозреваемых с целью их задержания и отработки на причастность.

Вторая половина дня и практически вся ночь были посвящены одной цели – установлению личностей потенциальных насильников, их местонахождению, задержанию и доставлению на допрос. Под утро были установлены и доставлены все четверо злодеев, причастных к «преступлению года», последнего брали, как в кино, на ходу пытаясь остановить автомашину-водовозку, на которой подозреваемый выехал рано утром заправиться водой для полива улиц – он работал водителем в Горкомхозе.

Куликов оседлал служебный мотоцикл «Урал» с коляской, Беляев занял место на его заднем сиденье. Время 4.15, скорость около 80 километров в час, центральная городская магистраль Артема, что зовется улицей имени Фрунзе. Большой ЗИЛ с массивной бочкой для воды был замечен выезжающим из ворот Спецавтохозяйства и с места в карьер взял приличную скорость, благо улицы спящего города были пусты. Оперативникам пришлось его догонять. Несмотря на гудки и световые сигналы, останавливаться он явно не собирался. Милиционеры думали, что подозреваемый после

группового злодейства, чувствуя, что его преследуют и будут задерживать, пытается покинуть город и скрыться. Он же вовсе не чувствовал себя виноватым и, думая, что двое мужчин на гражданском «Урале» просто пытаются его обогнать, давил на педаль газа. Колченогая же причина всего этого безумства мирно докуривала очередную сигарету на крыльце УВД в ожидании дальнейших с ней мероприятий.

– Витя, прижмись к нему, сколько сможешь, попытаюсь забраться! – крикнул Беляев Куликову.

– Попробую, как смогу, смотри – осторожней, не свались, – прокричал тот в ответ.

Дорога хоть и являлась центральной, но была далека от совершенства, периодически попадались ухабины и ямы, которые приходилось объезжать. Никто также не отменял и возможной встречи с открытым канализационным люком. Оба транспортных средства мчались почти параллельно друг другу, то сближаясь, то удаляясь. И вот он, самый подходящий момент для десантирования – машины сблизилась до расстояния метра. Заднее сиденье мотоцикла, где сидел Беляев, колыхалось на уровне верхней части большого колеса ЗИЛа. Он приготовился к прыжку, но куда там! Перед ним тряслась громадная оранжевая емкость для воды с абсолютно гладкой поверхностью. Зацепиться, а тем более удержаться на этой округлой поверхности было невозможно.

«Нет уж, оставим эти лихие кадры для каскадеров при погонях в кино, – подумал Алексей. – Хотя в резерве остает-

ся подножка, ведущая в кабину, можно попробовать запрыгнуть, схватившись за зеркало, и попытаться проникнуть в кабину, но велика вероятность, что преследуемый дверью кабины скинет непрошенного гостя на скорости на асфальт».

– Прибавь чуть, попробую на подножку запрыгнуть, – сквозь гул моторов крикнул он опять Куликову. Если не получится вариант с подножкой, остается только стрелять по колесам – решил Беляев для себя. Применение оружия – это последнее, что можно предпринять в такой ситуации, а затем готовиться к эпистолярному изложению событий в стенах прокуратуры.

На их счастье, впереди началось сужение дороги, это уже был район девятого километра, и преследуемый поневоле стал снижать скорость, опасаясь встречи, и вскоре совсем остановился, решив выяснить у настойчивых преследователей цель этих ночных гонок. Его вместе с автомашиной сопровождали в Отдел.

При первых же опросах начала рассыпаться вся зловещая картина, нарисованная «жертвой». Парни оказались обыкновенными работягами без криминальных шлейфов и наклонностей, положительно характеризующимися по местам работы и жительства. С одним из компании, ее знакомым, и был половой контакт по обоюдному согласию, данные экспертов полностью совпадали с показаниями задержанных.

Около семи утра возле дежурной части голодный, шатающийся от бессонницы Беляев увидел направляющуюся на

выход из Отдела потерпевшую, хотя по логике событий она должна была сидеть у следователя и участвовать в процессуальных действиях. Ошеломленный старший опер поинтересовался у дамы о причинах ухода, ведь по ее заявлению столько людей занималось всю ночь, кто-то даже рисковал жизнью.

– Я их попугала и простила, – пожалала она плечами и пошла дальше.

Пораженный таким количеством подлости, мерзости и расчетливости, Беляев подумал: а стоило ли ради этой профуры не первой свежести тратить столько усилий и ресурсов, откладывая другие, действительно стоящие и не терпящие отлагательств дела, чтобы получить такой результат? Ответ он привычно нашел в висевшем над крыльцом УВД печатном словосочетании: «Служить народу – дело мужества, доблести и геройства».

Свои эмоции он вкратце и описал Китаеву, который понимающе кивал и тоже поделился историей из своей непродолжительной милицейской карьеры.

После окончания педвуза Китаев по комсомольской путевке оказался в милиции. О подвигах он не мечтал, его привлекли прежде всего удобный график, продолжительный оплачиваемый отпуск и ранний выход на пенсию. Хотя Паша и проживал во Владивостоке, ездить на дежурства какое-то время приходилось в Артем. Несмотря на дурную славу работы в медвытрезвителях, дежурства там оказались не таки-

ми уж хлопотными и нервными, как виделось на беседах при приеме на службу. Конечно, смена от смены отличалась по наплыву «больных», но трех суток отдыха вполне хватало на реабилитацию после общения с клиентурой.

Как-то одним летним утром, после очередного дежурства в Артеме, Китаев вместе с сослуживцем на электричке возвращался домой во Владивосток. На железнодорожном вокзале они пересели на трамвай, почти свободный от пассажиров в эти ранние часы выходного дня. По мере движения по городу трамвай все больше наполнялся людьми и после трех остановок оказался почти полон.

Стоя у заднего окна вагона, два милиционера неспешно перекидывались фразами в предвкушении близкого отдыха. По мере заполнения вагона постепенно нарастал поначалу негромкий и говор пассажиров трамвая. На этом фоне ощутимо выделялся мужской бас с характерными для мест не столь отдаленных оборотами речи. Его обладатель вел себя крайне нагло и возбужденно в отношении сидевших перед ним средних лет женщины и мужчины. Видимо, бывшему сидельцу не досталось места, и он, психологически придавливая своих жертв, добивался, чтобы ему уступили место. Этому подвиду хомо сапиенс на вид было около тридцати лет, он был высокого роста, плотного телосложения, с брезгливым выражением лица. При разговоре «на пафосе» демонстрировал во рту пару желтых рандолевых фикс¹⁸. На правой руке внешней стороны запястья периодически из-под рукава

пальто появлялась накладка в виде куполов церкви. Левую он постоянно держал в кармане.

– Свалил с раздачи, лысый, – в адрес мужчины летела площадная брань, удобренная матерком и перегаром. – Я – инвалид, освободи шконку, – колено наглеца при этом все настойчивее толкало в плечо сидящего мужчину. – Кому я сказал? – продолжало напирать чудовище.

Арестантский опыт не позволял ему стоять перед существом в очках, по всем признакам напоминавшим «шелупень». Окружающие попытались вступить за жертв хулиганского террора, но, столкнувшись с наглым отпором, предпочли замолчать и сделать вид, что ничего не происходит. Сложилась типичная ситуация, когда агрессивное меньшинство диктовало свою волю пассивному большинству. Картина маслом – волк и овечье стадо. Хотя среди овечек были видны и головы нескольких баранов, упорно делающих вид, что это их не касается. Хотя именно их незначительных усилий вполне хватило бы, чтобы урезонить наглеца, а при необходимости и выдворить из вагона. Но пассивное большинство предпочитало временный комфорт в малюсеньком личном коконе потенциальному дискомфорту при стычке с негодяем. Так «гопник» внезапно получил небольшую, но все-таки власть на небольшом ограниченном жизненном пространстве.

И совсем скоро, лет этак через семь-восемь, на тонущем советском «Титанике» уже сотни тысяч «гопников» будут

похожими методами захватывать города и поселки, органы власти и силовые структуры, предприятия и учреждения. А услужливые сценаристы-режиссеры с крючкотворами всех мастей, тонко чувствующие ситуацию, будут создавать «творения», в которых главными героями и нравственными ориентирами станут те же самые «гопники» или новые «революционеры», только уже сходявшие в баню и парикмахерскую, облаченные в соответствующий прикид. Это уже было когда-то в России, в октябре 1917-го... и вот вернется опять в 1991-м. Сей неприглядный эксцесс, случившийся со страной, назовут благозвучным французским словом *revolution* (революция), заменив тем самым обыкновенное русское слово «переворот».

Китаев спиной чувствовал разгорающийся конфликт и новое приближение вроде бы только окончившейся службы. Вместо отдыха ему вновь предстояла грязная возня с непредсказуемым исходом, на сей раз уже не в служебном помещении, а в свободном городском пространстве, открытом критичным взглядам публики. С собой не было ни оружия, ни спецсредств, ничего того, что нужно для быстрой и эффективной нейтрализации злодея, который физически сильнее его. А самое главное – не было полномочий. Была только милицейская форма, которая обязывала вмешаться в конфликт с непредсказуемым исходом.

Создалась ситуация, в которой нет ни четких прав, ни обязанностей милиционера. Методика действий в таких случа-

ях не прописана ни в одном приказе, а если таковые и пылились где-то в архивах МВД, то были расплывчатыми и могли трактоваться в судебных разбирательствах как подзаконные нормативные акты, не гарантирующие сотруднику должной правовой защиты в случае нанесения каких-либо травм и повреждений ему или злодею. Фактически каждый сотрудник МВД в подобных случаях должен был действовать на свой страх и риск, почти как гражданское лицо. Милиционеры находились не при исполнении должностных обязанностей, это было их личное время. Налицо – служебно-правовая коллизия, в которой оказывались многие стражи порядка.

Неоднократно на совещаниях руководству задавались вопросы, как поступать при таких обстоятельствах. Они не были определены самим Законом. В ответ звучало глубокомысленное ценное указание: «Если в вашем присутствии совершаются противоправные действия, то вы обязаны их пресечь в соответствии с действующим законодательством». Не могло руководство ответить иначе, ему попросту нечего было сказать. Таким образом проблема заметалась под ковер, оставляя милиционеров между молотом и наковальней.

А тем временем действо под названием «террорист и заложники» набирало обороты, среди пассажиров периодически слышался глухой ропот, который, впрочем, стихал, как только хулиган обращал внимание на недовольных. «Новая власть» устанавливала свой порядок.

На этом фоне все более нелепыми выглядели две без-

участные фигуры в милицейских шинелях возле заднего окна. Возмущенно-насмешливые взоры пассажиров, обращенные к ним, ясно говорили: «Наша милиция нас бережет... Ну-ну». Примерно так же люди смотрят на начальника ЖЭКа, когда прорвало канализацию в квартире или долго не убирается снег во дворе. Взять лопату в руки, перекрыть воду или дать отпор хулигану самостоятельно выходит за рамки здравого смысла среднестатистического обывателя.

Китаев развернулся лицом к агрессивно-послушному большинству вагона, давая понять, что обстановка находится под контролем и хулиганство будет пресечено, если оно продолжится.

Нерешительность милиционеров тем временем подействовала на урку самым ободряющим образом, он окончательно вошел в роль «смотрящего по камере» и продолжил устанавливать в новообретенном мини-государстве свои законы. Демонстративно наступив сидящему перед ним испуганному мужчине на ногу, он вновь с силой методично стал бить коленом в плечо, заставляя уступить место.

Поняв, что дальше будет только хуже, Китаев с попутчиком начали сближение с отморозком.

– Оставьте человека в покое и пройдите в заднюю часть вагона, – обратился к негодяю милиционер. В ответ на обращение тот и ухом не повел, продолжая издеваться над супружеской парой.

Китаев, взяв дебошира за локоть, стал оттаскивать его

от напуганных пассажиров, второй милиционер подталкивал его в спину по направлению к задней площадке, где было относительно свободно. Гопник сразу же стал оказывать бешеное сопротивление, изрыгая проклятия в адрес сотрудников. Сидящие пассажиры испуганно жались к окнам. От летающих рук негодяя могло бы достаться и им. Существо было препровождено в заднюю часть трамвая подальше от затихших пассажиров, и вот там уже началась та некрасивая, грязная возня для нейтрализации недоумка, которая в служебных рапортах называется «задержание».

Сие мероприятие, как правило, в корне отличается от фантастических сцен, рожденных плодовитыми мозгами творческой интеллигенции. Основная борьба проходила в партере, оба милиционера были ниже хулигана и менее крупными. Кроме того, они были одеты в шинели, которые сковывали движения. Необходимо было связать сопротивлявшегося негодяя подручными средствами и обыскать на предмет колюще-режущих предметов, а потом вывести из трамвая. Задача оказалась не из простых. Задержанный был под воздействием чего-то возбуждающего, отчего болевой порог снизился, и все эти киношные загибы руки за спину для него были что слону дробинка.

Борьба шла с переменным успехом и сопровождалась дикими выкриками и почти ревом преступника. Традиционное «Менты – козлы» было самым безобидным из словесного набора дебошира. В пылу схватки один из милиционеров был

повален на пол и оказался под грузным телом урки, тот явно пытался дотянуться до горла. Китаеву ничего не оставалось, как применить ударную технику, целясь по почкам или печени противника. Но «пробить буйвола» не удавалось, и тогда Китаев со стороны затылка просунул указательные пальцы в уголки его рта и с силой оторвал злодея от лежавшего навзничь напарника. На лицах и руках противников показалась первая кровь. Невозможность быстрой победы стражей порядка очень воодушевляла преступника, он уже мысленно представлял, как его незримый рейтинг и авторитет среди уркаганов поднимается на еще большую высоту.

Между тем ситуация приобретала характер патовой, ни милиционеры не могли связать его, ни хулиган не мог отбиться. И дабы развернуть ситуацию в свою сторону, виновник торжества вновь решил использовать психологический прием и стал изображать из себя жертву милицейского произвола.

– Люди! Помогите, смотрите, что эти твари делают, меня убивают, – летело из окровавленного рта «террориста».

Эти призывы к общественности с каждой новой попыткой милиционеров его обездвигить звучали все истеричнее и, в конце концов, возымели действие. Кровь, крики, взлохмаченные волосы – все это малоприятное зрелище подействовало на трамвайную публику, недавно еще бывшую в роли заложника у несостоявшегося террориста. Сначала нестройные и неуверенные, а затем все более дружные выкрики за-

звучали от ее отдельных граждан.

– Что вы делаете? Как фашисты! Отпустите человека!

Что особенно поразило Китаева, так это то обстоятельство, что самым активным «адвокатом» гопника оказался тот самый пассажир в шляпе, которого особенно активно «прессовал» злодей. И это вместо поддержки, которую, по логике, должны были оказать люди своим защитникам. Стрелы негатива в адрес санитаров общества совпали в едином порыве как со стороны пассажиров, так и со стороны «жертвы режима», и крайними, как всегда, оказались правоохранители. Ну что же – глас народа был услышан. У Китаева в институте по предмету «Логика» всегда были «пятерки».

«Ради кого и чего мы стараемся? – мелькнула мысль в его в голове. – Похоже, людям в трамвае этого не нужно, возможно, кто-нибудь из них завтра напишет жалобу в прокуратуру, и потом нам придется балансировать между сроком за превышение полномочий и дальнейшей службой».

Вот показалась и нужная милиционерам остановка, которую пришлось бы проехать из-за непонятной и никому не нужной, оказывается, причины.

– Да гори оно все синим пламенем, – сказал Китаев напарнику. – Выходим, пусть товарищ народ сам определится, что он хочет, а чего – нет.

И они, оставив хулигана, покинули вагон.

«Вот это фартануло», – подумал трамвайный террорист, увидев спины выходящих из вагона служивых.

Данный факт весьма приободрил его, ведь дебоширу светило как минимум пятнадцать суток, а как максимум – пару лет в местах, хорошо ему знакомых. А вместо этого, пусть и на небольшой срок, он стал полноправным хозяином целого мини-вагоногосударства под управлением технически грамотного послушного управленца-вагоновожатого. Данный факт весьма приободрил его. Теперь он – Власть. Верховный правитель и законодатель небольшой банановой республики в одном лице. Он осознал, что в его полном психологическом повиновении оказалось народонаселение, сочувствующее его страданиям и только что спасшее его от «псов режима». Осталось разобраться с умником, который, как ему показалось, обозвал его фашистом. С этой целью предводитель и двинулся вглубь вагона вершить правосудие. Искать кандидата на роль приборзевшего долго не пришлось, выбор пал как раз на того мужчину в очках и шляпе, который не хотел уступать ему место. В общем, как все сущее развивается в нашем подлунном мире по спирали, так и эта история вернулась к своему началу.

– Ну что зашхерился, пойдем, – приказал злыдень несостоявшемуся адвокату и, видя его нежелание выполнять команду, схватил за шиворот, потащил на заднюю свободную от пассажиров площадку, пол которой невольничьи вытирал сам еще несколько минут назад. – Так это из-за тебя меня менты прессовали? – прокурорским тоном спросил хулиган онемевшего от насилия и наглости мужчину.

– Что вы? Что вы? – заискивающе залепетал тот. – Я, вернее все мы, кто в вагоне, были за вас, мы требовали, чтобы они вас отпустили.

– Что ты мне чешешь, фуфлыжник, ты же меня называл фашистом, – напирал злодей.

– Да нет же, это я им, милиционерам, кричал, это они – фашисты, я их тоже не люблю, им лишь бы человека посадить! – уверял его мужик с портфелем, преданно заглядывая в глаза.

– Ах ты, сявка, попишу трамвайным колесом, хитрый, значит? Ну-ну... Знаешь, где я таких видел? – недобро усмехнувшись, спросил он и сам же ответил: – На параше... фуфель. Короче, снимай свой лепень¹⁹, это будет моя компенсация, – вынес злодей приговор жертве. – Согласен?

Руки в наколках расстегнули верхнюю пуговицу пальто на очкарике и вновь выжидающе спрятались в карманах куртки хулигана, выпачканной грязью и кровью.

– Да-да, конечно, – безропотно согласился с приговором мужик, мечтая поскорее выбраться из рук грабителя, снял с себя пальто и отдал бандиту.

– А это тебе на память, олень, – произнес тот и бросил ему в ноги свою порванную и грязную куртку. – А теперь вали, – напоследок приказал он, примеряя на себя добычу.

Мужик выпорхнул из вагона, выполнив приказ урки, и растворился в толпе.

Финал этой истории Китаев узнал позднее от водителя

трамвая, на котором обычно возвращался после смены до- мой.

Он закончил свой рассказ и, выжидающе глядя на Беляе- ва, произнес:

– Так кого же мы защищаем и от кого кого спасаем? За- служивают ли спасаемые этого спасения?

В ответ Беляев с усмешкой показал ему на очередную ре- чевку-плакат у них над головами: «Служим Отечеству, слу- жим народу».

– Да, Паша, история некрасивая, без счастливого конца, как в фильмах. Но мы сами выбрали эту работу, никто на- сильно нас не просил писать заявления о приеме. Это у те- бя шок от действий в нестандартной и непривычной обста- новке. Знаешь, в чем была ваша ошибка по задержанию? – спросил он Китаева.

– В чем же?

– Вам не надо было вязать его в трамвае, не имея для этого ни навыков, ни средств. Вывели бы его из вагона в какой-то глухой угол и там без лишних свидетелей нейтрализовали. А так обычно впечатлительная публика, особенно женщины, не воспринимает реальных боевых сцен, потому как все вы- глядит не так, как показывают в кино и пишут в книжках, – просвещал его Беляев – Стоит ли их винить за это?

Вопрос, на который не было однозначного ответа, повис в воздухе.

Алексею приходилось несколько раз работать в качестве

подстраховки, в режиме «пост-фактум», с группой по борьбе с карманными кражами из краевого УВД, и его всегда восхищала их слаженная работа по задержанию карманников с личным, как говорится, без шума и пыли. Часто приходилось работать как раз в транспорте или на выходе из него. Особенно хороши были оперативники-женщины, которые выступали в роли рассеянных пассажиров.

– Да, навыков у нас нет, мы обыкновенные дежурные на телефонах. Но меня поразило поведение людей, на выручку которых мы встали, – говорил Китаев. – Я бы понял народ, если бы он просто молчал, когда мы делаем свою работу, но ведь он встал на защиту злодея, который только что издевался над ними.

– Да, Паша, не бери ты это в голову, народ – это такая непредсказуемая субстанция, он иногда сам не понимает, что хочет. Это как ребенок со своими капризами, умозаклочениями, коллективным опытом, – успокаивал Беляев. – Вот в Швеции был захват заложников, террористы держали их взаперти несколько дней, ждали, пока власти выполнят их требования. Так некоторые из заложников за это время буквально перешли на сторону захватчиков, сочувствовали им, помогали умирять остальных недовольных, по сути, превратились в пособников. И назвали потом это явление досужие газетчики стокгольмским синдромом. Само действие происходило в столице страны, в Стокгольме, – продолжал Алексей уже на ходу, прощаясь с Китаевым.

Понятие «народ» со школьной скамьи было для Беляева чем-то священным, величественным. Народ постоянно, во все века был кем-то угнетаем, обижаем, и ему постоянно требовалась защита. Защита от голода, холода, сытых и подлых властей, криминала, пожара, неработающей канализации, а оказалось – еще и друг от друга. Эта простая истина открылась Беляеву уже на первом году службы, хотя и не могла долгое время сформироваться окончательно. В мозгу крепко сидели школьные программы и прочитанные в детстве книги.

И действительно, где проходит та тонкая грань, которая разделяет понятия «народ» и «толпа», «общество» и «население», «социум»? Почему, как из небытия, из ниоткуда появляются воры и грабители, убийцы и насильники, мародеры и мошенники, коллаборанты и предатели Родины и куда вдруг таинственно исчезают? Что служит причиной превращения одного в другое, является спусковым крючком? Пятна на солнце, землетрясения, метеофакторы, генетические сбои, действия властей, понижение уровня жизни, голод?

Напрашивается очень приземленный, незамысловатый и лежащий на поверхности фактор, который как бы вбирает в себя все перечисленное и в сумме получается примитивный материализм, борьба за свое выживание и продление рода, и все это должно происходить как можно в более благоприятных условиях для каждого индивидуума.

«Бытие определяет сознание» – все точно по Марксу.

Можно ли людей за это осуждать? Да конечно же нет. Так устроено живое существо, когда привычные условия начинают меняться в сторону ухудшения, млекопитающее тревожится. С него вмиг слетают все идеологические установки и лозунги, оказываются затоптанными знамена и вымпелы, сужаются сосуды и бледнеют лица, готовясь к лишениям. Классики наши писали о мещанстве, зарубежные – о бюргерстве, пытались клеймить это явление, а зря, ибо природу человеческую не изменить.

Примечания

¹ПМ – пистолет Макарова.

²Броуновское движение – беспорядочное движение микроскопических видимых взвешенных частиц твердого вещества в жидкости или газе, вызываемое тепловым движением частиц жидкости или газа.

³«Третья смена» – общее наименование организованного криминального движения во Владивостоке и Артеме, зарождение которого относится к семидесятым годам прошлого века.

⁴ВПК – военно-промышленный комплекс.

⁵КПЗ – устаревшее название изолятора временного содержания.

⁶Ромалы – самоназвание цыган.

⁷Статья 209 УК РСФСР гласила, что «Систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, продолжаемое после повторного предупреждения, сделанного административными органами» каралось лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года.

⁸Tobi Yoko Geri (Тоби Ёко Гери) – удар в сторону в прыжке. Самый популярный и зрелищный удар в карате-сетокан, долгое время являвшийся визитной карточкой этого вида единоборств.

⁹Макиваре – вариант боксерской груши в карате.

¹⁰ИТК – исправительно-трудовая колония.

¹¹Промискуитет – беспорядочная, ничем и никем не ограниченная половая связь со многими партнерами.

¹²Номо erectus – человек прямоходящий.

¹³Звездочка октябрят – внутрикласная группа школьников-октябрят из пяти человек.

¹⁴Истмат – исторический материализм.

¹⁵«Холодная» – помещение для задержанных.

¹⁶ЗП – обозначение в паспорте СССР, дающее право на нахождение в пограничной зоне.

¹⁷Кневичи – село, входящее в состав Артемовского городского округа Приморского края.

¹⁸Рандолевая фикса – металлическая коронка на зубе.

¹⁹Лепень – (уг. жаргон) костюм, пиджак.